

Кабытов П.С., Курсков Н.А.

**ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ
НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ, ДОКУМЕНТАХ И
МАТЕРИАЛАХ (1917 – 1918 гг.)**

Самарский госуниверситет 2004

<i>Кабытов П.С., Курсков Н.А.</i>	3
ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ, ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ (1917 – 1918 гг.)	3
<i>Самарский госуниверситет 2004</i>	3
П.С. Кабытов, Н.А. Курсков* Самарское земство, земельные комитеты и подготовка аграрной реформы в 1917 году	14
Из биографии самаровского крестьянина Прокопия Климушкина	102
Литература и источники	108
П. Климушкин. Из Зерентуя до Самары (К амнистии 1917 года)	109
I. Как нас освобождали	109
II. Как нас встречали	119
III. В Самаре	123
Из биографии присяжного поверенного Константина Глядкова	128
Литература и источники	131
К. Г. Глядков. История Комитета Народной Власти первого периода	133
П.Д. Климушкин. История Комитета Народной Власти второго периода	154
Конструкция Комитета Народной Власти	154
Аграрный вопрос	157
Продовольственный вопрос	162
Охрана города	165
Квартирный вопрос	173
О жандармах и провокаторах	176
Тюремное дело	181
Приютское дело	182
Я. Тисленко. Русскому народу	189
П.Д. Климушкин. История аграрного движения в Самарской губернии	190
I. Вместо предисловия	190
II. Революция и настроение в деревне	195
Первый крестьянский съезд	196
III. Значение постановлений Первого Съезда для губернии	200
IV. Перед Вторым Съездом (май месяц)	203
Второй Крестьянский Съезд	208
V. Временные правила пользования землей	211
Общие положения	212
Об инвентаре	214
О лугах	214
[Арендная плата]	214
VI. Проведение в жизнь Временных Правил	216
Об отрубях и переделах	227
Самарский уезд	229
VII. Отношение Вр[еменного] Прав[ительства] к Зем[ельным] прав[илам] 2-го съезда	230
VIII. Значение постановлений 2-го съезда	233
IX. Порубка леса	240
X. [Без названия]	247
[Третий губернский крестьянский съезд]	252

[Четвёртый губернский крестьянский съезд] _____	256
[Разгром помещичьих имений] _____	257
XI. Заключительный аккорд _____	259
Из биографии латышского крестьянина Ивана Брушвита _____	263
Литература и источники _____	266
И.М. Брушвит. Воспоминания и размышления _____	268
[Заря свободы за тюремной решеткой] _____	268
[Бабушка Русской революции в Самаре и солдаты] _____	269
[Отправка на фронт первого революционного эшелона] _____	272
[Деревня, многомиллионный сфинкс] _____	276
П.Д. Климушкин. Борьба за демократию на Волге _____	283
1. Задача Комуча _____	283
2. Основная линия Комуча _____	288
3. Конструкция власти _____	298
4. Отношение к органам местного самоуправления _____	313
5. Организация народной армии _____	316
6. Состав народной армии _____	322
7. Состояние народной армии _____	330
8. Военно-политический план движения и взятие Казани _____	337
Приложение _____	346
Таблица 1. Состав Второго Самарского губернского крестьянского съезда. 20 мая - 6 июня 1917 года. г. Самара _____	346
Таблица 2. Состав земельной комиссии Второго Самарского губернского крестьянского съезда, подготовившей 24 – 30 мая 1917 года проект «Временных правил землепользования в Самарской губернии до Учредительного собрания» _____	347
Таблица 3. Состав Самарского губернского земского собрания в июне 1917 года _____	348
Таблица 4. Социальное положение и партийность членов земской Земельной комиссии, созданной на Чрезвычайной сессии Самарского губернского земского собрания 6 июня 1917 года для разработки программы деятельности земельных комитетов в губернии _____	349
Таблица 5. Создание уездных земельных комитетов летом 1917 года в Самарской губернии _____	350
Таблица 6. Создание волостных земельных комитетов летом и осенью 1917 года в уездах Самарской губернии _____	351
Таблица 7. Состав Организационного собрания Самарского губернского земельного комитета. 26 июня 1917 года _____	352

Предисловие

Предлагаемая вниманию исследователей и читателей книга задумана и составлена нами в дополнение к вышедшему из печати в 2000 году двухтомнику документов и материалов «Самарское Поволжье с древности до конца XIX века» и «Самарское Поволжье в XX веке» (Самара). Многие из опубликованных в нём исторических источников впервые стали общедоступны. История Самарского края пополнилась достоверной исторической информацией, долгое время остававшейся уделом профессиональных историков.

Её концептуальное осмысление предложено в шести томах «Истории Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней» (М.: Наука, 2000). Сюда органично вошли и новые материалы по истории Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 года, а также Гражданской войны 1918-1922 годов. Однако немало документов и материалов ещё остаются малодоступными читающей публике.

В этой книге мы предоставляем исследователям и читателям возможность обстоятельнее ознакомиться с оригинальными исследованиями и воспоминаниями о Февральской революции на Средней Волге, выполненными в Самаре в 1918 г. и в Праге в 1929-ом.

В 1917-1922 годах народ Самарского края сыграл в истории России своеобразную роль. Как показывают публикуемые материалы, своеобразие проявилось в стремлении самарских волжан к демократии через Учредительное собрание. Апогеем этих стремлений стало создание в Самаре летом 1918 года российского антибольшевистского правительства – Комитета членов Учредительного собрания.

Со второй половины 90-х годов XX века научный интерес к истории Самары и губернии 1917-1922 годов заметно возрос. Выполнены

диссертационные исследования, опубликованы монографии и десятки статей. В Самаре – Ю.Ю. Аншаковой, Н.Н. Кабытовой, А.В. Калягиным, Н.А. Курсковым, В.А. Лапандиным, М.Н. Матвеевым, Ю.В. Оспенниковым, В.Н. Парамоновым, Л.Н. Устиной, М.С. Чирковым, А.Б. Щёлковым, в Ульяновске – Д.С. Точёным, Н.А. Точёной, М.Д. Точёным, в Пензе – В.В. Кондрашиным и другими авторами.

Трагедийная эпоха русской революции и гражданской войны воссоздаётся на основе новой методологии, суть которой можно выразить двумя словами – правда и профессионализм. В монографиях Г.А. Герасименко, П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой, В.В. Кондрашина революционные процессы в Поволжье рассматриваются сквозь призму взаимоотношений власти и общества, что позволяет рельефнее показать каждую грань.

Значительное место в исследованиях продолжает занимать история самарского крестьянства.

Современные представления о роли крестьянства в глобальных социально-экономических и политических катаклизмах начала XX века пополняются историографическими новациями. Внимание историков привлекают те аспекты традиционной аграрно-крестьянской проблематики, которые в годы коммунистического режима были жестко табуированы. Негласный запрет коммунистическим режимом был наложен на исследования проблем крестьянской социальной психологии, идеологии, истории демократических крестьянских комитетов (народной власти, продовольственных, земельных), волостных земств, крестьянских советов, съездов, немарксистских политических партий, поведения крестьян в революции и гражданской войне. Отобразить на страницах исторических исследований крестьянское движение как явление, имеющее собственную природу и цели было невозможно. Под запретом находилась история крестьянских и солдатских бунтов и крестьянских восстаний в период

установления и упрочения коммунистической диктатуры, история иных властных режимов, особенно – крестьянско-демократических.

С устранением препон в использовании архивных материалов в конце 1980-х - начале 90-х годов XX в. открылись новые возможности в постановке и решении инновационных исследовательских задач крестьянской истории.

Пресловутый «гвоздь» российских реформ и революций 1917 года – аграрный вопрос и его демократическое решение – продолжает оставаться актуальным и в современной российской историографии. Причём, и как проблема научно-исследовательская, и как социально-экономическая, и как политическая. Нельзя не признать и того, что воссоздаваемая современными исследованиями картина истории революций и гражданской войны в Самарском Поволжье остаётся неполной.

На периферии читательского интереса остаётся сборник статей «Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии», опубликованный в Самаре в 1918 году. Содержащаяся в нём интереснейшая информация недоступна, потому что сохранилось мизерное количество экземпляров. Между тем статьи являются первыми оригинальными исследованиями истории Февральской революции в Самаре и губернии. Они написаны видными самарскими демократическими политиками 1917 – 1918 годов, социалистами-революционерами Константином Гавриловичем Глядковым, Прокопием Диомидовичем Климушкиным, Иваном Михайловичем Брушвитом, рядом других не менее известных самарских деятелей. Имена этих политиков были надолго вычеркнуты из официальной истории Самарского края ещё до затвердения сталинщины. Возвращение их исследований в современную историографию истории революций и гражданской войны в крае устраняет эту искусственную дискретность.

Републикуемые статьи К.Г. Глядкова и П.Д. Климушкина написаны ими в Самаре в феврале – апреле 1918 года, в первый период большевистской власти. Обе статьи обстоятельно документированы. Авторы имели доступ к

источникам, которые позже отложились в Самарском областном госархиве – в фондах «Губернского Комитета народной власти» (ф. 813), «Губернского комиссара Временного правительства» (ф. 814), «Губернского земельного комитета» (ф. 823). Кроме того, им были доступны документы Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, в последующие годы утраченные. Речь, конечно, не о том, что Глядков и Климускин, листая архивные «единицы хранения», изучали историю «Комитета народной власти первого периода» (Глядков), «Историю Комитета народной власти второго периода» (Климускин) или «Историю аграрного движения в Самарской губернии» (он же), а о том, что в 1917 – 1918 годах оба были в «материале», поскольку руководили организациями и учреждениями, фрагменты делопроизводственных документов которых сохранились в современном архивохранилище.

Глядков, Климускин, Брушвит находились в эпицентре самарской демократической революции, участвовали во всех крупных политических акциях в периоды демократического управления краем 1917 (февраль – октябрь) и 1918 (июнь – октябрь) годов. Документы, на основе которых написаны их статьи, создавались в процессе их управленческой и политической деятельности. Но, авторы, видимо, располагали ещё и домашними библиотеками, в которых имелись протоколы крестьянских уездных, губернских и столичных съездов, заседаний, совещаний, собраний. Многие материалы значительными тиражами были опубликованы местной земской типографией. В качестве источников они могли использовать местные и общероссийские газеты, и, вероятно, личные записи. Их статьи отличаются фактографической точностью.

Несмотря на бурные революционные биографии, самарские социалисты–революционеры сумели получить неплохое образование. Знания и опыт позволяли им не только реалистично воспринимать суть происходящих событий, но и предвидеть негативные последствия резкого разрыва традиций и

разрушения прошлого. Им претили идеи диктатуры как слева, так и справа. Поэтому они стали не только последовательными противниками большевиков и их революции, но и диктатуры монархистов и кадетов.

Надеемся, от внимательного читателя не ускользнёт и признание П.Д. Климущкина в том, что в качестве источника для своей статьи об аграрном движении в Самарской губернии он использовал наказы («числом около двухсот штук»), составленные на сельских и волостных сходах и привезённые самарскими крестьянами на майско-июньский губернский съезд. Делегаты передали их в съездовскую Земельную комиссию (28 мая 1917 г.). Он раньше других понял историческую ценность этих документов и, видимо, опасаясь, что в суматохе революционных событий они затеряются, решил не передавать их в Самарский совет крестьянских депутатов. Тексты наказов остались в его личном архиве. Опасения не были напрасны. Богатейший архив Самарского губернского крестьянского совета утрачен. В современном Самарском госархиве за 1917 год сохранились фонды с документами Совета рабочих и солдатских депутатов. Но архива самого крупного в губернии совета – Совета крестьянских депутатов нет даже в перечне фондообразователей. Утрата крестьянских документов, конечно, дело совсем не случайное. Самарский крестьянский совет осенью 1917 – зимой 1918 годов был наиболее последовательным противником установления и упрочения власти большевистских советов в губернии. Это и предопределило судьбу его архива. Подобное положение с политическими крестьянскими документами и материалами типично для всех современных областных и республиканских (бывших губернских) государственных архивов, кроме Национального архива республики Татарстан (бывшая Казанская губерния).

Фонд Казанского губернского совета крестьянских депутатов единственный из средневожских, который сохранился достаточно целостно. Может быть это стало возможным потому, что казанский социалист-революционер А.Л. Колегаев, сыгравший в Казанской губернии в 1917 году

роль лидера крестьянской демократической революции, то есть ту же, которая выпала на долю П.Д. Климущкина и И.М. Брушвита в губернии Самарской, в ноябре 1917 года стал комиссаром земледелия в ленинском Совнаркоме. В 1938 году А.Л. Колегаев был репрессирован. Но казанский крестьянский архив «репрессий» избежал.

С фактами биографий авторов публикуемых статей читатель имеет возможность ознакомиться здесь же. Биографии составлены из мозаичного и фрагментарного материала. Они восстановлены настолько, насколько это возможно сделать на настоящий момент.

Сборник статей о революции 1917 – 1918 годов в Самарской губернии, инициатором которого был П.Д. Климущкин, до сих пор нередко воспринимается историками как сборник мемуаров. Этим обстоятельством обусловлено характерное для исследователей 1950-80-х недоверие к информации, сомнения в её исторической достоверности. Такой подход к оценке сборника, «естественный» для историков прошлых десятилетий, сегодня явно нуждается в существенной корректировке.

Действительно, в сборнике есть мемуары. Признакам этого типа исторических источников соответствуют тексты публикуемых статей И.М. Брушвита «Воспоминания и размышления» и П.Д. Климущкина «От Зерентуя до Самары». Но совсем нетрудно убедиться, что их мемуары разительно отличаются от большевистских многотомий, которые распространялись в коммунистическую эпоху и до настоящего времени составляют значительную часть литературы для народного чтения о революции и гражданской войне в библиотеках. Большевистские мемуары несопоставимы с мемуарами Брушвита и Климущкина ни по степени проникновения в изображаемую эпоху, ни по уровню осмысления событий, ни по искренности.

Воспоминания Брушвита написаны в губернской тюрьме (Самара, Ильинская-Арцыбушевская) в марте 1918 года. «Неожиданная» неволя обострила ум и чувства лидера самарских крестьянских демократов, придала

его размышлениям психологическую достоверность. Воспоминания информативны, корректны в оценках событий, лиричны и личностны. В них ощущается сожаление об упущенных возможностях в борьбе с большевистским «эгоизмом». Но нет дежурной классовой ненависти к политическим противникам – ни к социал-демократам большевикам, ни к членам партии народной свободы (кадетам), столь характерной для мемуаров большевистских. Известные и широко доступные самарским читателям большевистские мемуары пропитаны классовой ненавистью к политическим противникам как нафталином. Их самая отличительная черта – нетерпимость. Первые крохи псевдомемуаров этого толка были опубликованы в Самаре во второй половине 1920-х годов. Но основная лава заботливо уложенных в ложе большевистской идеологии «мемуаров» была обрушена на читателей со второй половины 30-х годов. Навязчивый и примитивный пропагандизм обесценивает её использование в качестве исторического источника. Мемуарные тексты Брушвита и Климушкина этого искажающего фактора не имеют. В них достоверно отразились не только важнейшие события переломной эпохи 1917 года, но и особенности её личностного восприятия, что весьма ценно. И, наконец, последнее.

Мы публикуем текст самой крупной исследовательской работы П.Д. Климушкина из написанных им в Праге – «Борьба за демократию на Волге» (1929 г.). В ней воспроизводятся ситуации, в которых он участвовал лично или был хорошо о них информирован по службе. На родине автора, в Самарском Поволжье, эта публикация – первая. Ни самарская, ни ульяновская, ни йошкар-олинская, ни казанская республиканские и областные библиотеки этого текста до сих пор не имеют. Эта статья Климушкина, впрочем, как и две предыдущие, отличается аналитичностью, ясностью целей и задач. Местами она звучит по-самарски, с юморинкой, что свидетельствует о не покидавшей автора уверенности, что правда в исторической перспективе непременно возьмёт верх над заблуждениями эпохи революционного буруна, в которую ему

выпало действовать. Несмотря на то, что в статье речь идёт о провальной попытке тогдашних самарских крестьянских демократов в противовес большевистскому комиссародержавию восстановить принципы февральской демократии на Волге в 1918 году, нельзя не заметить, что общий её тон оптимистичен.

Надеемся, что тексты статей самарских крестьянских демократов 1917 – 1918 годов, как и статья о земельных комитетах, самарском земстве и о подготовке земельной реформы в губернии в 1917 году, конкретизируют представления о трагическом опыте русской демократии тех лет и будут интересны и полезны современным исследователям и читателям.

П.С. Кабытов, Н.А. Курсков

Самара, 2004, октябрь

П.С. Кабытов, Н.А. Курсков* Самарское земство, земельные комитеты и подготовка аграрной реформы в 1917 году

В новейший период развития российской историографии (70-90-е годы XX века) по истории земельных комитетов был опубликован ряд работ¹. Затем наступил период, который можно назвать временем концептуального переосмысления проблем аграрной революции в России². Он характеризуется методологическими поисками. Цель поисков – адекватнее отразить сущность деятельности крестьянских организаций 1917 года, консолидировавших самый многочисленный слой населения России начала XX века. Это, однако, не только не снимает проблему региональных исследований, но наоборот, делает её ещё более насущной.

История крестьянских организаций в Самарской губернии стала привлекать внимание историков лишь во второй половине 1950-х годов.

Изучая проблему установления советской власти в Среднем Поволжье, куйбышевский историк Е.И. Медведев обратил внимание на деятельность низовых крестьянских организаций, среди которых он особо выделил земельные комитеты³. По его мнению, вопреки намерениям Временного

*© П.С. Кабытов, Н.А. Курсков, 2002

¹ См.: Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917- первой половине 1918 гг. (На материалах Нижнего Поволжья.) Саратов, 1974; Кострикин В.И. Земельные комитеты 1917 года. М., 1975; Седов А.В. Крестьянские организации в 1917 году: идея, организация, статус. Саратов, 1990.

² Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994.; Седов А.В. Демократизация сельского самоуправления в 1917 году // Там же.; Вронский О.Г., Щагин Э.М. Большевистский режим и крестьянство России в 1917-1920 гг. // Там же.; Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 146-154.; Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара, 1999.

³ Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге // Учёные записки Куйбышевского государственного педагогического института. Вып. 24. Т. 1. Куйбышев, 1958.

правительства, земельные комитеты стали не органами подготовки земельной реформы, а «кавалерией» против частного землевладения.

В этой связи особый интерес историков вызывала проблема участия земельных комитетов, которые они относили к революционно-демократическим организациям, в конфискации земли у частных владельцев.

Попытки радикально обновленных в 1917 году органов земского самоуправления направить деятельность комитетов в русло демократической подготовки и проведения аграрной реформы, органов, которые тоже представляли крестьянское «сословие», но иной, чем крестьянские съезды, гранью, оценивались как буржуазно-соглашательские. Многогранность социальных интересов, выявленная идеей земельных комитетов, выхолащивалась, историческая реальность упрощалась, а отсутствие исследований на материалах губернии исключало возможность представить процесс создания комитетов как целостное явление. Незученной оставалась динамика создания и деятельности, как земельных комитетов, так и волостных земств, что скрывало масштабы организационной и политической борьбы вокруг них. А это не позволяло объективно оценить проделанную в губернии работу по подготовке демократической земельной реформы накануне Учредительного собрания.

В предлагаемой статье ставится цель восполнить пробелы в созданной историками истории самарского крестьянства в 1917 году.

При её написании были использованы разнообразные источники. Их основу составили архивные материалы фондов Самарского губернского земельного комитета (Госархив Самарской обл., ф. 823) и Главного земельного комитета (Госархив РФ, ф. 1796). В исследовании начальных этапов истории земельных комитетов в губернии значительное внимание уделено источникам, которые позволили воссоздать достоверную историческую картину развития аграрной революции в крае в 1917 году. В силу разных причин эти документы использовались ранее либо фрагментарно, как, например, протоколы

организационного заседания губернского Земельного комитета 26-28 июня 1917 года, либо вообще не вводились в научный оборот, как, например, протоколы заседаний Чрезвычайной сессии губернского земского собрания 6-11 июня и ряд других.

* * *

Впервые словосочетание «земельный комитет» в 1917 году прозвучало в России 19 марта в тексте одного из первых постановлений Временного правительства, касавшихся новой аграрной политики⁴. «Война и падение старого строя поставили на очередь самые серьёзные экономические и хозяйственные вопросы России. Их планомерное и целесообразное разрешение необходимо для благосостояния государства. *Первейшим из первых среди них является земельный вопрос* (курсив наш. – Авт.), решение которого составляет самую серьёзную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента»⁵, – констатировали новые министры. В постановлении подчёркивалось, что земельная реформа является основным требованием всех российских демократических партий. Это обстоятельство представлялось правительству достаточной гарантией, что земельная реформа «несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании». Вместе с тем оно выразило обоснованную обеспокоенность «случаями» самовольного вторжения в сферу земельных отношений, последовавшими в первые недели марта вслед за ликвидацией в российской деревне органов самодержавной власти и созданием новых властных структур. Как известно, первыми атаку на помещичье и частное крестьянское землевладение повели крестьянские общинные сельские и волостные комитеты. Правительство сочло необходимым предупредить страну об опасностях аграрного хаоса.

⁴ Экономическое положение России накануне великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Ч. III. Сельское хозяйство и крестьянство. Л., 1967. С.209.

⁵ Там же.

«Земельный вопрос не может быть проведён в жизнь путём какого-либо захвата, – писали новые министры. – Насилие и грабежи – самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой гибельный путь, на котором не может быть никакого разумного исхода. Земельный вопрос должен быть решён путём закона, принятого народным представительством»⁶. В связи с этим правительство первой задачей признало «скорейшее выполнение подготовительных работ по земельному вопросу с тем, чтобы все материалы и сведения были предоставлены народным представителям», т. е. Учредительному собранию.

Историки 1940-80-х годов называли это постановление не иначе как пустой «декларацией» и трактовали предпринятый правительством шаг только как политический маневр. По их мнению, правительство пыталось использовать земельные комитеты лишь для того, чтобы «посеять» среди крестьянского населения страны иллюзии подготовки аграрной реформы⁷. Конечно в то время историки не могли, да и не хотели предполагать, что этот путь наиболее соответствовал закреплению демократических преобразований в стране после устранения самодержавия. Однако заметим, что таким образом затуманивалась и искажалась суть документа и очевидный демократизм изложенного в нём замысла аграрной реформы.

В краткой преамбуле постановления разъяснялась стратегия новой аграрной политики правительства, которое брало на себя ответственность за её реализацию.

Постановление содержало поручение министру земледелия начать «подготовку и разработку материалов по земельному вопросу». Для прежних

⁶ Экономическое положение России... С. 209.

⁷ См., например: Першин П.Н. Крестьянские земельные комитеты в период подготовки великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 89; Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге ... С. 182; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 114; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 102; Минц И.И. История великого Октября. В 3-х т. Т. 1. М., 1977. С. 732, 734 и др.

самодержавных правительств это было немыслимо. Подобного рода поручения были, как правило, секретными. Самодержавие всегда стремилось к тому, чтобы общество не имело возможностей влиять на процесс выработки проектов преобразований, – особенно в аграрной сфере.

Для достижения «означенной цели» министру земледелия поручалось «образовать ... *земельный комитет*» (Курсив наш. – Авт.). Министр должен был «в ближайший срок представить правительству проект учреждения *такого комитета* (Курсив наш. – Авт.) и исчисление сумм, необходимых для его работ»⁸. Финансировать деятельность новых органов правительство предполагало из государственной казны.

Принятое во вторник 19 марта 1917 года, постановление уже 21-го, т.е. день спустя, было опубликовано в правительственном Вестнике. Одновременно оно было прокомментировано общероссийскими газетами. Практически не было волости, крестьянское население которой осталось бы в неведении об этих намерениях Временного правительства. К его голосу провинция прислушивалась с доверием.

Специальное постановление правительства об учреждении земельных комитетов, принятое 21 апреля 1917 года, то есть месяц спустя, стало их реализацией. В постановлении «Об учреждении земельных комитетов» правительство предписывало учредить специальные государственные органы – «Главный и местные (губернские, уездные и волостные) земельные комитеты, состоящие в ведении Министерства земледелия»⁹. Комитеты создавались «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Таким образом, изначально компетенция комитетов очерчивалась в двух аспектах – перспективном (для подготовки земельной реформы...) и текущем (для разработки неотложных мер впредь до Учредительного собрания...).

⁸ Экономическое положение России... С. 209.

⁹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

Правительство предусматривало создание новых органов государственной власти – земельных комитетов – на всех уровнях административно-территориальной структуры управления страной: местном (волостных, уездных, губернских) и общероссийском (Главного).

Отметим, что вопреки утверждениям, распространенным в исторической литературе, постановление не настаивало на принципе факультативности как на единственном варианте создания комитетов в волостях¹⁰. Наоборот, в нём указывалось, что «образуются Главный и местные земельные комитеты» и разъяснялось – «местные» означает «губернские, уездные и волостные»¹¹. Вместе с тем, в пункте VII подчёркивалось, что «повсеместно учреждаются губернские и уездные земельные комитеты. Волостные комитеты могут быть образуемы по инициативе местного населения или уездных комитетов»¹².

Таким образом, решение вопроса о создании волостных земельных комитетов было отдано на усмотрение уездной и волостной демократии. Трактовка этих пунктов как факультативных, по меньшей мере, странна. Во-первых, очевидно, что эта рекомендация не имеет императивного характера. А во-вторых, её практический смысл противоположен утверждениям историков. Тезис, принятый правительством, по сути, не имеет к факультативности никакого отношения, поскольку не сужает, а наоборот, расширяет права местного населения и созданных им уездных комитетов народной власти в решении вопроса о создании или отказе от создания земельных комитетов в волостях.

На Главный земельный комитет постановление возлагало «общее руководство собиранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений». Ему же вменялось в обязанность «составление общего проекта земельной реформы на основании данных и всех соображений, какие будут

¹⁰ Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 130.

¹¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.; Экономическое положение России... С. 215.

¹² Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

представлены местными земельными комитетами»¹³. Руководство системой новых земельных органов возлагалось на министерство земледелия¹⁴.

Проект постановления об учреждении земельных комитетов был подготовлен под руководством конституционного демократа А.И. Шингарёва, известного российского земца, депутата II, III и IV-ой Государственных дум. В марте 1917 года он вошёл в состав первого Временного правительства в качестве министра земледелия. Ему удалось привлечь к этому делу виднейших российских аграрников и, прежде всего, А.С. Посникова. В состав комиссии, которая позднее стала именоваться «Лигой аграрных реформ», вошли С.Л. Маслов, Н.П. Макаров, Б.Д. Бруцкус, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Огановский, А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев, Н.И. Ракитников, А.А. Кауфман, П.Н. Першин и др.¹⁵

О деловых качествах министра А.И. Шингарёва даже его политический противник социал-демократ меньшевик Н.Н. Суханов (Гиммер) отзывался с нескрываемым восхищением. «Шингарёв был превосходным деловым министром — со знанием, с огромной энергией, с твердостью и авторитетом» — отмечал он. Называя Шингарёва «даровитым человеком», «вечным работником на земской, демократической ниве», «гуманным человеком», Суханов подчёркивал, что он был «яростным врагом советской демократии»¹⁶. Причину «враждебности» Шингарёва к совдеповской демократии Суханов не комментирует. Однако, ясно, что эта «враждебность» вызвана, прежде всего, неприятием министром вождедений Петроградского исполкома совдепа безответственно «руководить всем».

Взаимоотношения Шингарёва с руководством Петросовета в марте 1917 года Суханов проиллюстрировал динамичным рассказом об участии министра в одном из заседаний Контактной комиссии. «Шингарев заговорил об аграрных

¹³ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.-3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России и XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37.

¹⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. Т. 1. Кн. 1-2. М., 1991. С. 305.

делах, – вспоминал он. – В «Известиях» что-то проскользнуло о конфискации земель. Шингарёв обрушился на это со всей силой. Прежде всего, это гибель для продовольственного дела. Яровые посевы неизбежно резко сократятся под влиянием таких слухов. Он уже получает сведения, что они сокращаются и без того, особенно на юге, особенно специальные культуры, и в частности свёкла (Шингарёв произносил: свекла'). Поднимая вопрос о конфискации или поддерживая такого рода поползновения, Совет наносит удар насущному делу продовольствия и всей стране... А затем, ведь аграрная реформа уже поставлена на очередь, Шингарёв еще не знает её конкретных очертаний, но это, в общем, будет национализация земли в духе социалистических партий. О чем беспокоиться, зачем муссировать это дело и вообще касаться его, нарушая планомерность работ, подрывая авторитет правительства? Куда же вообще все это идет? К чему все это ведет? В каком положении находится власть? Может ли она управлять и спокойно работать в труднейших условиях над труднейшими задачами? А тут еще совершенно официально в Совете заявляется, что правительство они поддерживают постольку-поскольку...»¹⁷.

По мнению Суханова, идею земельных комитетов в марте 1917 года высказал народный социалист А.В. Пешехонов. Причём, Суханов утверждает, что именно он убедил Пешехонова опубликовать статью о земельных комитетах. В первые дни революции они обсуждали эту проблему в частном разговоре в Петросовете. «Пешехонов ... обдумал это дело и имел готовый практический план, – вспоминал Суханов. – Он подробно изложил мне схему земельных отношений на местах. Он изложил именно то, что в ближайшем будущем было действительно с успехом осуществлено по всей России. Практическая, здоровая жилка Пешехонова попала в настоящую точку. Он, правда, ещё не предусматривал всего объёма функций земельных комитетов, какие потребовались в дальнейшем в соответствии с размахом движения. Но это было не существенно: он давал гибкую форму для различного содержания.

¹⁷ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 305.

Комитеты могли быть и гарантией реформы, и гарантией планомерности движения, если бы только реформа не слишком запоздала...»¹⁸. Статья Пешехонова была опубликована в «Деле народа». По мнению Суханова, идея была воспринята правительством ещё и потому, что её активно поддержало «именитое Московское общество сельского хозяйства, [которое], осведомившись о начавшихся беспорядках в деревнях, изобразило из себя московское дворянство перед Александром II, и просило [Временное] правительство 'успокоить крестьянство' оповещением о предстоящей реформе сверху, чтобы оно не поспешило произвести её снизу»¹⁹.

В середине апреля Особой комиссией при министерстве земледелия, – свидетельствует Суханов, – «под председательством одного из лучших русских аграрников профессора А.С. Посникова было разработано, а затем и опубликовано 'Положение о земельных комитетах'. В основу его были положены именно те мысли, которые мне в частном разговоре излагал Пешехонов. Надо думать, он и явился автором, или, по меньшей мере, вдохновителем Положения. Министерство земледелия предполагало для земельных комитетов и демократический состав, и довольно широкие полномочия по урегулированию местных отношений»²⁰.

Как бы там ни было, в тактическом замысле авторов проекта постановления об учреждении органов для подготовки земельной реформы в пост самодержавной России, в самом деле, довольно отчетливо прослеживается организационный алгоритм российских реформ второй половины XIX века и либеральных реформистских думских традиций, сформировавшихся в период думской монархии (1906-1917гг.). Это подтверждается и аналогичностью организационных идей двух важнейших реформ 1917 года, подготовленных и в известной мере осуществленных Временным правительством – земельной и земской – реформам 60-70-х годов XIX века.

¹⁸ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 286.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 46.

С учреждения комитетов, сначала Секретного, а затем местных губернских, известных в исторической литературе под наименованием «дворянских», в 50-х годах XIX века начинал аграрно-крестьянскую реформу Александр II. Как и в 1917 году, одним из труднейших был организационный вопрос. Процедурой формирования комитетов определялся их состав. Состав, в свою очередь, решающим образом влиял на способ и темпы реализации реформ. Неслучайно именно процедура в рескрипте Александра II была прописана особенно тщательно. Формирование комитетов уже тогда предполагалось осуществить на основе сочетания принципов выборности и представительства. Правда, это касалось исключительно дворян, помещиков и чиновников. Однако уже тогда принцип выборности приобрёл немалое значение. Правом выбора были наделены органы дворянского самоуправления – уездные дворянские собрания. Право представительства центр сохранил за собой и губернаторами. В губернских комитетах его представляли чиновники МВД и губернаторы.

Реформаторы 10-х годов XX века, следуя в русле либеральных традиций, внесли в решение организационной проблемы существенные коррективы. Процедура формирования комитетов была радикально демократизирована. Социальный контингент выборщиков был решительно расширен. Право участия в выборах было распространено на крестьянство. Правом участия в формировании комитетов был наделен и ряд демократических политических партий и общественных организаций. Эти меры предопределили состав как Главного, так и местных земельных комитетов. Состав комитетов 1917 года в сравнении с дворянскими комитетами второй половины XIX века изменился кардинально. Хотя помещики и предпринимали настойчивые попытки сыграть в них свою политическую и социальную роль.

В Главном комитете и его комиссиях Временному правительству удалось сосредоточить цвет русской аграрной науки начала XX века. Однако в земельных комитетах 1917 года на прежнюю доминирующую роль дворянства

не осталось и намёка – ни в Главном, ни в губернских, ни, тем более, в уездных и волостных.

26 апреля 1917 года товарищ председателя Постоянного Совета объединенного дворянства В.И. Карпов направил телеграмму губернским предводителям дворянства, в которой напоминал о необходимости принять участие в выборах земельных комитетов и в других политических акциях. «В недалёком будущем предстоят выборы во вновь учреждаемые губернские, уездные и волостные земельные комитеты, а также в реформированное земство и в Учредительное собрание, – телеграфировал он. – Участие в выборах во все вышеуказанные учреждения, а также в обсуждении земельного вопроса во всей его полноте, ... организации, которая отстаивала бы правомерность основ и преемственность форм землевладения, могло бы способствовать правильному и возможно безболезненному разрешению означенного вопроса...». Он информировал самарское дворянство о том, что Постоянный совет надеется, что эту роль сыграет Союз собственников недвижимости под эгидой помещного дворянства.

Постоянный совет объединенного дворянства рекомендовал дворянам выступить инициаторами создания в каждой губернии союзов собственников недвижимых имуществ как сельских, так и городских. «Членами этих союзов, объединяющихся в один всероссийский союз собственников недвижимых имуществ..., – инструктировал Карпов, – могли бы стать все землевладельцы, как крупные, так средние и мелкие, без различия пола, сословия, национальности и вероисповедания, а также управляющие имениями ... и арендаторы. По мнению Постоянного совета, кроме упомянутых ... Губернских и Уездных объединений, было бы крайне желательно образовать на одинаковых основаниях в каждой волости Волостные союзы собственников недвижимых имуществ»²¹. Заметим, что подобные инструкции головной общественной организации российского дворянства были запоздавшими.

²¹ Госархив РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 339. Л. 6.

Однако то, что Постоянный совет рекомендовал своим организациям в губерниях и уездах создавать Союзы собственников недвижимых имуществ, пренебрегая сословным корпоративизмом, весьма симптоматично.

Отметим, что если бы помещики, как утверждал В.И. Ульянов (Ленин), имели возможность влиять на состав земельных комитетов, а так же на состав гласных будущих земств и депутатов в Учредительное собрание, как это было характерно для недавних времён, им не было бы никакой необходимости беспокоиться о создании общественных объединений типа рекомендованного Постоянным Советом объединенного дворянства «Союза собственников недвижимости». Эта новая линия политического поведения, намеченная в заседании Постоянного Совета 20 апреля 1917 года, была немислимой для благородного сословия какой-нибудь месяц назад. Под влиянием «...времени и хода событий»²² (Карпов), дворянство предпринимало попытки преодолеть заскорузлый консерватизм. Об этом свидетельствует и призыв Постоянного совета, обращенный к провинциальным организациям, «возможно энергичнее приступить к делу и возможно скорее создать на местах эти полезные (для помещиков, разумеется. – Авт.) объединения»²³. Однако эти рекомендации больше напоминают судороги, чем деловую активность – время было упущено.

Первые же шаги созданного в апреле 1917 года в Самарской губернии союза земельных собственников под названием «Союз посеvщиков», объединившего самарских помещиков, крестьян-хуторян и отрубщиков, натолкнулись на решительное сопротивление и язвительное отношение крестьянского общинного большинства, как, например, в Бугурусланском уезде.

13 июня в Бугуруслане состоялось собрание представителей уездных комитетов – Народной власти, Продовольственного и Земельного. В заседаниях участвовали более 170 человек. Обсуждались постановления по земельному вопросу, принятые влиятельными в 1917 году форумами: всероссийским

²² Госархив РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 339. Л. 2-2об.

²³ Там же. Л. 2об.

Советом крестьянских депутатов на I съезде в Петрограде (4-28 мая), Вторым Самарским губернским крестьянским съездом (20 мая – 6 июня), учредительным собранием Главного земельного комитета и Областным съездом Исполнительных комитетов в г. Саратове (27-28 мая).

В центре внимания участников собрания был вопрос о новых земельных Временных правилах землепользования в уезде. Бугурусланское отделение Союза посеvщиков Самарской губернии предприняло попытку направить в эти заседания своих делегатов. Но намерения посеvщиков крестьянами были проигнорированы. Извещение Союза о том, что он «делегировал пятерых своих членов для участия в обсуждении земельного вопроса», в одном из заседаний собрания было оглашено. Однако собрание единогласно постановило заявление посеvщиков лишь «принять к сведению». При этом в стиле репинских запорожцев, сочинивших известный ответ турецкому султану, заявили, что «Союз посеvщиков на собрание не приглашался», а «ходатайства об участии не возбуждает»²⁴. Самарские помещики оказались в крайне затруднительном положении. Среди местных крестьян возобладало резко негативное отношение ко всему, что с ними связано.

Об этом свидетельствует, к примеру, и то, что крестьяне-делегаты Второго Самарского губернского крестьянского съезда не допустили ни одного представителя самарских конституционных демократов, участвовавших в общих заседаниях съезда, в состав Земельной комиссии, избранной 28-29 мая 1917 года. Комиссия разрабатывала проект Временных правил землепользования в губернии до Учредительного собрания, который был принят съездом 1 июня. Из 48 её членов преобладающее большинство составили делегаты-крестьяне, избранные волостными сходами и волостными и уездными Комитетами народной власти. В комиссии им принадлежало 41 место (85%)²⁵.

²⁴ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 2. Л. 239об.

²⁵ Там же. Л. 2-2об.; Приложение, таблица 2.

Отметим, что недоверие крестьян распространялось не только на самарских помещиков и их лидеров. От участия в выработке решений по земельному вопросу съездовские крестьяне отстранили даже представителей Самарского совета рабочих и солдатских депутатов, которые связи с этим заявили съезду решительный по тону протест. «Группа членов губернского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов ... протестует против лишения ... даже совещательного голоса в обсуждении на крестьянском съезде государственного кардинальной важности земельного вопроса, в разрешении которого заинтересованы все классы и группы населения страны, а не только крестьяне»²⁶, - негодуя, заявили они президиуму съезда. Лишь после этого конфликтного эпизода, получившего огласку в губернской прессе, съездовские крестьяне уступили, и пригласили в свои заседания самарских рабочих и солдат.

Но к дворянам и их политикам недоверие крестьян было генетическим. Поэтому ни о каких уступках не могло быть речи.

Из самарских конституционных демократов, участвовавших в заседаниях майско-июньского крестьянского съезда, никто не питал иллюзий, характерных для цитированного выше послания Постоянного совета объединенного дворянства. В качестве образчика, свидетельствующего об этом, воспроизведём фрагмент выступления в заседаниях майско-июньского крестьянского съезда известного самарского конституционного демократа В.С. Колесникова: «Как член партии народной свободы, – заявил он, – я доверия от вас не ожидаю. Но если я скажу, дважды два – четыре, вы мне не скажете: «Врёшь»...»²⁷. Это, конечно, не случайная проговорка, а констатация глубокого неприятия крестьянами даже таких простых утверждений, как дважды два, если они исходят от пропомещичьих, по убеждению крестьян, политиков. С весны 1917 года отторжение всего, что исходило от «свергнутых классов», часто безотчётное, презрительное и несправедливое, стало характерной чертой

²⁶ Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского... С. 135.

²⁷ Там же. С. 90.

поведения не только крестьян, но и солдат Самарского гарнизона, и самарских рабочих.

Однако даже В.И. Ленин, априорный противник политических идей и практических шагов Временного российского правительства, в статье, написанной по поводу апрельского постановления о земельных комитетах, отмечал демократичность новой системы земельных органов. По его мнению, процедура формирования земельных комитетов, прописанная в постановлении, способствовала тому, что «уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский менее демократичен, чем уездный. Главный комитет менее демократичен, чем губернский»²⁸. Однако нельзя не заметить, что систему земельных комитетов в целом, он называл демократичной. Различия в составе комитетов, по его утверждению, определялись степенью выборных начал в формировании комитетов разных уровней. Чем выше уровень комитета, тем менее демократичен его состав, поскольку представительство возрастало в ущерб выборности²⁹. На этом основании лидер большевиков называл постановление о земельных комитетах «мошеннически написанным помещичьим законом»³⁰. Он обличал Временное правительство в том, что оно, якобы, сохранило привилегии землевладельцам и оставило лазейки для проникновения их в комитеты.

Нельзя не заметить и того, что в статье Ленин обошёл молчанием демократические принципы, на которых правительство предлагало сформировать комитеты. В постановлении речь шла о выборах членов комитетов из среды земских гласных, которых, в свою очередь, предстояло избрать на основе самого демократичного закона из всех когда-либо принятых в России до введения волостного земства 21 мая 1917 года.

В пункте XV постановления об учреждении комитетов записано, что «волостные земельные комитеты состоят из пяти членов и трёх заместителей к

²⁸ Ленин В.И. Новый обман крестьян партией эсеров // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 430.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

ним, *избираемым волостным земским собранием*» (Курсив наш. – Авт.) Примечание к пункту содержало временную формулу создания волостных комитетов. Суть её состоит в том, что до введения волостного земства порядок избрания членов волостного комитета определял уездный земельный комитет, который при этом должен был учитывать местные условия³¹.

В многотомном наследии Ленина ни единожды не употребляется даже словосочетание «волостное земство». А между тем волостная земская реформа, реализованная Временным правительством в сентябре 1917 года³², имела действительно демократический характер. Причём, закон о выборах в волостные земские собрания правительство намеревалось принять сразу же вслед за постановлением об учреждении земельных комитетов – 25 апреля 1917 года. Воспрепятствовал реализации этого пакетного замысла разразившийся в столице апрельский политический кризис. Закон о выборах волостных земств удалось провести через правительство лишь месяц спустя – 21 мая 1917 года³³.

Можно ли говорить о принципе всеобщего равного тайного и прямого голосования, который был положен Временным правительством в основу формирования волостных земств, как о «возмутительнейшем отступлении от демократизма»³⁴, как это делал Ленин, не извращая демократической сути постановления Временного правительства о земельных комитетах? А ведь именно этот принцип был положен в основу формирования состава комитетов. Однако именно в отступлении от демократизма Ленин обвинял Временное правительство. Получался оксюморон: правительство приняло «мошеннический закон об учреждении земельных комитетов», положив в основу формирования волостного состава комитетов стандарты западной

³¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³² Подробнее: Курсков Н.А. Неподведённые итоги: выборы земских гласных в волостях Самарской губернии осенью 1917 года // Самарский земский сборник. 2000. № 1 (4). С. 24-31.

³³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 111.

³⁴ Ленин В.И. Новый обман ... С. 430.

демократии – всеобщие, прямые, равные и тайные выборы, или, как называли их в России – «четырёххвостку».

Говорить о том, что Ленин не был знаком с текстом постановления о земельных комитетах, вероятно, нельзя. Следовательно, ему было известно, что после волостных земских выборов волостные земские собрания из своего состава должны будут сформировать и волостной земельный комитет. Таким образом, комитеты были задуманы Временным правительством как земельные отделы самым демократичным образом избранных волостных земских собраний и управ. Предполагалось, что представители земских волостных земельных комитетов сформируют и уездные, а затем и губернские земельные комитеты.

Постановление на самом деле предлагало включать в состав уездных и губернских комитетов сведущих в земельном вопросе лиц на основе представительства. Это было подвергнуто Лениным уничижительной критике как лазейка для помещиков. Однако очевидно, что большинства в комитетах на стороне представителей и сведущих лиц не могло быть – волостных представителей изначально было больше их незначительного числа. К тому же, и представители, и сведущие лица, как правило, тоже избирались, но внутри общественных организаций или учреждений. Особенно характерно это было для Главного земельного комитета, в состав которого должны были войти представители всех крупных российских политических объединений. От большевиков, кстати, туда был избран балтийский матрос И.Т. Смилга. Хотя предположить, что именно он был самым сведущим в земельном вопросе российским социал-демократом большевиком, затруднительно.

В уездных и губернских земельных комитетах постановление предполагало представительство лиц из государственных учреждений и самоуправлений (земского и городского). Но дворян и помещиков среди них в мае-июне уже не было.

Из списка представителей в местные комитеты законодатель исключил общественные организации типа политических партий и советов. Это вызвало с их стороны острую критику. Дело в том, что в составе Главного земельного комитета представительство Советов предполагалось, а в составе местных – нет. Исключение депутатов советов из числа сведущих лиц, конечно, наносило урон политическому самолюбию лидеров местных советов. И они настойчиво требовали отменить это «табу» и фактически с ним не считались.

Упомянутая статья Ленина, обычно оперативно откликнувшегося на политические запросы времени, написана и опубликована в ... сентябре, то есть четыре месяца спустя после принятия Временным правительством постановления о земельных комитетах. Неадекватными представляются и высказанные в ней Лениным претензии к партии социалистов-революционеров, якобы обманувшей крестьян – проект закона был подготовлен и принят правительством конституционных демократов во главе с Шингарёвым. Ленин использовал явно «публицистические» приёмы критики Временного правительства для того, чтобы посеять семена враждебности и нетерпимости к тем, кто его поддерживал. «Приёмы» достигали цели, но реального положения дел в критикуемой сфере правительственной политики не отражали. Между тем именно эти идеи и оценки, сформулированные Лениным в 1917 году, органично вошли в методологию изучения истории земельных комитетов и оказали решающее воздействие на состояние их историографии в советский период.

Авторы постановления об учреждении земельных комитетов в 1917 году учли и другие аспекты российского исторического опыта государственного реформирования второй половины XIX века. Крестьянскую, а по существу – земельную реформу 1861 года, в 1864 году дополнила эффективная реформа губернского и уездного земского самоуправления. Деятельность земств законодателем была сориентирована в основном на нужды сельского

населения. В 1870-х годах на тех же основаниях было реформировано и городское самоуправление.

Процедуру формирования состава земельных комитетов реформаторы 1917 года с самого начала увязали с демократической реформой российского земского самоуправления – созданием «мелкой земской единицы», то есть земства в волостях. В постановлении о земельных комитетах 1917 года был учтён и опыт подготовки аграрных проектов в I и II Государственных думах, а также волостной земской реформы, разработанной Комитетом по земскому самоуправлению в III Думе³⁵.

Таким образом, подход реформаторов Временного правительства к подготовке земельной реформы в России в 1917 году был системным. Идея комитетов как органов подготовки и осуществления земельной реформы 10-х годов XX в. была заимствована из арсенала либеральных идей эпохи Александра II. Помимо аналогичной организационной схемы замысла, на это указывает и само наименование центрального органа. Оно осталось «комитетским». Центральный орган, как и тогда, был назван Главным комитетом. К нему добавилось лишь слово «земельный», зафиксировавшее специфику сферы деятельности.

Идеи, изложенные в постановлении Временного правительства по земельному вопросу от 19 марта, были повторены российскими земцами-министрами Г.Е. Львовым и А.И. Шингаревым, в воззвании, сопровождавшем в качестве преамбулы постановление «Об учреждении земельных комитетов» от 21 апреля 1917 года. В Самарский губернский комиссариат Временного правительства оба документа поступили одновременно в первых числах мая.

«Явная ошибка думать, что каждая губерния, каждый уезд, каждая волость могут сами себе разрешить его, – обращаясь через губернского комиссара к российской провинции, писали земцы-министры. – В этом деле весь народ связан тесными узами: каждое село заинтересовано в том, как будет

³⁵ См.: Курсков Н.А. Волостное земство в 1916 году: Несостоявшаяся реформа // Самарский край в контексте российской истории. Сб. статей. Самара, 2001. С. 102-111.

разрешён земельный вопрос во всей стране, и для страны не может быть безразлично земельное устройство даже маленькой деревушки. Большая беда будет грозить нашей Родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмётся за немедленное переустройство земельного строя. Такие самовольные действия грозят всеобщей разрухой. Поля останутся незасеянными и урожай не будет собран. В стране наступит нужда и голод. Да не случится этого. ... Пусть будут спокойны наши доблестные воины, защитники родной земли. Пусть они будут уверены в том, что в их отсутствии и помимо их участия никто на их родине не станет решать вопроса о земле»³⁶. Далее министры заявляли: «Важнейший очередной вопрос для нашей страны – вопрос земельный – может решить окончательно и правильно только Учредительное собрание, избранное всеобщим равным прямым и тайным народным голосованием»³⁷. В воззвании содержался призыв к созидательной деятельности: «Будем спокойно, в сознании своей великой ответственности за будущее нашей Родины, готовиться к приходу истинного устроителя земли русской – народного Учредительного собрания, которое найдет справедливое решение земельного вопроса и установит новый земельный строй»³⁸.

Таким образом, организационная схема подготовки аграрной реформы осталась традиционной. Однако реформаторы прошлого века ограничились созданием комитетов лишь на губернском уровне. В веке XX-ом эта схема была дополнена комитетами, непосредственно приближенными к населению – уездными и волостными. Роль исторических Редакционных комиссий должен был исполнить Главный земельный комитет и его сессии.

Изменённый радикальным образом способ формирования состава земельных комитетов открыл в них доступ крестьянскому представительству от волостей и уездов России. Российское крестьянство начала XX века, как

³⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же.

дворянство в 50-60-х годах века XIX-го, получило возможность непосредственно участвовать в подготовке и проведении земельной реформы. Как видно, в традиционную либеральную схему было внесено новое содержание. Аграрная реформа 1917 года приобретала отчетливо выраженный демократический, народный характер.

Тактика реализации замысла земельной реформы определялась намерениями Временного правительства осуществить её в три этапа. *Подготовительный этап* состоял в организации земельных комитетов и собирании комитетами материалов для проекта реформы, *законодательный* был связан с работой Учредительного собрания, *практический* заключался в осуществлении земскими земельными комитетами (или земельными отделами волостных земских управ) принятого Учредительным собранием земельного закона.

Однако ко времени принятия постановления об учреждении земельных комитетов срок созыва Учредительного собрания ещё не был определён. О созыве Учредительного собрания Временное правительство объявило 2 марта. Но срок созыва – 17 сентября, впервые был назван лишь в июне. В августе срок был уточнен. Выборы были назначены на 12 ноября, созыв – на 28-е.

До выборов в Учредительное собрание правительство предполагало завершить реформу земского самоуправления, а в ходе выборов волостных земских собраний организационно подготовить и апробировать демократическую процедуру избирательной кампании во всероссийское Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, тайного и прямого волеизъявления народа. Для России такие выборы были первыми в её многовековой истории. Подготовка выборов потребовала огромного напряжения сил практических работников как в центре, так и на местах.

Наиболее сложным и трудоёмким делом в сфере реформирования земского самоуправления были выборы волостных земских собраний. Ситуация усугублялась не только масштабностью замысла реформы земского

самоуправления, политическими и социальными условиями, в которых приходилось действовать новой власти, но и краткостью времени, которым располагали практические работники на местах для подготовки и проведения выборов земств. На выборную кампанию отводилось немногим больше 3 месяцев (114 дней). В связи с этим земельные комитеты изначально, с момента опубликования постановления об их учреждении 21 апреля 1917 года, попадали в жёсткий цейтнот.

Организационная работа по созданию земельных комитетов была не менее сложной и масштабной, чем организация волостных земств. Предстояло избрать временные земельные комитеты в волостях, в уездах и губернии. Комитеты должны были начать работу по собиранию статистических материалов для подготовки проекта аграрной реформы. Одновременно предполагалось, что они возьмут в своё ведение дела по урегулированию земельных отношений, споров и конфликтов.

Текущая политическая ситуация требовала, чтобы земельные комитеты были созданы немедленно и раньше волостных земств. После выборов волостных земских самоуправлений предстояла реорганизация земельных комитетов. Временный состав комитетов должен был уступить место новому – из гласных волостных земств. Причём новому корпусу членов земельных комитетов предстояло пройти двойное «сито» выборов: всеобщих волостных – в процессе избрания гласных волостных земств, а затем организационных – внутри волостных земств. Реорганизацию предстояло пройти уездным, а, следовательно, и губернским земельным комитетам. После Учредительного собрания и принятия общероссийского закона о земле земельные комитеты должны были приступить к реализации земельной реформы.

В весьма напряженной социально-экономической и политической обстановке 1917 года деятельность земельных комитетов была подвержена значительно большему риску провала, чем деятельность по реализации проектов реформ Александра II или реформ его внука Николая II, известных

как реформы П.А. Столыпина. Земельные комитеты и Учредительное собрание должны были завершить полосу аграрных и аграрно-крестьянских преобразований 60-х годов XIX века и 900-х годов XX века, стать их демократическим завершением.

Сверхобычная сложность реализации прокомментированного проекта земельных комитетов отличалась от практики предшествующих реформаторских аграрных проектов тем, что в рамках компетенции, определенной постановлением 21 апреля 1917 года, земельные комитеты обязывались заниматься не только сбором подготовительных статистических материалов для реформы, но и исполнением постановлений центральной власти по земельным делам, разрешением споров в сфере текущих земельных и сельскохозяйственных отношений и практическими мерами по их урегулированию. Ни местные дворянские комитеты 1857–1861 годов, ни столыпинские землеустроительные комиссии 1906–1917, в отличие от земельных комитетов, никаких иных обязанностей, кроме непосредственных, не имели.

Губернские дворянские комитеты 60-х годов были представительными органами дворянских уездных и губернских самоуправлений с временными полномочиями. Государственные землеустроительные комиссии времен аграрной реформы Столыпина были техническими исполнителями поручений власти в сфере аграрного реформирования. Их компетенция была определена царским указом, а позже – законами III Государственной думы.

Реформаторы из министерства А.И. Шингарёва, вероятно, и по причине отсутствия управленческого опыта, поставили местные земельные комитеты 1917 года в несравненно более трудное положение. Прежде всего, – обременительным объемом обязанностей, составивших их компетенцию.

К тому же задачи, предписанные апрельским постановлением об учреждении земельных комитетов в качестве их общей компетенции, открывали для местных работников возможность двойственного их толкования.

На какой из них в практической деятельности в волостях и уездах местные работники земельных комитетов предпочтут сделать акцент, определялось не законодателем и даже не работниками комитетов, а общественной, политической и социально-экономической ситуацией, которая на местах осложнялась нетерпеливыми требованиями и «самоуправными» действиями общинного крестьянства. Земельные комитеты, спроектированные законодателями Временного правительства, изначально становились её заложниками. Реализация обеих задач с равной степенью исполнительности была практически невозможной.

Обширной и достоверной информацией о землевладении и землепользовании в губерниях располагали статистические отделы губернских земств. Для подстраховки и перепроверки данных, которые предполагалось получить от земельных комитетов, в июне 1917 года Временное правительство объявило о проведении Всеобщей сельскохозяйственной и поземельной переписи.

Перепись, в организации и проведении которой на местах принимали участие и работники земельных комитетов, в известной мере, делала бессмысленной работу земельных комитетов по сбору статистической информации для подготовки земельной реформы. На первое место в деятельности комитетов вышла задача урегулирования текущих земельных отношений. Между тем и эта деятельность комитетов протекала в границах практически дореволюционного земельного законодательства. Временное правительство не внесло каких-либо существенных изменений в дореволюционное земельное законодательство, на основе которых комитеты могли бы осуществлять регулирование земельных отношений в новой ситуации.

В историографии истории земельных комитетов 1917 года «досоветские» министры земледелия Временных правительств, как правило, подвергались критике. Их обвиняли в том, что ни первое (А.И. Шингарев, конституционный

демократ), ни второе (В.М. Чернов, социалист-революционер), ни третье и четвертое (С.Л. Маслов, социалист-революционер) правительства кардинальных изменений в аграрное законодательство не внесли. Они лишь использовали доступные им способы увещевания крестьянского большинства страны, включая обман и демагогию, «охраняя» интересы крупных земельных собственников – помещиков и «новых помещиков» из числа крестьян-отрубщиков и хуторян. В этих утверждениях немало от партийной публицистики 1917 года. Но значительна и доля верных наблюдений.

К решению аграрного вопроса путем ограничения прав владельцев уездные и губернские крестьянские съезды приступили уже с середины марта 1917 года³⁹. Решения съездов по аграрному вопросу, предвосхитившие конкретизацию правительством компетенции земельных комитетов, стали источниками «революционного права», с нормами которого земельные комитеты на местах не могли не считаться. На эту практику как на неустранимую данность укажет организационное собрание Самарского губернского комитета 26 июня⁴⁰.

Оселком деятельности земельных комитетов стала реализация решений уездных и губернских съездов о землепользовании до Учредительного собрания. Крестьянские съезды в губернии взяли на себя роль «парламентов». В этой ситуации иные земельные комитеты, то есть комитеты, не обремененные обязанностью исполнять решения съездов, крестьянам были не нужны: с первых недель марта у них уже были комитеты, которые с первых шагов своей деятельности в волостях начали вмешиваться в земельные отношения. В Самарской губернии они назывались Комитетами народной власти.

Оставить нетронутым прежнее законодательство в сфере земельного права в революционное время было едва ли возможно. К тому же, Временное правительство первым сказало «а». Демонстрируя понимание этой проблемы,

³⁹ См. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции... С. 88-105 и др.

⁴⁰ См. текст телеграммы, отправленной Г.И. Баскиным в Главный земельный комитет на С. 95-96 настоящей статьи.

12 и 16 марта оно объявило о национализации царской кабинетской и удельной земельной собственности. Таким образом, *de iure* был закреплён факт Февральской революции, отстранившей династию Романовых от власти и земельной собственности. Но от других шагов в сфере земельного законодательства правительство пыталось воздержаться. Однако этот единственный действительно крупный шаг Временного правительства в сфере земельных отношений имел важные социально-психологические и практические последствия.

Крестьянская психология повседневно подпитывалась мечтой о «земле и воле». В крестьянском сознании преобладало убеждение в том, что земля «ничья», «Божья», поэтому должна принадлежать тем, кто на ней работает. Всё это уживалось с достаточно беспечным представлением о несложности задачи завладения помещичьей земельной собственностью. Шаг к организации земельных комитетов, предпринятый правительством, тактически обеспечивал ему поддержку со стороны крестьян. Но, одновременно, таил в себе серьёзные и, как оказалось, непредвиденные последствия.

Крестьяне в губерниях и уездах с позиций присущего им здравого смысла «рассудили» попросту: если Временному правительству можно посягать на землевладение «главного помещика» России, значит и на местах новые революционные органы власти могут позволить себе то же самое в отношении земельной собственности местных помещиков. В воззрениях большинства крестьян Комитеты народной власти в уездах и волостях были такой же революционной властью, как и Временное правительство. И если «царские» земли «трогать можно», рассуждали крестьянские «политики», то помещичьи, «как говорится, сам бог велел». В народной психологии господствовало убеждение, что обрабатываемые крестьянским трудом помещичьи земли ничьи, или, на худой конец, «Божьи», как воздух и вода. Крестьяне не сомневались, что имеют на них такие же права, как и помещики. На этих «простых» не правовых идеях и начала раскручиваться крестьянская инициатива решения

земельного вопроса способами общинного «парламентаризма» – крестьянскими съездами.

Первые попытки уездных, а затем более авторитетных губернских крестьянских, и, наконец, губернских всесословных съездов, изменить правовые основы землепользования и аренды в пользу крестьян-земледельцев до созыва Учредительного собрания последовали, как уже отмечалось, в марте. Решения принимались «срочные» – на посевной 1917-й год и касались только пахотных сельскохозяйственных угодий. Но это свидетельствовало о том, что крестьянам не терпелось «прибрать» к своим рукам издавна обрабатывавшуюся ими помещичью землю. Такая же участь ожидала и земельную собственность «новых помещиков», то есть крестьян, вышедших на хутора и отруба из общины.

Общинное крестьянское большинство стремилось осязаемо почувствовать результаты революции, устранившей царское самодержавие. И, прежде всего – в сфере земельных отношений, поскольку и «старых» и «новых» помещиков, по убеждениям крестьян-общинников, «выпестовало» именно свергнутое правительство.

Об этом свидетельствовали и чутко прислушивавшиеся к сдержанным поначалу, движениям крестьян, самарские помещики. Информация о постфевральских настроениях крестьян в губерниях стекалась в центр, в том числе, в Постоянный Совет объединенного дворянства. В 1917 году его возглавлял самарский помещик А.Д. Самарин. Характеризуя поведение крестьян и ситуацию, в которой весной 1917 года оказались самарские помещики накануне сева, он отмечал: «В губернии сравнительно (с другими губерниями и с 1905 годом. – Авт.) тихо. ...Крестьяне никаких насилий не чинят. И даже составили приговор в присутствии комиссара, что и впредь насилий никаких не будет. Но скрытое насилие, лишаящее возможности нормально вести хозяйство, заметно. Покосов исполу крестьяне не снимают, – указывает он на формы это «насилия», – а желают непременно снять за деньги.

Арендную плату предлагают ничтожную. Рубить лес не дают. Заготовленные дрова и лесной материал запрещают вывозить»⁴¹. Особенно Самарина возмущало психологическое давление на управленческий аппарат помещичьих имений. «Положение служащих в имениях крайне тревожное, – писал он. – ... В выкуривании помещиков из своих имений замечается известная система. Чувствуется, что этим движением управляет какая-то невидимая, но твёрдая рука»⁴².

21 марта, в последний день заседаний Самарского уездного крестьянского съезда (17 – 22 марта 1917 года), губернский комиссар К.Н. Иньков информировал министерство внутренних дел Временного правительства о том, что крестьянами «определённо высказывается [намерение] не дожидаясь Учредительного собрания, весной приступить к отчуждению земель... Земские начальники, волостные, сельские должностные лица устраняются от должности»⁴³.

Но начало этому процессу, как уже подчеркивалось, положило само Временное правительство, принявшее указы о национализации кабинетских и удельных земель, принадлежащих императору Николаю II и членам дома Романовых. Историки трактовали этот акт не только как юридическое оформление того, что революция провела *de facto*: отстранение от власти семьи императора и всего дома Романовых, но и, прежде всего, как маневр «с целью посеять иллюзию, будто правительство во исполнение требования крестьянства готовится осуществить национализацию всех земель»⁴⁴. Однако это слишком упрощённая и политизированная оценка. По крайней мере, ни о каких иллюзиях говорить не приходится. В реальности 1917 года это не могло быть политическим «иллюзионом». Постановление было воспринято крестьянами как справедливое и конкретное дело, которое подводило итог прошлому и

⁴¹ ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 340. Л. 26 об.

⁴² Там же.

⁴³ Революционное движение в России после свержения самодержавия... С. 687.

⁴⁴ См., например: Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 году. Март – октябрь. М., 1981. С. 25.

показывало будущее землевладельцев-помещиков и всех других частных земельных владельцев.

В губерниях Среднего Поволжья удельные земли составляли огромные площади. В Казанской они занимали 27,5 % всех сельхозугодий, в Самарской – 20,0%, в Симбирской – 29,0%. Причем, в Самарской губернии площадь их была почти вдвое больше Казанской и Симбирской. В Казанской она составляла 1,5 млн. дес., в Самарской – 2,6 млн.⁴⁵ Значительную часть удельных имений занимали леса.

Национализацию кабинетских и удельных имений, крестьяне восприняли своеобразно. В какие формы это «понимание» вылилось, показывает текст протокола постановления Пролейского сельского Комитета народной власти Елховской волости Самарского уезда от 20 апреля 1917 года. Члены сельского Комитета И. Петрухин (председатель), М. Радаев, П. Сандихаев и В. Стрельцов (единственный из них грамотный крестьянин) уведомили управляющего 14-м Раковским удельным имением о новом порядке пользования «национализированной» Пролейской удельной лесной дачей, который установил Комитет, опираясь на постановление Временного правительства о национализации царских земель. «Сельский Комитет народной власти доводит до сведения г. управляющего имением, – писал Стрельцов под диктовку членов комитета, – что благодаря государственного переворота лес перешел во власть народа... Временное правительство просило население как можно тщательнее относиться к нему и беречь его как государственные потомки... В Пролейской даче 38 квартале, – напоминали комитетчики управляющему, – был куплен гражданами того же общества И.Я. Ганушкиным, Е. Гордеевым и др. лес с целью торговли. Но означенный лес до переворота и объявления, что лес перешел во власть народа, не был вывезен и находится еще в лесу, Сельский Комитет отказал означенным лицам возить, да и вообще рубить означенный лес

⁴⁵ Октябрь в Поволжье... С. 604.

... впредь до особого на то распоряжения со стороны нового Временного правительства»⁴⁶.

Управляющий Самарским удельным округом, обобщив это и другие апрельские донесения, пришел к выводу, «что постановление Временного правительства по вопросу о положении и порядке управления Удельным ведомством и находящимися в его заведовании имуществами, предприятиями и капиталами, многими не только крестьянами, но и сельскими и волостными Комитетами народной власти (т.е. органами новой власти в деревне. – Авт.) было понято в том смысле, что земли и леса, доходы от них поступили со времени переворота во власть народа (волостей, селений), а не всего государства»⁴⁷. Этим характерным локализмом исчерпывалось «своеобразие» крестьянской психологии, определявшей восприятие ими тех или иных шагов центральной власти – весь мир и всю страну крестьяне воспринимали как совокупность «общин». В этом смысле и губернские крестьянские съезды были в их понимании лишь раздвинутыми за пределы территориальной сельской общины сельскими сходами, а всеобщие съезды воспринимались как «толковище», «уговор» крестьян с представителями других сословий по вопросам, в решении которых другие сословия заинтересованы так же, как и они. Но они – всё же больше...

1 мая 1917 года управляющий Самарским удельным округом сообщил в Самарский уездный Комитет народной власти, что «крестьяне отбирают оброчные статьи, находящиеся в долгосрочной аренде, не позволяют вывозить заготовленный лесопоккупателями в дачах лес, не платят денег в управление» и просил разъяснить волостным и сельским Комитетам, что «удельные имущества (земли, леса, промысловые статьи) перешли в казну по министерству земледелия, доходы же с них поступают в кассы имений, откуда передаются в государственное казначейство на нужды войны и всего народа»⁴⁸.

⁴⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 813. Оп. 1. Д. 85. Л. 29 – 29 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Ясно, что никакими другими мерами по ограждению национализированной собственностью удельные имения не располагали. Единственной защитой от вторжения крестьянских комитетов в дела управления ею были подобные увещевания через уездные Комитеты народной власти. Но эффективность их была сомнительной. Движение крестьян за овладение помещичьей земельной собственностью, значительную часть которой крестьяне до сих пор были вынуждены арендовать на условиях высокой арендной платы, набирало силу в волостях как половодье – медленно, но неуклонно.

Аграрные решения принимались съездами под грифом «временно до Учредительного собрания» и имели целью создать для новых органов власти в деревне – волостных и сельских Комитетов народной власти – практические рекомендации при разрешении обычных для крестьян и помещиков вопросов в сельскохозяйственной сфере. Прежде всего, условий земельной аренды. Крестьяне вторгались в политику и законодательство, перехватывая инициативу и нити управления важными государственными делами из рук правительства и его местных чиновников.

Временное правительство не имело возможностей властно оградить землевладельцев от посягательств на их законные права со стороны крестьян. В то же время оно медлило с изданием необходимых аграрных распоряжений для новых органов власти на местах – сельских, волостных, уездных и губернских комитетов. Более того, правительство не спешило признавать «вечевым» способом созданные комитеты. Возникла ситуация правового и властно-управленческого вакуума. Сколько-нибудь длительно такое положение продолжаться не могло. Вакуум стал заполняться решениями губернских крестьянских и сословных съездов.

Итак, Главный земельный комитет был создан по постановлению Временного правительства от 19 марта⁴⁹. Затем, на основании постановления от 21 апреля 1917 года, начался процесс создания местных земельных комитетов⁵⁰.

В Самарском Поволжье начало созданию земельных комитетов было положено распоряжением губкомиссара К.Н. Инькова от 3 мая. В телеграмме уездным комиссарам он сообщил, что в 38 номере Вестника Временного правительства помещено положение о земельных комитетах и поручил принять «меры [к] немедленному образованию [на] основании 14 статьи Положения уездного земельного комитета, от которого должен быть избран один представитель в губернский комитет»⁵¹. Позже он сообщил в уезды дату созыва организационного собрания губернского Земельного комитета. Предполагалось, что оно состоится 24 июня. Этим руководящая роль губернского комиссара в создании комитетов в губернии была исчерпана.

К этому времени необходимость создания специальных органов для решения земельного вопроса была уже вполне осознана и крестьянами. Например, в Новоузенском уезде за создание земельных комитетов крестьяне высказались 18 апреля. Делегаты волостных Комитетов народной власти на уездном съезде приняли резолюцию, в которой изложили своё понимание того, как надлежит действовать правительству в сфере аграрной политики. «В виду крайней сложности земельного вопроса и, особенно, трудности определения трудовой нормы, является необходимым создание повсеместно по волостям особых земельных комитетов, в задачу которых войдёт соби́рание и разработка всех сведений по вопросам наличности земельного запаса, распределения земельных угодий и соби́рание всех необходимых статистических сведений», – полагали новоузенцы.

⁴⁹ См.: Постановление Временного правительства по земельному вопросу 19 марта 1917 г. // Экономическое положение России... С. 209.

⁵⁰ Экономическое положение России... С. 215; В Самарском госархиве текст этого постановления сохранился. См. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-5.

⁵¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

Обращает на себя внимание, что они особо выделили два момента. Во-первых, необходимость открытия земельных комитетов в волостях, то есть на уровне, который бы позволил им, как когда-то помещикам в губернских комитетах 1861 года, принять участие в подготовке реформы, и, во-вторых, необходимость установления «трудовой нормы» как основы перераспределения земельных угодий⁵².

Управление уездами Самарской губернии весной 1917 года было крайне затруднено рядом обстоятельств, среди которых недостаточно упомянуть только весеннюю распутицу. Новая губернская власть оказалась неэффективной. В Самарской губернии сложилось двоевластие, или точнее, двоебезвластие.

Форма губернского безвластия отличалась от столичной. Там линия противостояния проходила между исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. В Самарской губернии с 3 марта 1917 года, с момента создания первого состава Комитета народной власти в г. Самаре, она прошла между исполкомом Комитета и губернским комиссаром. Вследствие этого ни Комитет народной власти, ни «революционный губернатор» – губернский комиссар, не смогли создать соподчинённых и управляемых структур в уездах и волостях, а так же на самом низовом уровне – в селах и деревнях. До конца мая 1917 года в губернии местами сохранился, хотя и бездействовал, прежний сельский старостат.

Вслед за созданным ночью 3 марта в губернском центре Комитетом народной власти, в уездах и волостях возникли новые органы власти, наименовавшие себя Комитетами народной власти с административно-территориальной добавкой, указывавшей на уровень их претензий – уездный, волостной, сельский. Соподчинение между ними было крайне слабым. Компетенция комитетов в общем виде была выработана только 25-29 марта на

⁵² См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 611.

Первом губернском крестьянском съезде в Самаре. Губернский комиссар К.Н. Иньков на съезд не был даже приглашён.

Комитетчики с большим трудом усваивали «азы» управления. Состав комитетов не был стабильным. Аморфность созданной структуры управления определялась слабостью Комитета народной власти губернского уровня мартовского состава.

Зародившийся в недрах Самарской городской думы Комитет общественной безопасности 4 марта был преобразован в Комитет народной власти и заявил претензии на общегубернский уровень власти. Однако, по мнению новых уездных «политиков» он был только самарским городским. Для многих из них его претензии на лидерство в общегубернском масштабе были неубедительны. Представительство в исполкоме Комитете самарских Советов – рабочих и военных депутатов (Самарского гарнизонного Совета, солдатско-офицерского по составу), не снимало проблему отчуждённости от волостей и уездов. Не устранило её и пополнение состава исполкома Комитета народной власти представителями Совета крестьянских депутатов, созданного на Первом Самарском губернском крестьянском съезде 29 марта.

Властное управление в уездных центрах губернии сосредоточили в своих руках созданные на основе выборного представительства (подобно тому, как в центре губернского) уездные Комитеты народной власти. Их воздействие на течение уездных дел было более сильным. Назначение Временным правительством председателей земских управ уездными комиссарами Комитетами было фактически проигнорировано. На эти должности были избраны креатуры Комитетов. Но в Самарском исполкоме Комитета народной власти представителей уездных Комитетов не было. Чтобы стать признанным органом власти в уездах, самарскому Комитету было необходимо включить их в свой состав.

Для того, чтобы преодолеть отчуждённость губернского Комитета от уездных, в первые недели Февральской революции самарские комитетчики

обдумывали процедуру реорганизации Комитета народной власти в орган, который пользовался бы общегубернской поддержкой. Одним из рассматриваемых вариантов были общегубернские выборы. Но вскоре стало ясно, что организовать выборы не удастся. Организационные возможности Комитета были мизерными. К тому же наступало время подготовки крестьян к севу. Тогда самарские комитетчики ухватились за идею крестьянских и всесословных съездов как наиболее простой способ создания общегубернского Комитета народной власти.

Идея созыва съездов была позаимствована у самарских дворян. Дворянские съезды в 90-х годах XIX века были весьма влиятельными органами корпоративного управления в губернии. Неонародники из Самарского Комитета решили, что теперь настала очередь съездов крестьянских. Крестьянской ментальности эта идея вполне соответствовала. Идея созыва съезда укладывалась в традицию «сельских сходов». Менялся только масштаб. «Сход» становился губернским. Крестьянским большинством губернии идея была принята как вполне естественная и убедительная форма принятия авторитетных решений. Таким образом, выход был найден.

Отметим, что Самарский губернский крестьянский съезд был созван одним из первых в России. Раньше Самарского подобные форумы состоялись только в Нижнем Новгороде и Ярославле. Они открыли свои заседания 19 марта⁵³. К этому времени в Самарской губернии уже работали три уездных крестьянских съезда – с 15 марта в г. Николаевске, с 17 марта – в г. Самаре, с 20

⁵³ Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. С. 41, 44.

марта – в Бугуруслане⁵⁴. Первый губернский самарский съезд открылся вслед за окончанием Самарского уездного 25 марта⁵⁵.

Относительно самарского губернского комиссариата, заметим, что его положение в новых структурах управления губернией было более стабильным, чем положение Комитета. В значительной мере это было следствием политической и финансовой поддержки комиссариата Временным правительством. Финансовая поддержка комиссариата была предметом зависти членов исполкома Комитета.

Самарские городские комитетчики действительно пользовались политическим авторитетом среди горожан и исполняли многие функции власти, но ... на общественных началах. Суммы пожертвований горожан на нужды Комитета были невелики. Из 90035 пожертвованных горожанами рублей, которыми Комитет располагал в марте, основная часть пришлась на статью в «пользу семейств борцов за свободу, павших в бою». В Самаре и губернии таких борцов не было. Здесь Февральская революция началась и закончилась бескровно. Речь шла о сборах для петроградских рабочих и солдат, «авангарда революции». Исполком Комитета израсходовал на эти цели 74689 рублей. «На борьбу с контрреволюцией» Комитет получил от горожан лишь 20 рублей. Эта проблема их не беспокоила. «В распоряжение г. Родзянко» было пожертвовано всего 300 рублей.

На 1 апреля на банковском счёте Комитета числилось 3127 рублей 10 коп., причём 2838 рублей 5 коп. были получены из «кассы жандармского управления»⁵⁶. Через счёт Комитета за март месяц прошло 153136 рублей,

⁵⁴ 20 марта на съезд Комитетов народной власти Бугурусланского уезда исполком Самарского Комитета командировал Г.И. Баскина. См.: Краткая история возникновения Самарского Губернского Комитета Народной Власти и отчет [о] его деятельности до 1-го апреля 1917 года. Б/м., б. г. С. 12.; Сборник постановлений первого съезда волостных делегатов Самарского уездного Комитета народной власти, состоявшегося 17-23 марта 1917 года. Самара, 1917. С. 14 (См. приветственную телеграмму Самарскому уездному съезду съезда крестьян Николаевского уезда, начавшего свои заседания 15 марта).

⁵⁵ Журнал заседания [Самарского] губернского съезда крестьянских делегатов 25-29 марта 1917 года. Самара, 1917. С. 1-36.

⁵⁶ Краткая история возникновения Самарского Губернского Комитета... С. 34-36.

добытых комитетчиками разными путями. Из них более 3000 руб. были потрачены на Совет военных депутатов, 3000 руб. – на организацию губернского крестьянского съезда, 1000 руб. – на организацию в Самаре встречи Е.В. Брешко-Брешковской (17-18 марта) и более 3000 руб. – на Совет рабочих депутатов. Членам Совета рабочих и, одновременно, исполкома Комитета народной власти С.И. Дерябиной, Л.И. Гинзбургу, Н.П. Теплому, А.И. Кабцану, М.П. Герасимову, Фр. Венцеку из кассы Комитета были выданы суммы от 200 до 300 рублей каждому. В основном, для поездок на съезды рабочих делегатов в Саратов и Петроград⁵⁷. Как видно, наиболее активно средствами Комитета пользовались самарские социал-демократы большевики. Их партийная касса в марте была ещё пуста. По существу, самарские Советы рабочих и военных финансировались Комитетом, черпавшим финансовые средства из пожертвований.

Значительной статьёй расходов Комитета была поддержка политических заключенных и «ссылочно-политических» лиц, амнистированных по указу Временного правительства 4 марта 1917 года, принятом по инициативе А.Ф. Керенского. На эти «нужды» Комитет «ассигновал» 16558 руб. Деньги для передачи амнистированным были выданы из кассы Комитета членам исполнительного комитета большевику А.Я. Бакаеву и конституционному демократу А.П. Петрову⁵⁸.

В уездах комиссарские структуры оказались в более сложном положении, чем в губернском центре. Вслед за указом от 5 марта 1917 года, здесь начал разворачиваться процесс смещения с должностей уездных комиссаров председателей земских управ, назначенных правительством.

Таким образом, в марте-апреле 1917 года новые политики, поднявшиеся к управлению губернией на волне обновления, вызванной сообщениями об отречении императора Николая II и формировании Временного правительства, начали с выяснения между собой отношения по поводу власти. Власть

⁵⁷ Краткая история возникновения Самарского Губернского Комитета... С. 28.

⁵⁸ Там же. С. 30.

«разломилась». Вследствие конфликтов и противодействия Комитета и губкомиссара, надёжных структур властного управления губернией, в состав которой входили семь уездов, не удалось создать и два месяца спустя после ареста Самарским Комитетом народной власти царского губернатора Л.Л. Голицына и беззвучного крушения его администрации.

Временное правительство возлагало на губернских и уездных комиссаров, формально ставших восприемниками отстранённых губернаторов и исправников, особые надежды.

Комиссаром губернии стал конституционный демократ К.Н. Иньков, сохранивший за собой и пост председателя губернской земской управы. Но его власть оказалась тут же ограниченной Самарским Комитетом народной власти, который составил из представителей самарских Советов – рабочих, солдат и офицеров и городских общественных организаций⁵⁹.

С конца марта в состав Комитета вошли представители крестьянского совета, с третьей декады апреля – представители уездных Комитетов народной власти⁶⁰.

55-летний социалист-революционер К.Г. Глядков, исполнявший на самарской политической сцене роль Керенского, в 1918 году признавал, что «население во многом бы выиграло, если бы удалось сохранить старую организацию; но она повсюду вызывала такую ненависть, что ограничиться одним обновлением, простой реформой было невозможно»⁶¹. В г. Самаре, свидетельствовал он, кроме Комитета народной власти «не было никакой другой власти, которая была бы способна разрешить массу насущнейших вопросов. ...Революция сразу остановила всю сложную бюрократическую машину, и все нужды русского обывателя, рассеянные до сих пор по стройной

⁵⁹ Краткая история возникновения Самарского Губернского Комитета... С. 12.

⁶⁰ Протокол заседания ИК Самарского губернского КНВ с участием представителей от УИКНВ. Самара, 1917. С. 6.

⁶¹ См.: Глядков К.Г. История Комитета Народной власти первого периода // Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1918. Ч. 1. С. 40.

сети всевозможных учреждений, как вешняя вода, хлынули в Комитет»⁶². Комитет смотрел на комиссара, «нами избранного, – вспоминал Глядков, – как на своего подотчётного агента, а он, опираясь на Временное правительство, считал нас, видимо, почти обыкновенной общественной организацией, лишённой всякого политического значения. По мысли Временного правительства, все наши постановления нуждались в санкции комиссара, а мы в то же время показали, что тот обязан предоставлять на наше утверждение свои наиболее важные и принципиальные распоряжения. Получалось чрезвычайно странное положение, которое ... связывало руки и нам, и комиссару. Мы фактически пользовались в губернии всей доступной по тому времени полностью публичной власти, но не имели права её проявлять, комиссар же, напротив, получив широкие полномочия от Временного правительства, в то же время не имел в губернии абсолютно никакого авторитета. Дело доходило до курьёзов: для того чтобы выехать из города и получить место в вагоне, комиссар вынужден был получать наше разрешение»⁶³.

До избрания 24 марта председателем исполкома Комитета народной власти Глядкова⁶⁴, Комитет и губкомиссар, по его словам, работали более согласованно. Противостояние смягчалось «личными дружескими отношениями [Инькова] и П.Л. Кузьмина». Миролюбие покоилось на партийном фундаменте: П.П. Подбельский, руководивший заседаниями исполкома до 21 марта, и сменивший его П.Л. Кузьмин, были членами партии конституционных демократов. К этой партии принадлежал и Иньков. После избрания на эту должность социалиста-революционера Глядкова, «создалась атмосфера отчуждения и взаимного непонимания»⁶⁵. Вину за эту ситуацию Глядков возлагает на комиссара, который «вслед за Временным правительством

⁶² Глядков К.Г. Указ соч. С. 42.

⁶³ Там же. С. 46.

⁶⁴ Там же. С. 42.

⁶⁵ Там же. С. 46.

придерживался в отношении к Комитету той же тактики полного игнорирования»⁶⁶.

Глядков свидетельствовал и о том, о чём самарские «левые», прежде всего, социал-демократы-большевики, в последующем предпочли наглухо забыть. Глядков в 1918 году честно вспоминал, что «правые», то есть конституционные демократы, по отношению к большинству комитета – социалистам-революционерам, вели себя не по-партнёрски, и называл их позицию «безответственной оппозицией». А о поведении в комитете самарских «левых», то есть социал-демократов большевиков, Глядков отзывался благожелательно: «за всё время пребывания моего в президиуме (с 4 марта до 14 июня 1917 года. – Авт.), продолжало сохраняться полное, ничем не нарушаемое единство «революционного фронта»: для нас не существовало ни марксистов, ни народников... Погруженный всецело в неблагодарную текущую работу президиума, я долгое время даже и не знал о партийной принадлежности столь известных в Самаре политических деятелей как тов. Куйбышев, Галактионов, Кабцан, Белов и др., с которыми повседневно встречался на деловой почве»⁶⁷.

Комиссар, со своей стороны, объяснял рассогласованность в управлении губернией тем, что «большинство комитетов (уездных. – Авт.) настойчиво расширяли пределы своей власти», а уездные комиссары, «нередко являлись ставленниками не правительства, а самих комитетов, [и], ... вступая в должность без ведома губернского комиссара, не признавали себя ни ответственными перед губернским комиссаром, ни ему подчинёнными»⁶⁸.

В эту рыхлую управленческую сумятицу и попала инициированная Временным правительством идея земельных комитетов. Однако заметим, что обе «власти» к созданию новых комитетов в губернии отнеслись с должным вниманием: надеялись, что комитеты станут фактором, который поможет

⁶⁶ Глядков К.Г. Указ соч. С. 46.

⁶⁷ Там же. С. 45.

⁶⁸ Госархив РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 178. Л. 105.

стабилизировать ситуацию в губернии. Идея исходила от правительства и воспринималась как общегосударственная.

С 3 мая в губернии постепенно начинается процесс создания земельных комитетов. В уездах они создавались под руководством и при поддержке уездных исполкомов Комитетов народной власти и комиссаров, избранных по губернскому примеру Комитетами. В это же время в уездах происходили перевыборы и довыборы гласных уездных земских собраний и велась кампания подготовки выборов на Второй крестьянский и всесословный губернские съезды.

Второй губернский крестьянский съезд был созван по инициативе губернского исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, всесословный – исполнительного комитета Комитета народной власти. Комитет уже именовал себя губернским, но явно нуждался в упрочении своего положения. Большого представительства в его исполкоме требовали самарские крестьяне. С 21 апреля 1917 года в исполкоме Комитета крестьянство было представлено уже не 10 членами крестьянского исполкома, как первоначально намечалось по Наказу (губернской «Конституции»), принятому Первым губернным крестьянским съездом, а 21-м. В исполком Комитета народной власти вошёл весь состав губернского исполнительного комитета мартовского состава Совета крестьянских депутатов. Крестьяне стремились к власти в губернии, добиваясь пропорционального представительства своего «сословия» в исполкоме. Но к концу мая даже 21 представитель крестьянского Совета в губисполкоме Комитета народной власти их уже не устраивал.

Как известно, в губернии крестьяне составляли преобладающее большинство населения – 93% от общей численности жителей губернии. В губисполкоме Комитета они занимали лишь 30% мест. Тогда как 3% самарского пролетариата имели 14% мест (10 представителей). Непропорциональным было представительство и военных тылового гарнизона г. Самары – солдат и младших офицеров, в основном, прапорщиков.

Пропорционально их представительство так же значительно превосходило крестьянское. Такое соотношение крестьяне считали несправедливым.

Один из лидеров самарских крестьян социалист-революционер П.Д. Климущкин, откровенно констатировал, что самарское «крестьянство как преобладающий класс, стремилось само к господству в губернии. Поняв могущественное влияние власти на все стороны общественной жизни и зависимость всех наболевших вопросов от того, в чьих руках будет эта власть, этот аппарат, оно инстинктивно стремилось и само решительными шагами пошло к захвату этого аппарата в свои руки, относясь с большим недоверием к претензиям на эту власть других классов». Но на этом пути, свидетельствовал Климущкин, «в противовес стремлению крестьянства на преобладающее влияние в органах власти (имеются в виду губернский Комитет народной власти и губернский комиссариат Временного правительства. – Авт.), ... выявилась и другая сила, претендующая на равное влияние в этих органах – рабочие местных заводов, до сих пор составляющие самую мощную силу в жизни города и по праву считающие себя самым боевым и преданнейшим авангардом Революции – требовали той же доли участия в К[омитете] Н[ародной] В[ласти], как и крестьяне. Непропорциональность такого представительства их не смущала»⁶⁹.

Тяга крестьян к доминирующему участию в органах губернской власти проявилась и в процессе первоначальной демократизации земства, а затем – и губернского Комитета народной власти, и губернского комиссариата.

После перевыборов в апреле-мае 1917 года Самарское губернское земское собрание стало, по существу, крестьянским. Прежнему преобладанию гласных-дворян, избранных по законам, установленным Александром III, был положен конец. Гласные-крестьяне заняли в губернском земском собрании 69 мест

⁶⁹ См. Климущкин П.Д. История К[омитета]Н[ародной]В[ласти] второго периода // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д. Климущкина, З.М. Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Отдел II. Самара, 1918. С. 50.

(48%). Дворянам удалось сохранить за собой лишь 10 (7%)⁷⁰. Новыми земскими гласными стали земские служащие – врачи, агрономы, учителя. По социальному происхождению они, как правило, были из крестьян или из разночинцев, и определенно придерживались прокрестьянских взглядов.

Сохранившие в губернском земстве 10 мест гласные-дворяне представляли земство бугульминское. Это, вероятно, связано с тем, что бугульминским гласным в губернском собрании с 1907 года был губернский комиссар и председатель губернской управы К.Н. Иньков. Председателем управы он был впервые избран в 1910 году и среди земцев пользовался авторитетом.

Ко времени открытия первого в 1917 году губернского земского собрания – Чрезвычайной земской сессии 6 июня – пост губернского комиссара он уже утратил. Подать в отставку его вынудили крестьянский и сословный съезды⁷¹. 29 мая, во второй день заседаний губернского сословного съезда, после нелюбезной критики и темпераментных обвинений в проведении помещичьей политики в деревне, которой он был подвергнут лидерами крестьян накануне, Иньков заявил: «Считаю своим долгом довести до вашего сведения, что в дальнейшем нести обязанности комиссара не могу. [...] В настоящее время я совершенно болен и послал уже прошение об освобождении меня от этих обязанностей; тоже сделали и мои товарищи».

Упомянув о товарищах, Иньков имел в виду своего заместителя Н.В. Осоргина и помощника И.Н. Хроновского. Последний исполнял обязанности губкомиссара в марте, главным образом, во время командировок и его непродолжительного отсутствия, а с 11 апреля официально получил назначение МВД на должность помощника. Втроём они и составляли весь аппарат Самарского губернского комиссариата. Эта немногочисленность

⁷⁰ См. Приложение, таблица 3.

⁷¹ Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского сословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С. 53, 93. См. так же: Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 180-181.

довольно разительна на фоне неуклонного увеличения количества членов исполкома Комитета народной власти: 14, затем 28, затем 40, затем 62, а в июне 1917 года. – уже 100 человек.

Уверения Инькова об отставке всего губернского комиссариата были поспешными. Получился конфуз – из комиссариата ушёл только он. После его отставки чиновники МВД предложили исполнять должность губкомиссара Н.В. Осоргину. И он согласился, причём, вёл себя мужественно. Он пошёл этот шаг, зная о том, что исполнительный комитет обновлённого, второго состава губернского Комитета народной власти наметил на эту должность своего человека. 14 июня исполком Комитета избрал губернским комиссаром С.А. Волкова, присяжного поверенного, члена местного комитета ПСР, председателя губернского крестьянского съезда. Но Осоргин не уступал комиссарских полномочий, полученных от МВД, и оставался в должности до 30 июня. Для отстранения Осоргина, исполком Комитета народной власти, вопреки МВД, 27 июня принял специальное постановление, предписав Осоргину «сдать в 24 часа должность ... С.А. Волкову». И предупредил, что у него «достаточно силы и власти, чтобы настоять на своём требовании...». Осоргин был вынужден уйти. С.А. Волков занял комиссарское кресло. Но официального согласия МВД на назначение губернским комиссаром Волкову не удавалось получить до 21 июля. С центральной властью у самарских комитетчиков возник серьёзный конфликт, который разрешился компромиссом только после длительных согласований. В течение месяца губерния оставалась без официального представителя Временного правительства.

Несмотря на эти политические перипетии, к сохранению позиций дворян в губернском земском собрании бугульминскими помещиками Иньков всё же успел приложить свои комиссарские и земско-председательские полномочия. И, как видно, преуспел. Но в земских собраниях других уездов таким влиянием, как в родном бугульминском, он, видимо, не пользовался. В новые земские гласные там были избраны только крестьяне и земские служащие. Ни одному

из прежних помещиков не удалось сохранить за собой полномочий земских гласных ни в одном из уездов, кроме бугульминского.

К началу июня 1917 года политическая ситуация в губернии кардинально изменилась. Закончили свои трёхнедельные заседания майско-июньские губернские съезды – крестьянский и всесословный. Они заново перерешили два важнейших вопроса губернской революции – о земле и о власти.

К управлению губернским Комитетом народной власти и губернским комиссариатом Временного правительства после съездов были призваны социалисты-революционеры, представители организованного в Совет крестьянских депутатов самарского крестьянства.

Крестьянский съезд принял Земельные правила, «национализировав» на 1918 год все пахотные земли в губернии. Земли были объявлены общегубернским народным фондом.

Всесословный съезд внёс существенные изменения в структуру, состав и компетенцию органов управления губернией. Единственной властью в губернии был провозглашён Комитет народной власти. Всесословный съезд избрал его новый состав из 100 человек. В него вошли представители самарских Советов: 15 – от рабочих, 15 – от солдат, и 60 – от крестьян. Остальные 10 мест были предоставлены уездным и губернскому городам и беженцам.

Таким образом, к середине июня завершился процесс превращения мартовского Особого временного Городского комитета общественной безопасности, восстановленного Самарской думой 1 марта 1917 года по образцу 1905 года, в Самарский общегубернский Комитет народной власти.

Доминирующее положение в нём заняли представители самарских крестьян. Им теперь принадлежало в исполкоме Комитета 60% мест. «Постановления Губернского общесословного Съезда, нашего непосредственного вдохновителя и контролёра, говорили нам, – писал в 1918 году П.Д. Климускин, заместитель председателя крестьянского губисполкома,

– что мы (губисполком Комитета народной власти.– Авт.) должны быть «всё», мы – верховный орган, воле которого подчиняются все губернские учреждения и должностные лица, включая сюда и губернского Комиссара. Разделяя вполне эту точку зрения, президиум в первые же дни стал проводить эту мысль в жизнь, не останавливаясь, действительно, ни перед какими затруднениями»⁷².

Самарская губернская власть вышла из затяжного внутригубернского кризиса управления, начавшегося в марте после ухода из комитета самарских конституционных демократов. Кризис продолжался до середины июня, до избрания нового состава исполкома Комитета народной власти. Выход из кризиса наметили съезды. Всесословный съезд выполнил роль общегубернского парламента, сформировавшего новое губернское «правительство» – исполнительный комитет Комитета народной власти. Источником властных полномочий исполкома Комитета народной власти новые комитетчики признавали общегубернский съезд. Комитетчики надеялись, что и обновленное Временное правительство признает их полномочия.

«Первая задача, которая встала перед нами в первые же дни нашей работы, – писал Климушкин, – это аграрная реформа». Временные правила «...нам предстояло превратить в конкретные формы. Этот вопрос, доминирующий в этот период в жизни всей губернии, составлял главную цель нашего существования и отнимал у президиума (исполкома Комитета народной власти. – Авт.) всю его энергию, помыслы и время»⁷³.

Для Самарского губернского комиссариата Временного правительства кризис продолжался до 21 июля, до утверждения в МВД комиссара, избранного исполкомом Комитета народной власти С.А. Волкова и официальной отставки заместителя Инькова конституционного демократа Н.В. Осоргина⁷⁴.

С середины июня 1917 года в губернии установилась власть крестьянства.

⁷² Климушкин П.Д. История КНВ второго периода... С. 51.

⁷³ Там же. С. 51.

⁷⁴ Кострикин В.И. Земельные комитеты ... С.180-181.

Указывая на это факт, В.И. Кострикин утверждал, что «местные эсеровские организации, не сумев удержать крестьянство в рамках буржуазно-помещичьих порядков, вынуждены были брать власть в свои руки и вырабатывать меры по немедленному урегулированию земельных отношений. В границах отдельных губерний устанавливалось единовластие мелкой буржуазии, «верховенство народа», означавшего разрыв классового сотрудничества крестьянства с буржуазией»⁷⁵. Между тем, за этой, нарочито усложнённой терминологией, скрыто утверждение, основанное на историческом факте: к власти в Самарской губернии поднялось самарское крестьянство.

Именно крестьяне демократическими мерами, как они их понимали, пытались определить политическую судьбу демократии в губернии в период, последовавший после майско-июньских съездов. Этот период, по нашему мнению, завершился лишь после разгона большевиками-ленинцами Учредительного собрания и насильственного роспуска на местах губернских крестьянских земств и крестьянских советов, а не Октябрьским переворотом, как было принято считать. С крестьянскими органами власти и крестьянскими демократами – социалистами-революционерами самарские большевики фактически и вели борьбу за власть накануне и после Октября 1917 года. Причём, особенно ожесточённо эта борьба развернулась в губернском центре именно с 26 октября 1917 года и продолжалась до середины января 1918 года, вплоть до роспуска самарских губернских, уездных и волостных земских учреждений, ставших после сентябрьско-октябрьских 1917 года демократических выборов, по существу, крестьянскими.

Самарская предпринимательская буржуазия и её политические организации в этой борьбе практически не участвовали. О роли самарской предпринимательской буржуазии в губернской борьбе за власть в 1917 году всерьёз невозможно говорить уже с ночи 3 марта, со времени фактического

⁷⁵ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 183.

создания первого состава Самарского Комитета народной власти. После устранения царской губернской администрации, буржуазным кругам Самары удалось поддержать в своих руках власть немногим более суток. Если быть точным, то 26 часов – с 21.30 час. 1 марта до 02.00 часов 3 марта.

После выборов первого исполнительного комитета Комитета народной власти, состоявшихся в Самаре 4 марта, в его составе преобладали представители самарских левых – депутаты советов рабочих и военных, т.е. революционные демократы. Власть из рук самарской буржуазии стремительно ускользала «влево» – сначала к социалистам революционерам, представлявшим крестьянскую демократическую линию в революции, а затем, к пролетарской диктатуре большевиков-ленинцев и их политических союзников – самарских левых социалистов-революционеров и анархистов.

Важным демократическим рубежом на этом пути был переход власти в губернии под контроль общественных и политических организаций самарских крестьян в середине июня 1917 года. Предложенная ими политика, в основных экономических контурах предвосхищала крестьянский НЭП, который был «вырван» у большевистской пролетарско-социалистической диктатуры в период массовых крестьянских восстаний 1919-1920 годов в стране и в Самарской губернии. Отметим, однако, что политический режим, предложенный самарскими крестьянами и их лидерами населению губернии летом 1917 года, был несравненно более мягким и демократичным, чем большевистский. Как по отношению к организованному пролетариату, так и к самарской буржуазии.

Для Совета крестьянских депутатов, как и для Совета рабочих, в 1917 году были характерны попытки опереться на военную силу организованных в Совет солдат тылового гарнизона. Как показал Октябрьский переворот в губернии, этот фактор в борьбе за власть был решающим. Однако самарские социалисты-революционеры действовали в этом направлении нерешительно. От политических сил «слева», т. е. от самарских большевиков, они явно не

ожидали той вихревой атаки на «демократию», которой подверглись в конце октября 1917 года.

Выступая на Втором губернском крестьянском съезде летом 1917 года, П.Д. Климушкин предлагал «при создании крестьянских Советов объединиться с Советом солдатских депутатов». Он аргументировал это тем, что «организация сильна, когда на что-нибудь опирается; сила организованного крестьянства может опираться на штыки» и «действовать так, чтобы их нельзя было потом сломить»⁷⁶. Но поддержки эта идея не получила ни на крестьянском съезде, ни в крестьянском совете.

Между тем, в Самаре ситуация уже с апреля складывалась так, что на силу солдатских штыков Самарского гарнизона, сформировавшего свой Совет, опирался Совет рабочих депутатов. Фактическое слияние этих двух советов в Самаре произошло 12-13 июня⁷⁷. Совет рабочих, лидерами которого были самарские большевики, опередил крестьянский Совет.

Совет крестьянских депутатов ограничился формальным политическим «союзом» фактических лидеров Совета крестьян и Совета солдат в рамках губисполкома Комитета народной власти – П.Д. Климушкина и И.М. Брушвита. 14 июня Брушвит был избран председателем губисполкома, Климушкин – его заместителем. Но как показало развитие политической ситуации в Самаре и губернии, их надежды сохранить влияние на солдатский совет оказались иллюзорными. Реальное политическое руководство Советом солдатских депутатов г. Самары осталось за самарскими большевиками, возглавившими совместный исполком Совета. Солдаты тянулись к большевикам, поскольку и самарские социалисты-революционеры, и руководимый ими Совет крестьян, поддерживали политику Временного правительства в отношении к войне.

Временное правительство, как известно, не отказалось от союзнических обязательств и настаивало на доведении войны до победного конца.

⁷⁶ См. Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского съезда... С. 21.

⁷⁷ См. Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902 – 1917. Куйбышев, 1969. С. 480.

Солдатский совет Самары был солидарен с большевистскими лозунгами превращения «империалистической войны в войну гражданскую» и «долой войну». Большевистские лозунги соответствовали ментальному настроению солдатской массы. Среди солдат Самарского гарнизона они пользовались огромной популярностью.

И.М. Брушвит, сосредоточив свою деятельность в губисполкоме, утратил влияние среди солдат гарнизона. Предложение П.Д. Климушкиным о взаимодействии крестьянского Совета с солдатским Советом не получило должной поддержки. Ни одной серьёзной попытки нейтрализовать влияние большевиков в Самарском гарнизоне не предпринял и Комитет народной власти. Тем временем самарские большевики создали внутри гарнизона не только свои военно-партийные организации, но и гарнизонный Совет крестьянских депутатов. В октябре 1917 года «солдатская» революция в губернском центре стала тем «хором», без которого «соло» самарских большевиков и их рабочего Совета в борьбе за власть осталось бы лебединой песней.

Пахотные сельскохозяйственные земли губернии на посевной 1918 год по решению губернского крестьянского съезда были переданы в ведение земельных комитетов. В тех волостях, где земельные комитеты ещё не были созданы, их функции возлагались на Комитеты народной власти. В соответствии с пунктом 4. Временных правил землепользования в губернии, принятых 1 июня, «все земли частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные и вообще все земли, необрабатываемые собственным трудом» должны были немедленно поступить «в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таковых нет, то комитетов Народной власти», которые должны были стать «от сего времени фактическими распорядителями их впредь до решения этого вопроса Учредительным Собранием». Здесь же было записано, что «поименованные земли составляют общенародный фонд, из которого и будут удовлетворяться

потребности населения»⁷⁸. Исключение из этого правила было сделано лишь для наделных (общинных) земель, которые крестьяне обрабатывали собственным трудом.

Взимание с крестьян арендной платы за использование вышеперечисленных земель крестьянским съездом было отменено. В раздел «О налогах» Временных правил землепользования первым пунктом значилось: «Арендная плата за пользование землями, поступившими в ведение местных земельных комитетов или волостных Комитетов народной власти, — отменяется; все же государственные и земские налоги, лежащие на этих землях, обязано нести население, пользующееся поименованными землями, кроме лежащих на них недоимок»⁷⁹. «Правила» нанесли сокрушающий удар по феодальному землевладению в губернии. Это не могло не затронуть и те хозяйства, которые велись по капиталистически.

Отмена арендной платы, часть которой в виде налогов поступала в госказну, снизила и без того нерегулярные поступления в бюджет. По расчётам П.Д. Климушкина, это позволило оставить «в карманах самарских крестьян» 22-23 миллиона рублей⁸⁰. Без какой бы то ни было поддержки большевиков, самарские крестьяне самостоятельно справились с помещиками и другими землевладельцами, основываясь на своих представлениях о «революционном праве».

Радикальность решений съездов была обусловлена как общей ситуацией в деревне, так и процедурой выборов делегатов. Большинство делегатов избирались общинными волостными сходами и крестьянскими Комитетами народной власти. Из 630 делегатов 545 (87%) представляли самарскую

⁷⁸ Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского съезда... С. 125.

⁷⁹ Там же. С. 137.

⁸⁰ Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. статей под ред. члена Учред. собр. П.Д. Климушкина, З.М. Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918. С. 5.

деревню. Причём, 482 делегата были избраны непосредственно волостными сходами, и лишь 63 – волостными Комитетами народной власти⁸¹.

С точки зрения общегосударственных интересов в вопросе об аренде проявили себя «общинно», пренебрегая общегосударственными интересами. Эту особенность народовластия как характерную черту отмечал русский историк М.М. Щербатов ещё в XVIII веке. Подобная демократия представлялась ему строем, при котором народ использует власть для уклонения от необходимых повинностей, изгнания из управления людей справедливых и возвышения людей пронырливых⁸².

Самарские крестьяне-земцы были более умеренными и ответственными реформаторами, чем крестьяне-съездовцы. Земцы вдумчивей просчитывали последствия изменений основ землепользования и землевладения в самарской деревне. Вероятно, поэтому проблеме создания земельных комитетов как органов подготовки и проведения земельной реформы, первое демократическое земское собрание в губернии уделило гораздо больше внимания, чем Второй губернский крестьянский съезд. Заседания земства открылись в последний день работы общегубернского съезда, 6 июня.

Инициатива обсуждения в новом земстве апрельского постановления Временного правительства об учреждении земельных комитетов исходила от Г.И. Баскина, который возглавлял статистический отдел губернской управы. Утром 6 июня, незадолго до начала сессии и заслушивания доклада о задачах Всероссийской сельскохозяйственной переписи, из Петрограда на имя Баскина поступила телеграмма за подписью председателя Главного земельного комитета А.С. Посникова. В телеграмме содержалась просьба, обращенная к Баскину, взять на себя обязанности представителя Главного земельного комитета в губернии. «Преследуя задачу скорейшей организации местных земельных Комитетов, – писал Посников, – Главный Земельный Комитет, по соглашению с всероссийским Советом крестьянских депутатов, предлагает Вам

⁸¹ См. Приложение, таблица 1.

⁸² Щербатов М.М. Соч. Т. I. СПб., 1898. С. 342.

принять на себя обязанности его уполномоченных по Самарской губернии. При Вашем согласии, благоволите безотлагательно ознакомиться с положением в губернии организации губернского, уездных и волостных комитетов и принять меры к скорейшему её завершению, действуя по соглашению с Губернским Комиссаром и Исполнительным комитетом, руководствуясь постановлением Временного правительства об учреждении земельных комитетов, не выжидая дополнительных инструкционных указаний, которые будут Вам сообщены позже»⁸³.

Вероятно, это поручение и послужило основанием для постановки вопроса о земельных комитетах в докладе о проведении в губернии сельскохозяйственной переписи. Опытный землец и незаурядный политик, Баскин сразу увидел единство задач, прагматично поставленных Временным правительством перед Всероссийской сельскохозяйственной переписью и перед земельными комитетами. К тому же, отзывчивость Баскина на предложение известного среди русских аграрников прогрессиста Посникова не была случайной.

Дело в том, что Баскин, как и его однопартиец Пешехонов, стоял у истоков генезиса идеи местных комитетов в России как органов подготовки и проведения земельной реформы ещё в период дебатов по аграрному вопросу во II Государственной думе, депутатом которой он был избран крестьянами Пермской губернии. Именно Баскин призывал тогда Думу незамедлительно принять «необходимые подготовительные меры..., чтобы население имело возможность наиболее целесообразно и наиболее рационально подойти к разрешению аграрного вопроса»⁸⁴. Реализовать этот подход он предлагал через местные земельные комитеты. Этот эпизод из политической биографии

⁸³ Эту телеграмму по поручению Посникова отправлял в Самару секретарь Главного земельного комитета, будущий автор первой научной публикации о земельных комитетах (1948 г.) и именитый советский историк П.Н. Першин. См.: Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

⁸⁴ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографический отчет. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. Заседания 1-30 (20 февраля-30 апреля). СПб., 1907. С. 761.

Баскина, видимо, был известен профессору Посникову. С группой депутатов Думы Баскин разрабатывал проект аграрного закона, в котором предлагал создать земельные комитеты на основе всеобщего избирательного права⁸⁵. «Местные комитеты должны быть немедленно созданы, чтобы предпринять меры к облегчению положения населения»⁸⁶, – настойчиво твердил он в Думе. Однако реализовать идею не удалось. Дума была распущена. Идея земельных комитетов в самодержавной России осталась невостребованной. Эпоху «натиска» на самодержавие сменила аграрная крестьянская реформа. В качестве инструмента её осуществления П.А. Столыпин использовал землеустроительные комиссии, которые решали технические задачи по отводу земель из общинного фонда новым «помещикам» и были совсем непохожи на земельные комитеты, замышлявшиеся думскими народными социалистами, к которым принадлежал пермский депутат Г.И. Баскин.

Апрельское постановление Временного правительства «Об учреждении земельных комитетов» застало Баскина в Самарском земстве. К этому времени его имя было достаточно широко известно среди русских аграрников. Разработанные им методы сельскохозяйственной статистики использовал, например, видный аграрник профессор А.В. Чаянов, высоко оценивая полученные Баскиным результаты.

В революционных событиях, в которые с 1 марта 1917 года погрузилась Самара, бывший депутат II Государственной думы Баскин не затерялся. Он участвовал в демократических акциях в городе и губернии: в мартовско-апрельских Общих собраниях Самарского Комитета народной власти, в заседаниях земской комиссии, созданной для разработки временных мер по демократической реорганизации земского и городского самоуправлений, выступал инициатором созыва Первого Самарского губернского крестьянского съезда и губернского Совета крестьянских депутатов, докладывал на

⁸⁵ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографический отчет. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. Заседания 1-30 (20 февраля-30 апреля). С. 761.

⁸⁶ Там же.

мартовских уездных и губернском съездах по аграрному и продовольственному вопросам⁸⁷.

В аграрном вопросе Баскин придерживался умеренных позиций. Среди самарских неонародников он был, пожалуй, единственным политиком с основательной научной подготовкой и отчётливо представлял негативные экономические и культурные последствия поспешного вмешательства в аграрные отношения. К примеру, он не считал крестьян-отрубников и хуторян «столыпинскими помещиками». Такая позиция была следствием глубокого анализа и достоверного знания крестьянской жизни. Но, с другой стороны, Баскин был неонародником, не уклонявшимся от контактов с левыми. В публицистике «левых» по аграрному вопросу его цитировал вождь российских социал-демократ В.И. Ульянов (Ленин)⁸⁸.

Идея создать в земском собрании «особую комиссию для более подробного ознакомления с содержанием и объёмом Всероссийской сельскохозяйственной переписи» и выяснения ситуации с организацией земельных комитетов в губернии, таким образом, исходила от Баскина. Он считал, что комиссия необходима для того, чтобы новые гласные получили, во-первых, возможность обдумать, какими способами обеспечить «доверчивое отношение со стороны населения к тем лицам, которые будут командированы в уезды для производства местных обследований»; во-вторых, ознакомиться с материалами статистического отдела земства о состоянии земельного вопроса в губернии «в целях наиболее правильной постановки и разрешения земельной реформы»; и, в-третьих, выяснить «в каком положении находится организация уездных и волостных земельных комитетов и, если они не образованы, то

⁸⁷ Госархив Самарской обл. Ф. 813. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 и др.; Краткая история возникновения Самарского губернского Комитета... С. 9, 12; Журнал заседания [Самарского] губернского съезда крестьянских делегатов 25-29 марта 1917 года. Самара, 1917. С. 6, 18.

⁸⁸ Ленин, к примеру, заметил: «О местных комитетах говорили в Думе... и народные социалисты (депутат Баскин)...». См.: Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 150. К пропаганде в России идеи местных крестьянских комитетов, но комитетов особых, революционных, Ленин приложил немало усилий.

принять меры к скорейшему их учреждению, наметив круг вопросов, разрешением которых они должны будут, прежде всего, заняться»⁸⁹. Баскин полагал, что только в этом случае «земельные комитеты в состоянии будут по единому плану собрать и разработать те именно материалы, какие необходимы будущему Учредительному собранию для составления основного закона о предстоящей величайшей земельной реформе, которая не только нигде и никогда не была осуществлена, но даже не ставилась в том грандиозном масштабе, в каком она ставится в России в настоящее время»⁹⁰.

Многие гласные из доклада Баскина впервые узнали о роли земельных комитетов в предстоящей земельной реформе. Однако в постановлении правительства об учреждении земельных комитетов земцы сразу же усмотрели «ряд недочётов». Так, гласный Н.В. Тресвятский (председатель Ставропольской уездной земской управы, уездный комиссар), например, предложил «рассмотреть ... декрет о земельных комитетах ... и указать Временному правительству на дефекты, которые имеются...»⁹¹. Гласный А.М. Фаворский (Николаевский у., земский служащий) высказал пожелание «от губернского земского собрания избрать [в губернский земельный комитет] не 4-х, а 7-х гласных – по одному из каждого уезда», в связи с чем Баскин был вынужден заметить, «что этот вопрос может быть разрешен только в законодательном порядке»⁹². Гласный М.С. Хохров (Новоузенский у., земский служащий) оценил «закон о земельных комитетах как очень важный», но высказал сомнение, «будет ли [он] проведён в жизнь как предложено правительством... Возможно, что земельным комитетам придётся стать на место владельцев земли, которые побросают свои земли и уйдут». Но может быть, предположил он, ситуация сложится иначе. «Получив декрет, на месте организуется

⁸⁹ Баскин Г.И. Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. Самара, 1917. С. 2.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Журналы Самарского губернского земского собрания ... С. 13.

⁹² Там же.

земельный комитет, а что дальше делать – не будет знать» и порекомендовал наметить земельным комитетам «пути работы»⁹³.

Новые земские гласные сразу же поставили вопрос и о взаимоотношениях Земельных комитетов и Комитетов народной власти. Его сформулировала Е.В. Скороходова (член Совета крестьянских депутатов)⁹⁴. Замечания были переданы в земскую земельную комиссию, резолюцию о создании которой зачитал А.И. Кабцан (зам. председателя исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов). Комиссии было поручено заняться вопросами сельскохозяйственной переписи, разработкой мер содействия её успеху, ознакомлением с декретом (так земцы называли постановление. – Авт.) Временного правительства о земельных комитетах и статистическими материалами губернского земства, а также подготовкой программы мероприятий губернского и уездных земств в переписи, и обсуждением взаимоотношений земельных комитетов и Комитетов народной власти⁹⁵. Возвратиться к решению этих вопросов земцы наметили 11 июня.

Земская земельная комиссия была составлена из представителей уездных земств и представителей общегубернских общественных организаций – Совета военных депутатов (Н.Н. Головнин), Совета общественных организаций (А.К. Клафтон), Совета крестьянских депутатов (В.М. Фролов, И.П. Таланов, Е.В. Скороходова), Союза земских служащих (Г.И. Быков). Два депутата Совета крестьянских депутатов – крестьянин-солдат И.П. Таланов (Сулакской вол. Николаевского у.) и крестьянин-канонир В.М. Фролов (Матвеевской вол. Бугурусланского у.) были делегатами Второго губернского крестьянского съезда и оба с 20 мая по 3 июня работали в съездовской земельной комиссии над проектом Временных правил землепользования в Самарской губернии до Учредительного собрания⁹⁶. В Земскую комиссию вошли 26 человек. Её состав был демократичен: 10 крестьян, земский агроном, 4 земских учителя, мулла,

⁹³ Журналы Самарского губернского земского собрания ... С. 14.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда ... С. 52.

волостной писарь, мелкий торговец, преподаватель реального училища. Ни один из 10-ти самарских помещиков, которым удалось сохранить статус гласных, в комиссии представлен не был⁹⁷.

О партийной принадлежности гласных на сессии никто не упоминал. Установить достоверно партийную принадлежность оказалось возможным лишь для пяти её членов, из которых один входил в партию конституционных демократов (Клафтон), один – в партию народных социалистов (Голодковский) и трое – в партию социалистов-революционеров (Таланов, Фролов, Скороходова). Отметим, что партийная принадлежность для земцев не имела никакого значения при решении проблем, которые стояли перед комиссией. В земстве ценились люди, умевшие превращать идеи в практические предложения, аргументированно дискутировать, формулировать проекты решений.

В первом заседании земской земельной комиссии её председателем был избран Л.И. Голодковский, преподаватель Кинельского земского сельскохозяйственного училища, с 23 марта 1917 года ставший предс. исполкома Самарского уездного Комитета народной власти, а вскоре и уездным комиссаром⁹⁸. С апреля 1917 года он, как и Баскин, был членом Лиги аграрных реформ.

11 июня Голодковский представил земскому собранию доклад, выработанный комиссией. Он доложил, что процесс организации земельных комитетов в Самарской губернии завершается, и что на 24 июня губернским комиссаром К.Н. Иньковым назначено организационное заседание губернского земельного комитета.

Материалы, которые использовала комиссия для вывода о завершении процесса создания земельных комитетов в губернии, не сохранились. Динамику процесса создания земельных комитетов в Самарской губернии,

⁹⁷ См. Приложение, таблица 4.

⁹⁸ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

представленную в таблицах⁹⁹, оказалось возможным воссоздать на основе информации, собранной в центральных и местном архивах. Вместе с тем необходимо отметить, что вывод земской комиссии о ситуации с созданием земельных комитетов, верно отражал состояние дел: уездные комитеты в первой декаде июня были созданы в 5 уездах из семи (71 %). Создавались комитеты и в волостях. Из 330 волостей они были избраны в 142-х (43 %)¹⁰⁰.

Земская земельная комиссия признала, что «в своей принципиальной основе постановление о земельных комитетах является вполне приемлемым». Частные недочёты, на которые обратили внимание гласные в ходе первого обсуждения, комиссия нашла несущественными. Если потребуются «некоторые исправления..., то они могут быть сделаны губернским земельным комитетом, который и возбудит перед правительством соответственное ходатайство»¹⁰¹, – высказал по этому поводу мнение комиссии Голодковский. Комиссия предложила признать «настоящее земское собрание вполне правомочным произвести ... избрание» представителей земства в губернский земельный комитет, поскольку оно «выбрано на демократических началах и избрание четырех представителей в губернский земельный комитет необходимо для установления тесной связи между этим комитетом и губернским земством»¹⁰².

Между тем, следуя букве закона, это предложение было отступлением от закона. Закон признавал правомочным представительство земского собрания в земельном комитете только в том случае, если гласные избраны на основе всеобщих выборов¹⁰³. Поэтому, до демократического реформирования губернского земства, право избирать представителей в губернский земельный комитет сохранялось за губернским исполнительным комитетом Самарского

⁹⁹ См. Приложение, таблицы 5 и 6.

¹⁰⁰ См. Приложение, таблица 6.

¹⁰¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Избрание четырёх членов губернского земского собрания в состав губернского земельного комитета предусматривалось пунктом 1. раздела XIII постановления «Об учреждении земельных комитетов». Примечание устанавливало, что «до организации губернского ... самоуправления на основе всеобщего избирательного права эти члены избираются временными губернскими... исполнительными комитетами».

Комитета народной власти. Но Комитет, как и земство, в тот момент находился ещё в неопределённом положении, поскольку его второй состав, избранный на майско-июньском губернском сословном съезде, к 11 июня организационно не оформился: исполком не был создан, а будущие руководители – И.М. Брушвит (председатель) и П.Д. Климушкин (зам. председателя) – участвовали в заседаниях земского собрания и обсуждали доклад, представленный Голодковским, как представители губисполкома Совета крестьянских депутатов, а не Комитета народной власти. Лишь 14 июня, три дня спустя, исполком Комитета был избран заново.

К тому же, ни Брушвит, ни Климушкин, видимо, не вникли, как того требовала ситуация, в содержание обсуждаемого постановления о земельных комитетах. Однако какой бы ни была причина, против намерений земской земельной комиссии считать земское собрание правомочным избрать своих представителей в губернский земельный комитет, они не возразили. Вероятно, лидеры самарских крестьян о законных правах исполнительного комитета просто не знали.

Ранжируя задачи, возложенные на земельные комитеты правительством, земцы предложили считать, что первоочередной является «выполнение очень важной основной работы, правильное проведение которой тесно связано с вопросом о земельной реформе», а не урегулирование «недоразумений, которые возникли на местах в области сельскохозяйственных и земельных отношений»¹⁰⁴. Для выполнения комитетами этой, по мнению земцев, главной работы комитетов, «в основных чертах была намечена программа их деятельности в пределах отдельных районов и уездов»: земельные комитеты должны были заняться выяснением земельного фонда, численности населения, выяснением того, как распределены земли по угодьям и категориям владения, как хозяйства группируются по размерам владений, какова численность малоземельных и безземельных крестьян, какова ситуация со сдачей земли в

¹⁰⁴ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об.

аренду, как колеблются по отдельным районам размеры продовольственных и трудовых норм в соответствии с естественными и экономическими условиями этих районов и т.п.¹⁰⁵. Комиссия указала, что реализация программы потребует «от губернского, уездных и волостных комитетов энергичной и напряженной работы в тесной связи с Советом крестьянских депутатов»¹⁰⁶.

Земцы поддержали проведение Всероссийской сельскохозяйственной переписи в губернии и порекомендовали губернской управе «возможно шире осведомить о начатой работе... губернский Комитет народной власти, губернский Совет крестьянских депутатов, губернский Продовольственный комитет, уездные Комитеты народной власти, уездные земские управы, уездные земельные комитеты, уездные продовольственные комитеты и просить их со своей стороны принять меры для ознакомления населения с теми целями, ради которых производится Всероссийская сельскохозяйственная перепись»¹⁰⁷.

Таким образом, новые земцы выказались за сотрудничество со всеми влиятельными демократическими организациями в губернии. Огромный объем работ по переписи вызвал у комиссии опасения, что её не удастся завершить до Учредительного собрания. Поэтому они предложили будущему губернскому Земельному комитету совместно со статистическим отделом губернской земской управы «выработать простейшую программу самых важных вопросов в простейшей их постановке, чтобы эта предварительная перепись могла бы быть произведена местными земельными комитетами и разработана срочно силами уездных и волостных земельных комитетов для их предварительных работ по выяснению количества земли и населения»¹⁰⁸.

В качестве примерного круга вопросов, который предстояло выяснить путем опроса крестьянских обществ, комиссия предложила следующие: 1. Наделение земель должно быть произведено по наличным душам обоюбого пола или другим способом? 2. Как должно быть наделено землей пришлое оседлое

¹⁰⁵ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

хозяйствующее население? 3. Как должно быть наделено землей пришлое оседлое население, не ведущее собственное хозяйство? 4. Как должно быть наделено пришлое население, не имеющее оседлости в данной местности? 5. Как должны быть наделены наемные рабочие, имеющие постоянное местожительство? 6. Как должны быть наделены семьи, имеющие сторонние источники существования? 7. Каков должен быть размер продовольственного и трудового надела на каждую наличную душу обою пола, разумея под продовольственным наделом тот надел, который обеспечивает продовольственные и хозяйственные потребности семьи, а под трудовым наделом тот, который использует все рабочие силы той же семьи? 8. Как относится население к общине и общинному землепользованию? 9. Как относится население к отрубному и хуторскому землевладению? 10. Как относится население к хуторскому расселению?». Так была создана известная анкета¹⁰⁹. Комиссия исходила из того, что «ответы на эти вопросы выявят отношение самого населения к существу тех начал, на которых должна быть построена предстоящая земельная реформа»¹¹⁰.

Голодковский так же отметил, что «ознакомившись со статистическими, плановыми и картографическими материалами, имеющимися в статистическом отделении при губернской земской управе» комиссия сочла необходимым «обратить внимание губернского земельного комитета, а равно и уездных

¹⁰⁹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об.-70. Историки установили, что бланки анкет с этими вопросами были разосланы в волости, но многие были возвращены незаполненными. Анализ выборки из анкет всё же удалось проделать в 1917 году Г.И. Баскину и И. Долгих. См.: Баскин Г.И. Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. Самара, 1917; Долгих И. Конкретное и рациональное решение аграрного вопроса на примере Самарской губернии. Самара, 1918. Позже к анализу анкет обратились историки. См.: Силаева Н.М. К характеристике документов сельских комитетов и сельских сходов (1917) // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С. 46-48; Кабытова Н.Н. Социально-экономические требования крестьянства в 1917 году // Сборник аспирантских работ. Казань, 1977. С. 147-151.

¹¹⁰ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об.-70.

земельных комитетов, на чрезвычайное богатство и важность этих материалов для предстоящих работ...»¹¹¹.

В своём докладе Голодковский остановился также и на вопросе о взаимоотношениях, «которые должны существовать между новыми уездными и волостными комитетами и комитетами народной власти». Он заявил, что «по мнению комиссии, всеми распоряжениями по землепользованию и распределению земли между гражданами ведают земельные комитеты, а проводят в исполнение эти распоряжения комитеты народной власти»¹¹². Так земцами были поняты функции и компетенция земельных комитетов¹¹³.

В целом комиссия адекватно восприняла основные идеи постановления Временного правительства «Об учреждении земельных комитетов» от 21 апреля 1917 года и наметила оптимальные варианты их реализации в Самарской губернии. После доклада Голодковского в собрании произошёл интенсивный обмен мнениями.

Гласные высказывали свои соображения буквально по каждому его абзацу. Они ответственно отнеслись к обсуждению, полагая, что выработанные ими предложения станут ориентирами, которые определяют взаимоотношения земства и земельных комитетов в губернии и обеспечат влияние земства на процесс решения одного из кардинальных вопросов русской революции – аграрного. Но особую активность в прениях проявили гласные, представлявшие на сессии губисполком Совета крестьянских депутатов и, в частности, те, кто участвовал разработке Временных правил землепользования в губернии – Климушкин и Брушвит. Авторы «самарских земельных правил» собрание выслушивало терпеливо. Однако соглашаться не спешило.

Ознакомиться с материалами дискуссий по земельному вопросу, которые возникали в процессе принятия «Временных правил пользования землей в Самарской губернии», с фактами реорганизации постфевральских органов

¹¹¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об.-70.

¹¹² Там же. Л. 70.

¹¹³ Там же. Л. 69.

управления губернией, созданием нового Комитета народной власти, отставкой губернского комиссара, другими решениями Второго крестьянского и всесословного губернских съездов, новые земцы не успели. В Самару на Чрезвычайную земскую сессию многие приехали лишь утром 6 июня или накануне. Вероятно поэтому Голодковскому, делегату Второго губернского крестьянского съезда, они задавали вопросы, суть которых сводилась к стремлению гласных определиться в отношении к решениям крестьянского съезда по земельному вопросу. Протоколы Второго губернского крестьянского и Всесословного съездов ещё не были отпечатаны. Земцы могли почерпнуть информацию о «Временных правилах землепользования в Самарской губернии», провозглашенных местным законом, лишь из газет и кулуарных разговоров.

Гласный М.И. Мамонтов пытался выяснить «будут ли земельные комитеты нормировать до Учредительного собрания земельные отношения?» Этот же вопрос, только в более категоричной форме и по другой причине, интересовал и Брушвита: «будут ли земельные комитеты считаться с постановлениями губернского крестьянского съезда?»¹¹⁴. У докладчика эти вопросы вызвали недоумение. С ответом он затруднился.

На помощь поспешил Баскин¹¹⁵. Он напомнил, что «одной из первых задач губернского комитета явится возможно более полное и исчерпывающее ознакомление со всей совокупностью материалов, которые созданы в революционный период. Поэтому губернский земельный комитет, прежде всего, должен будет ознакомиться со всеми постановлениями съездов крестьянских делегатов, как губернского, так и уездных. Дать заранее ответ, будут ли земельные комитеты считаться со всеми этими постановлениями –

¹¹⁴ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.

¹¹⁵ Они и в жизни шли рядом. И в 1917, и позже. В 1919, порвав с политической деятельностью, оба стали преподавателями Агрономического факультета Самарского университета.

невозможно. Уже сейчас есть расхождения в постановлениях губернских съездов крестьян мартовского и майского. Их необходимо согласовать»¹¹⁶.

Однако, ни Марковского, ни Брушвита эти разъяснения не удовлетворили. И тот, и другой заявили, что «прямого ответа на свои вопросы они не получили»¹¹⁷. Брушвит категорично потребовал внести в итоговую резолюцию земской земельной комиссии поправку, устанавливающую «чтобы земельные комитеты считались с постановлениями губернских крестьянских съездов» и чтобы земское собрание приняло решение «сообщить Временному правительству, что декрет его о земельных комитетах для Самарской губернии неприемлем»¹¹⁸. Позиции земцев и членов Совета крестьянских депутатов разошлись диаметрально.

Участники дискуссии убедились, что проблема земельных комитетов затрагивала самый существенный вопрос новой русской государственности и российского социума, касалась основ жизнедеятельности основной массы населения – самарского крестьянства. Самарское крестьянское «сословие» насчитывало в 1917 году более 3,5 млн. человек. Теснейшим образом этот вопрос был связан и с вопросом о власти в губернии.

Земские гласные увидели в земельных комитетах, прежде всего органы подготовки исходных материалов для земельной реформы в Учредительном собрании. Видимо, экономическое и социальное положение новых губернских земских гласных, крестьян-земцев, диктовало им иное видение аграрной реформы, чем это было характерно для большинства крестьян-съездовцев, а земская культура дискуссий и просвещённость делали земцев толерантными.

Вместе с тем, очевидно, что немногие и из них сомневались в неизбежности земельного передела. Между прочим, подобную перспективу решения аграрной проблемы в России как единственно реальную имел в виду и один из авторов закона о земельных комитетах, министр земледелия

¹¹⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

конституционный демократ А.И. Шингарёв. Как свидетельствует Н. Суханов, Шингарёв уже в марте отмечал, что «аграрная реформа ... поставлена на очередь», что он «ещё не знает её конкретных очертаний, но это, в общем, будет национализация земли в духе социалистических партий»¹¹⁹.

В ином ракурсе первостепенную задачу земельных комитетов видели делегаты губернского крестьянского съезда. Они считали, что главная задача комитетов – урегулировать текущие земельные отношения. Причем именно на основе выработанных губернским крестьянским съездом Временных правил землепользования до Учредительного собрания. В их трактовке компетенции земельных комитетов преобладало стремление превратить учреждаемые комитеты в органы реализации Временных земельных правил.

Таким образом, земское собрание и крестьянский съезд, как оказалось, говорили о земле на разных диалектах крестьянского «языка». Предстоял трудный поиск согласования интересов и взаимопонимания. Здесь таилась опасность раздоров и гражданской войны, свалиться в пучину которой было проще простого.

Заявление Брушвита о неприемлемости для самарского крестьянства предложенных Временным правительством новых земельных органов произвело на земское собрание шокирующее впечатление. В нарушение регламента собрания Брушвит высказался в форме, которую иначе как призывом к неподчинению декретам Временного правительства земцы назвать не могли. Подобное поведение в их собрании было непривычным. В прения вмешался председательствовавший в заседании А.И. Кабцан. Он сдержанно высказал Брушвиту замечание по поводу его некорректных высказываний в адрес Временного правительства и своей председательской «властью» устранил из обсуждения собрания «вопрос о подчинении или неподчинении Временному правительству»¹²⁰. Но собрание высказалось за продолжение прений. Было решено по вопросу, поднятому Брушвитом, выставить четырёх ораторов, по два

¹¹⁹ Суханов Н.Н. Записки о революции... С. 305-306.

¹²⁰ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 71об.

за и против. Время выступлений было предложено не ограничивать. Земцы проявили к возникшей полемике огромный интерес.

Первым выступил М.Т. Игаев (председатель губернского Продовольственного комитета). Присяжный поверенный Игаев пытался втолковать Брушвиту и его немногочисленным сторонникам, что отстаиваемая ими поправка несостоятельна в виду того, что «решение земельного вопроса обоими съездами (Первым, мартовским и Вторым, майско-июньским губернскими. – Авт.) имеет временный характер – до Учредительного собрания. Непосредственная цель этих постановлений – обеспечение гражданского мира и увеличение посевной площади». Игаев уверял, что не сомневается в том, что «земельные комитеты примут во внимание и учтут постановления съездов», но сделать эти постановления основой работ земельных комитетов, по его мнению, невозможно. «Земельные комитеты имеют целью подготовить материал к решению земельного вопроса Учредительным собранием, – резюмировал он, – а постановления крестьянских съездов имеют временный характер. Задачи съездов и задачи комитетов различны»¹²¹. Затем выступил П.Д. Климущкин.

Как и Брушвит, Климущкин высказался не по вопросу о задачах земельных комитетов в части подготовки ими материалов для земельной реформы, а о власти земельных комитетов в части их полномочий по урегулированию текущих земельных отношений. «Самое дорогое для народа – это народовластие, – полемично заявил он. – А ему вместо народовластия готовят суррогат. Вместо 600 человек, участников съезда, вопрос будут решать 15 человек... Хотя может быть тут будет и «соль земли», но часто и соль бывает гнилая». В протоколе отмечено, что в этом месте председательствовавший Кабцан прервал оратора и высказал замечание по поводу оскорбительной, по его мнению, оценки состава земельных комитетов, высказанной Климущкиным. Кабцан заметил, что употреблять по отношению к

¹²¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 71об.-72.

выборным «чисто демократическим учреждениям каковыми, несомненно, явятся земельные комитеты» выражения «гнилая соль», недопустимо. Климушкин принял замечание, но в оправдание заметил, что его резкость вызвана опасением, что «постановления крестьянского съезда будут изменены земельными комитетами»¹²². Затем слово вновь взял Л.И. Голодковский.

«...Товарищ Климушкин по адресу ... демократических земельных комитетов бросил эпитеты «суррогаты» и «гнилая соль». – Эти замечания объясняются незнакомством оратора с декретом Временного правительства о земельных комитетах, – заявил он. – Что представляют собой земельные комитеты, например, в Самарском уезде? Земское собрание достаточно демократическое, как это можно видеть, выбирает в земельный комитет трех представителей из крестьян..., затем туда войдут по одному представителю от волости – 38 крестьян, от города войдут – мировой судья, агроном, и, будем считать, – я, всего три представителя на 41 крестьянина. Демократическое это будет учреждение или недемократическое, предоставляю судить почетному собранию, – под аплодисменты земцев закончил он свою мысль. – Что же касается поправки Брушвита, то будущие земельные комитеты будут считаться с велениями времени, правительством, общественными организациями... Постановления крестьянского съезда считаются непогрешимыми и не могут подвергаться изменениям. Следовать им, по мнению Брушвита, нужно неуклонно. Но жизнь уже показала, что постановления съезда вызвали на местах разногласия и трения, которые Совету крестьянских депутатов и Комитетам народной власти приходится улаживать». Голодковский подчеркнул, что надеется, что «будущие земельные комитеты будут в лучшем положении, чем крестьянские съезды и в состоянии будут созвать более многолюдные и более авторитетные районные съезды или областные, которые примут во внимание все ... требования жизни»¹²³.

¹²² Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

¹²³ Там же. Л. 72-72об.

Однако ни для Брушвита, ни для Климушкина аргументы земской земельной комиссии не стали убедительнее. Брушвит продолжал настаивать на внесении в земскую резолюцию о земельных комитетах Самарской губернии поправки, требовавшей подчинения земельных комитетов решениям съездов. Но на этот раз он предложил её в более жесткой формулировке: «вместо считаться – руководствоваться постановлениями съездов»¹²⁴. Дискуссия была исчерпана. Собрание перешло к выяснению мнения земцев голосованием.

На голосование были вынесены четыре варианта поправки:¹²⁵ 1) земельные комитеты должны «руководствоваться постановлениями губернского крестьянского съезда» (Брушвит); 2) земельные комитеты должны «считаться и учитывать постановления Совета крестьянских депутатов» (Игаев); 3) земельные комитеты должны «согласовывать деятельность с Советом крестьянских депутатов» (Тресвятский); 4) земельные комитеты должны «работать в тесном контакте с Советом крестьянских депутатов» (Степанов).

В голосовании приняли участие 87 земских гласных. Все поправки были отклонены: Брушвита – 59-ю, Игаева – 65-ю, Тресвятского – 49-ю голосами. Председательствовавший уже резюмировал итог прений: дискутируемый абзац резолюции земской земельной комиссии о задачах земельных комитетов в Самарской губернии «принимается в прежнем виде», как вдруг выяснилось, что не голосовалась поправка Степанова. Дискуссия вспыхнула вновь.

Во второй круг прений вмешался А.К. Кузьмин (гласный Бугульминского у., учитель церковно-приходской школы). «...Еще не успело создаться демократическое учреждение, как уже ревниво начинают его подозревать, – упрекая Климушкина и Брушвита в революционном нетерпении, заметил он. – Говорят, что оно может пойти вразрез с требованиями жизни, а потому стараются его связать». Тезисы в земской резолюции, по его мнению, были «изложены ясно и определённно и никаких поправок не вызывают. Задача

¹²⁴ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

¹²⁵ Там же. Л. 72об.

комитетов, главным образом, собрать материал для будущего Учредительного собрания»¹²⁶.

Возражая Кузьмину, Игаев призвал земцев не уклоняться в определении задач земельных комитетов от сотрудничества с Самарским губернским Советом крестьянских депутатов. По его мнению, «в решениях земельных вопросов нельзя не считаться с организованным крестьянским представительством»¹²⁷, – и, указывая на делегацию представителей Второго губернского крестьянского губернского съезда в Чрезвычайном земском собрании, призвал проявить внимание к их требованиям. Затем слово взял В.Е. Губарьков (Николаевская управа, служ.).

Он высказался против принятия поправки Степанова на том основании, «что земельные комитеты от земства не зависят. Мы им никакого наказа не пишем и не можем писать. Но это ничуть не значит, – заметил он, – что земельные комитеты не будут прислушиваться к голосу Совета крестьянских депутатов»¹²⁸. На этот раз Брушвит неожиданно поддержал поправку Степанова. Он примиренчески заметил, что, по его мнению, её «нечего бояться»¹²⁹. Затем слово взял Баскин.

Он начал с признания, что «его мало интересует вопрос, будет поправка принята или нет. Из доклада земельной комиссии ясно, что на комитеты возлагаются две задачи: 1) разработка текущих вопросов и 2) подготовка материалов для Учредительного собрания. Все вносимые поправки, – заметил он, – есть результат недоразумения. Чтобы постановления земельных комитетов по текущим вопросам были авторитетны в глазах населения, ... необходимо, чтобы губернский комитет считался с решениями крестьянских съездов». Для Баскина предмета спора здесь не было. Его беспокоило другое. «... Никто из ораторов не указал на другую задачу комитетов: на собирание и разработку материалов, на то, что это должно быть поставлено научно и строго

¹²⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 72 об.

¹²⁷ Там же. Л. 72об.-73.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

объективно, чтобы прийти к правильному решению о земельной реформе. Во время обсуждения этого вопроса в комиссии, когда последняя пришла в статистическое бюро, – рассказал Баскин, – кто-то из членов заметил: «Нужно ли знакомиться с материалами, собранными при царской власти?». – Такое отношение неправильно. Статистика никогда не шла на поводу у царской власти. Она всегда стремилась быть научной и преследовала одну цель – отыскание истины. Эта же цель должна быть и основной задачей земельных комитетов»¹³⁰, – подчеркнул он. Прения завершил Голодковский.

Он высказался за принятие поправки Степанова. Собрание его поддержало. Но слово «контакт» он предложил заменить более простым словом «связь»¹³¹.

Затем земское собрание перешло к обсуждению вопроса о привлечении земельных комитетов к проведению сельскохозяйственной и поземельной переписи. Предполагалось, что в соответствии с программой, намеченной земской земельной комиссией, работники волостных земельных комитетов должны будут организовать опрос населения и выяснить мнения крестьян по ряду важнейших аспектов предстоящей земельной реформы и деятельности создаваемых комитетов. Новые земцы пытались наделить земельные комитеты такими конкретными и реальными полномочиями, которые позволили бы им выявить волю самарского крестьянства в предстоящей земельной реформе.

Таким образом, две важные, совпавшие по времени реализации задачи – организацию земельных комитетов и организацию сельскохозяйственной переписи оказалось возможным совместить. Земцы стремились минимизировать финансовые и организационные затраты, и, координируя деятельность, получить максимальный эффект. М.П. Благодатный (председатель Бугульминской земской управы), предложил ещё более многоаспектно организовать эту работу в губернии. Его предложение сводилось к тому, чтобы «поставить дело переписи так, чтобы ее итогами

¹³⁰ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1.Л. 72об.-73.

¹³¹ Там же.

можно было воспользоваться и для составления списков в волостные земства». Однако против такого смешения работ земств и земельных комитетов выступил Л.И. Голодковский. Прагматичное предложение Благодатного было отклонено¹³².

Сформулированные комиссией вопросы для анкеты земельных комитетов имели целью выяснить категории хозяйств в уездах губернии, которые нуждаются в наделении землей, и принципы, на основании которых, по мнению населения, это следовало бы сделать. Важными были также попытки определить отношение населения к разным формам землепользования: общинному, хуторскому и отрубному. Замечаний и дополнений по анкетным вопросам земское собрание не высказало. Проект анкеты, разработанный земской земельной комиссией, был принят без изменений. Автором проекта анкеты был Г.И. Баскин.

Прения в земском собрании вспыхнули вновь при обсуждении абзаца резолюции земской земельной комиссии, касавшегося иерархии взаимоотношений учреждаемых земельных комитетов и созданных во всех без исключения волостях Самарской губернии Комитетов народной власти. Комиссия высказала мнение, что распоряжаться землепользованием и распределением земли между гражданами должны земельные комитеты, а непосредственно исполнять их распоряжения – Комитеты народной власти.

Таким образом, речь шла об изъятии из ведения Комитетов народной власти – от волостного до губернского – права принимать практические решения в аграрной сфере. Это означало резкое сужение компетенции комитетов, «завоёванной» ими в мартовско-июньский период февральской демократии и закреплённой решениями двух губернских крестьянских съездов. На этом фундаменте зиждился авторитет Комитетов народной власти среди крестьян.

¹³² Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 73об.

Против такой постановки вопроса о взаимоотношениях Комитетов народной власти и учреждаемых земельных комитетов выступил Брушвит. «Как могут комитеты народной власти проводить в жизнь положения, с которыми они могут не согласиться?» Он считал, что так быть не должно, и потребовал в эту часть земской резолюции внести поправку с точностью до наоборот: «комитет народной власти утверждает постановления земельного комитета, выполняет решение земельный комитет»¹³³. Суть его поправки очевидна: Комитеты народной власти, по его мнению, должны были сохранить право всеобъемлюще контролировать деятельность учреждаемых земельных комитетов. Тем более что в волостях земельные комитеты создавались при решающем участии председателей Комитетов народной власти или членов их исполнительных комитетов. Поправка Брушвита, будь она принята, свела бы на нет усилия земцев поставить Комитеты народной власти под контроль государственных земельных комитетов, и перевела бы земельные комитеты в фарватер реализации решений крестьянских съездов.

Брушвита поддержал Климушкин. Его предложение было более дальновидным. Он предложил «всё ведение дел (т.е. урегулирование. – Авт.) по землепользованию оставить в руках Комитетов народной власти до выборов волостных земств». И пояснил, что считает «Комитеты народной власти органами революционными, имеющими временный характер. Через два-три месяца их не будет. Пока же они должны утверждать и исполнять постановления земельных комитетов»¹³⁴.

Против предложений Брушвита и Климушкина выступил Г.И. Быков (служащий губернской земской управы). Он настаивал на принятии пункта в формулировке комиссии. «Комитеты народной власти должны исполнять, а не утверждать решения, так как административный орган не может одновременно утверждать и исполнять»¹³⁵, – напомнил он собранию «азы» демократии.

¹³³ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 73 об.-74.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

Но точку в дискуссии поставил А.К. Кузьмин. Он напомнил, что «с 1889 года нас достаточно опекали земские начальники, у которых была административная и исполнительная власть. Земельные комитеты будут изучать земельный вопрос, а комитеты народной власти действуют как орган административный. Введением земельных комитетов не умаляется власть комитетов народной власти, – разъяснил он своё понимание взаимоотношений комитетов. – Только часть работы этих комитетов отпадает и передается земельным комитетам, которые не так будут переобременены делами, и на свободе могут делать порученное им дело скорее и лучше. Даже защитники Комитетов народной власти считают, что дни их сочтены. Как же возлагать такую ответственность на комитеты, имеющие временный характер? А земельные комитеты будут жить до Учредительного собрания, во время работ его и после, чтобы выполнять решения его». Это выступление свидетельствует, что среди земцев было немало лиц, информированности которых о намерениях Временного правительства в аграрной политике можно позавидовать. Своим выступлением Кузьмин продемонстрировал, что обладал ясным видением перспектив создания демократических основ самоуправления и обновленной государственной власти в России. Не удивительно, что именно он и предложил собранию принять пункт резолюции, устанавливающий приоритет решений земельных комитетов по вопросам землепользования над решениями комитетов народной власти, то есть в редакции, предложенной комиссией¹³⁶.

Поправка Брушвита была отклонена. Земцы высказались за принятие пункта в редакции комиссии. Против был подан лишь один голос. От участия в голосовании воздержались 10 человек. Это были представители Второго губернского крестьянского съезда, принимавшие участие в заседаниях Чрезвычайной сессии Самарского земского собрания¹³⁷.

В завершение обсуждения доклада о земельных комитетах в губернии, по предложению Н.В. Тресвятского (Ставропольский уездный комиссар,

¹³⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 73 об.-74.

¹³⁷ Протоколы 2-го Самарского Губернского Крестьянского... С. 73, 163.

председатель Союза посевицков губернии), земское собрание приняло решение «возбудить перед Временным правительством ходатайство о скорейшем отпуске средств на земельные комитеты» и поддержало Л.И. Голодковского, предложившего «размножить доклад для раздачи гласным и для распространения на местах»¹³⁸. Тут же были сделаны распоряжения для исполнения решений¹³⁹. Таким образом, земцы могли праздновать победу. Им удалось отстоять независимость земельных комитетов от комитетов народной власти.

Но победное настроение неожиданно «испортил» К.А. Марковский (член Совета крестьянских депутатов, делегат самарских крестьян на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов). Получив слово для внеочередного заявления, он заметил, «что как бы не пришлось этот вопрос обсуждать заново». Декрет о земельных комитетах издан Временным правительством до образования коалиционного кабинета... – напомнил он. – На Всероссийском крестьянском съезде декрет обсуждался, и в него внесено много поправок. Для переработки он поступил в комиссию, работающую под председательством министра земледелия. Но «когда он выйдет из комиссии – неизвестно» и поэтому предложил «запросить министра Чернова, в каком положении находится закон о земельных комитетах»¹⁴⁰.

Собрание не нашлось, как отреагировать. Голодковский лишь упрекнул Марковского, что он «знал о существенных поправках в декрете о земельных комитетах и не счёл нужным сообщить об этом комиссии». И успокоил заволновавшихся земцев, что «если правительство министра Чернова найдёт существенные недостатки в этом декрете, то широко оповестит...» и предложил не торопиться с телеграфным запросом. Земцы согласились¹⁴¹.

Прения по докладу земской комиссии об организации земельных комитетов в Самарской губернии на этом завершились. Дискуссия перешла в

¹³⁸ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 74 об.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

плоскость практической политики. Обе наметившиеся линии, земская и съездовская, продолжили свою протяженность в будущее. Они пересекутся вновь в заседании Организационного собрания губернского земельного комитета, которое открылось в Самаре 26 июня.

В первом демократическом Самарском губернском земском собрании депутаты губернского крестьянского Совета по всем пунктам компетенции земельных комитетов и, особенно, по вопросу об отношении земельных комитетов – новых правительственных государственных органов власти – к комитетам народной власти, потерпели неудачу, но не отступили. Борьба за изменение правительственной компетенции земельных комитетов, процесс организации которых в Самарской губернии вскоре получил ещё один мощный импульс, только разворачивалась. Демократизированное земство поддержало рациональную программу, разработанную демократическим Временным правительством.

Самарские Советы, объединённые в Совет советов – Комитет народной власти, углубляли революционную ситуацию в губернии, подводя её к черте гражданской войны. Центральная власть предпринимала отчаянные шаги, чтобы удержать ситуацию под контролем до Учредительного собрания. Однако с каждым днём делать это демократическими средствами становилось всё невозможнее. Самарская губернская власть, нередко с очевидным опережением, «левела» и скатывалась в охлократический хаос.

Наряду с печатавшимися в земской типографии протоколами Второго губернского крестьянского и Всесословного съездов с материалами о Временных правилах землепользования в Самарской губернии, Уставом Совета крестьянских депутатов губернии и резолюцией об организации уездных и волостных Советов крестьянских депутатов, решениями о губернском Комитете народной власти, земцы решили отпечатать брошюру с резолюцией о компетенции земельных комитетов и программу их деятельности¹⁴², чтобы

¹⁴² Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 74 об.

шире распространить среди крестьян губернии свой взгляд на задачи и компетенцию новых правительственных органов.

«Доклад по организации земельных комитетов в Самарской губернии» и текст постановления Временного правительства от 21 апреля «Об учреждении земельных комитетов»¹⁴³ был отпечатан в губернской земской типографии. Тираж был разослан в волостные Комитеты народной власти. Через две недели после завершения земской сессии предстояло организационное собрание Самарского губернского земельного комитета.

К этому собранию Совет крестьянских депутатов подготовился основательнее. Крестьянские депутаты понимали, что предстояло выдержать решающее сражение против правительственной и земской компетенции земельных комитетов. Деятельность комитетов в Самарской губернии они должны были направить в русло реализации «Временных правил землепользования», принятых майско-июньским губернским крестьянским съездом. Роль председателя оргсобрания по поручению Главного земельного комитета выполнил Г.И. Баскин¹⁴⁴. В собрании участвовали 35 человек. Из них 15 представляли уезды, 20 – различные губернские организации и учреждения. Съездовское большинство здесь проявилось в том, что избранники крестьян

¹⁴³ Доклад комиссии по организации земельных комитетов Самарской губернии земскому собранию на Чрезвычайной сессии 6 июня 1917 г. Самара, 1917; Временное правительство. Постановление об учреждении земельных комитетов. Самара, 1917.

¹⁴⁴ Необходимо заметить, что Баскин не был председателем Губернского земельного комитета. Неточность, допущенная в 1927 году И.И. Блюменталем, (См. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Т. 1. 1917 год (март-декабрь). Самара, 1927. С. 145;) была повторена Ф.Г. Поповым (См. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902 – 1917. Куйбышев, 1969. С. 485) и, к сожалению, продолжает повторяться в современных исследованиях. Например, в одной из диссертаций утверждается, что в 1917 году Г.И. Баскин занимал «заметный пост председателя Земельного комитета». (См. Белякова Н.С. Г.И. Баскин. Общественная и научная деятельность. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 6). Это утверждение не умаляет значения земской и политической деятельности Баскина в губернии, но неточное. 26-28 июня 1917 года Баскин исполнил обязанности председателя Организационного (или учредительного) собрания Самарского губернского земельного комитета. Должности председателя комитета не было. Работой комитета руководила земельная управа, управой – председатель. Первым председателем Самарской губернской земельной управы был избран земский агроном П.Г. Маслов (См. Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.) С 1 августа управу возглавил К.Г. Глядко, с 20 октября 1917г. – М.Н. Яковлев.

были представлены 7-ю представителями от уездов в губернском Совете крестьянских депутатов и 7-ю посланцами уездных Комитетов народной власти, стоявших у истоков формирования уездных Земельных комитетов. Закон Временного правительства не предусматривал представительство крестьянских совдепов, но самарские политики с этим обстоятельством не считались. Ещё 3 делегата представляли губернский исполком совета крестьянских депутатов непосредственно. Таким образом, из 35 участников, 18, то есть большинство, было на стороне самарского крестьянского совета¹⁴⁵.

Созданный здесь же Губернский земельный комитет их усилиями был поставлен на платформу Временных земельных правил, разработанных Вторым губернским крестьянским съездом. Об этом Баскин незамедлительно сообщил министру земледелия В.М. Чернову и министру внутренних дел Г.Е. Львову обстоятельной телеграммой¹⁴⁶. Текст телеграммы отражал и позицию Баскина, но выработывался комиссией, созданной собранием. Возражений по поводу изменения компетенции земельных комитетов со стороны губернских земских гласных В.И. Маценко, И.Е. Саломатина, А.В. Тейтеля, П.С. Лобанова, избранных членами земельного комитета¹⁴⁷, не последовало. Земцы работали в фарватере съездовского большинства, определившего политические позиции губернского земельного комитета.

Каким образом был подготовлен этот «переворот», откровенно рассказал делегатам Третьего губернского крестьянского съезда председатель губернского исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Г.М. Соколов. В докладе съезду он отметил, что «первые шаги деятельности Совета [в период июня-августа 1917 года] выразились в выделении из своего состава членов губернского исполнительного комитета народной власти в Комитет народной власти: 60 от крестьян, 15 от рабочих, 15 от солдат и 15 от города. *Решающее значение по всем вопросам управления губернией*

¹⁴⁵ См. Приложение, таблица 7.

¹⁴⁶ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁴⁷ Там же. Л. 43.

принадлежало нашему Совету (курсив наш. – Авт.). Поэтому же Совет крестьянских депутатов в Комитете народной власти имел своё представительство в лице председателя И.М. Брушвита и его товарища П.Д. Климушкина. В комиссары (губернии. – Авт.) Совет провёл своего члена, председателя 2-го крестьянского съезда, с.-р. уважаемого С.А. Волкова. Для отстаивания интересов крестьянства Совет провёл своих представителей в целый ряд съездов и в состав правительственных организаций, как-то: в губернский продовольственный комитет в числе 23-х, *в губернский земельный комитет – 10, губернскую земскую управу – 3* (курсив наш. – Авт.), в городской продовольственный комитет, в кожевенный комитет, в комитет по топливу, в транспортную комиссию, где представители крестьянства принимают деятельное участие»¹⁴⁸.

Далее Г.М. Соколов доложил крестьянским делегатам о взаимоотношениях крестьянского Совета и земельных комитетов в губернии. «Должное внимание Совет уделил организации губернского Земельного комитета, – отметил он. – На первый организационный съезд Совет делегировал 10 членов, где, при поддержке товарищей из уездов, от Совета прошли в состав земельной управы 3 представителя: Фролов, Таланов и Глядков. За последнее время (с 1 августа 1917 года. – Авт.) даже руководство земельными комитетами перешло в руки Совета в лице председателя комитета К.Г. Глядкова и, таким образом, всю ответственность за направление земельной политики взял на себя Совет»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Протоколы заседаний 3 [Самарского] губернского крестьянского съезда [20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского всесословного съезда [с 22 по 27 августа 1917 г.]. Самара, 1917. С. 7.

¹⁴⁹ Там же. С. 10. Считаю необходимым заметить, что первые попытки подчеркнуть первенствующую роль самарского Совета крестьянских депутатов в определении политики земельных комитетов в Самарской губернии встретили возражения историков, в частности, А.В. Седова. В работе «Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. (Саратовский университет, 1990) по поводу вывода Н.А. Курскова о том, что «общее руководство земельными комитетами в губернии перешло к Совету крестьянских депутатов», сформулированного в статье «Борьба крестьян Самарской губернии за расширение компетенции земельных комитетов летом 1917 года» (Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период капитализма. Казань, 1987.

Об этой позиции Самарского губернского земельного комитета ещё 28 июня 1917 года Г.И. Баскин сообщил министрам земледелия и внутренних дел Временного правительства телеграммой. Текст телеграммы был выработан редакционной комиссией, в которую были избраны А.Г. Сафонов (Бузулукская земская управа), П.Г. Маслов (земский агроном, Ставропольский уездный

С. 117.), он заметил – «вывод смелый, но спорный» (Седов А.В. Указ. соч. С. 27.). «Автор явно преувеличивает ... результаты деятельности земельных комитетов, когда утверждает, что в Самарской губернии ещё до Октября «все земли помещиков и сельской буржуазии стали достоянием трудящегося крестьянства», - отмечает историк. (Там же. С. 28.) Верно, выводы, подвергнутые сомнению А.В.Седовым, требовали более основательной аргументации. Полагая, что наблюдения не противоречат историческим фактам, мы дополняем их, и надеемся, что приводимые новые факты, в частности, цитируемые здесь фрагменты отчётного доклада Г.М. Соколова Третьему крестьянскому съезду, делают их убедительнее. Утверждения председателя исполнительного комитета губернского крестьянского совета Соколова не расходятся с нашими наблюдениями. Делегаты самарских крестьян и тогдашняя самарская политическая «элита» воспринимали тезисы Соколова как соответствующие реальному положению земельных дел в губернии и сомнений не высказывали. Что же касается замечаний А.В. Седова о преувеличении результатов деятельности земельных комитетов, заметим, что если оно было, то незначительное: комитеты действительно взяли и действительно распределили во временное пользование помещичьи и другие частновладельческие земли в губернии ещё до Октября. По «Инструкции земельным комитетам Самарской губернии», принятой Третьим крестьянским губернским съездом в августе 1917 года, в ведение земельных комитетов были переданы и крестьянские частновладельческие и общинные (надельные) пахотные земли, которые во многих волостях губернии были распределены во временное до Учредительного собрания пользование. Произошло это тоже до Октября. Представляется, что именно эти обстоятельства определили дальнейшую судьбу архивных документальных свидетельств об этих эпизодах борьбы самарских крестьян за «землю и волю» в «эпоху диктатуры пролетариата». Документы свидетельствовали об истории самарского крестьянства 1917 года явно не в стиле идеи «большевистского» подарка крестьянам земли по известному декрету. Поэтому, захватив власть, самарские большевики упрятали документы в спецхран. На долгие годы это стало труднопреодолимым ограничением для историков. Режим спецхрана не случайно был установлен именно для документов Самарского Комитета народной власти, Губернского комиссара Временного правительства и Комитета членов Учредительного собрания. Фонд Совета крестьянских депутатов, как нами уже отмечалось, в Самарском госархиве отсутствует вообще, будто никогда не существовало такого фондообразователя как губернский крестьянский Совет. Этим неблагоприятным путём из научного оборота были изъяты материалы, содержащие достоверную информацию о существенных аспектах истории самарской крестьянской демократии 1917-1918 годов. Отсутствие доступа к этому комплексу документов делало невозможной полноценную работу историков по восстановлению исторической реальности. Большевики карательными и запретительными мерами препятствовали тому, чтобы самарские крестьяне и их потомки убедились, что «успехами» в борьбе с помещичьим землевладением в 1917 году крестьяне обязаны не большевикам, а сами себе и самарским социалистам-революционерам. Впрочем, как и в том, что социалисты-революционеры никогда не были «врагами народа». Что и здесь дело обстояло с точностью до наоборот.

исполком Комитета народной власти), В.М. Фролов (губернский Совет крестьянских депутатов), Ф.В. Покровский (судья Окружного суда) и В.В. Тейс (агроном земской губуправы). Перед комиссией стояла непростая задача.

Накануне организационного собрания губернского Земельного комитета стало известно, что заместитель министра МВД С.М. Леонтьев телеграммным распоряжением отменил «Временные земельные правила», принятые крестьянским съездом. Ситуация, в которой оказались Самарский комитет ПСР и Совет крестьянских депутатов, а также второй исполком Комитета народной власти и избранный им губернский комиссар, резко усложнилась. Она требовала теперь не только революционной «страсти», но и мужества в отстаивании интересов крестьян. Самарский Совет крестьянских депутатов эти качества проявил. Не остался в стороне от этой борьбы и губернский Земельный комитет.

После обсуждения на организационном собрании губернского Земельного сообщений из уездов вопроса об отношении населения к «Временным земельным правилам», стало ясно, что назад путь отрезан. Практически во всех уездах «Правила» были реализованы. Так, по информации Л.И. Голодковского, председателя Самарского уездного Комитета народной власти и уездного комиссара, «...в Самарском уезде земля поделена ещё до постановления крестьянского съезда». В.М. Фролов, член Совета крестьянских депутатов, сообщил, что «постановление 2-го съезда крестьянских делегатов везде встречено сочувственно». Представитель Новоузенского земельного комитета Безруков (инициалы установить не удалось. – Авт.) заявил собранию, что Временные правила губернского Совета крестьянских депутатов о пользовании землей оказались для уезда запоздавшими, что «до издания их население, в большинстве случаев, приступая к распределению частновладельческих земель, оставляло за владельцем столько земли, сколько он намеревался обработать и особенных беспорядков не возникало». Он так же отметил, что «в круг ведения волостных земельных комитетов входят земли

надельные, частновладельческие, казенные, удельные, монастырские и церковные, находящиеся в пределах данной волости», и что это не вызывало «никаких волнений, кроме недовольства крупных землевладельцев и отрубников...». Представитель Бузулукского земельного комитета доложил, что 13-17 июня уездный комитет «всецело принял положения 2-го крестьянского Самарского губернского съезда», и что «... только таким путём, который наметило себе многочисленное крестьянство, можно прийти к благоприятному разрешению вопроса без крупных эксцессов, только таким путём можно сохранить спокойствие в населении до разрешения коренным образом земельного вопроса в Учредительном собрании». Представитель Ставропольского земельного комитета П.Г. Маслов заявил, что «распоряжения министров Шингарёва и Урусова, тов. министра внутренних дел Леонтьева делят население губернии как бы на две категории: большинство и меньшинство». Губернскому земельному комитету, по его мнению, «нужно взять определённый курс в своей деятельности». Подводя итоги дискуссии, председатель организационного собрания губернского Земельного комитета Г.И. Баскин резюмировал, что «общего сокращения посевной площади не произошло», а по поводу фактов раздела земель заметил, что «они временны» и что «этими разделами не решается земельный вопрос, а только регулируются земельные отношения»¹⁵⁰.

Правительству Баскин сообщил, что «Самарский Губернский земельный комитет, не имея возможности удерживать трудовое крестьянство губернии в его стремлении приближения к земле, считает необходимым немедленное издание декретом правительства временных правил пользования всеми угодьями земельного фонда. Трудовое крестьянство губернии в стремлении к уничтожению вековой несправедливости фактически на местах произвело распределение земельных угодий между нуждающимися. Земельный вопрос Самарской губернии был на рассмотрении двух губернских крестьянских

¹⁵⁰ Подробнее: Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1-3об.

съездов, которые ставили целью ввести крестьянское движение в более правильное, организованное русло. Постановление Второго крестьянского съезда по жалобам отдельных заинтересованных лиц товарищем Министра внутр. дел телеграммой за № 37411 на имя комиссаров – отменено. Отмена на местах создаст серьезные волнения большинства трудового крестьянства, ибо Уездные земельные комитеты, считаясь с настойчивыми требованиями жизни в земельном вопросе, должны были руководствоваться постановлениями Второго губернского крестьянского съезда. После того, как справедливые требования жизни приведены на местах в исполнение, Губернский земельный комитет ходатайствует, согласно пункта 1. ст. 3 Постановления о земельных комитетах, об утверждении постановлений Второго губернского крестьянского съезда, как уже вошедших в жизнь до Учредительного Собрания, и просит принять срочные меры к отмене телеграммы Товарища Министра внутренних дел за № 37411 и сделать срочно распоряжение об этой отмене на места»¹⁵¹.

Таким образом, губернский Земельный комитет вслед за уездными, встал на платформу крестьянских земельных правил. Но с аграрной политикой Временного правительства губернские «Правила» существенно расходились в двух аспектах. Как подчеркивал на Третьем крестьянском губернском съезде председатель губернской земельной управы К.Г. Глядко, «правительство не издало никакого нового закона о временном землепользовании и ссылается на старые законы; а они, силой революции, потеряли значение, или, во всяком случае, приостановлены. Страна осталась без закона и суда. [...] Законы о земельных комитетах с «Правилами» второго крестьянского съезда ... совершенно не согласованы. По закону земельные комитеты могут распределять только одни свободные, невспаханные владельцами земли, а по правилам Второго крестьянского съезда – все вообще земли ... поступают в распоряжение комитета»¹⁵².

¹⁵¹ Госархив Самарской обл. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁵² Протоколы заседаний 3 [Самарского] губернского крестьянского съезда... С. 94-95.

Говоря об итогах деятельности земельных комитетов в губернии в 1917 году, Глядков с сожалением констатировал, что земельными комитетами Самарской губернии в «первый период революции» (т.е. до октября 1917 года. – Авт.) было «исполнено чрезвычайно немного: с самых первых дней своего существования они были отвлечены неблагоприятной работой по рассмотрению разного рода конфликтов, распределению земельного фонда во временное пользование (т.е. реализацией решений Второго губернского крестьянского съезда. – Авт.) и спасению от разгрома культурных хозяйств»¹⁵³. «Застигнутые стихией революции, – отмечал Глядков, – комитеты не успели развить планомерно организованной работы, и, отвечая властным запросам текущего момента, не имели ни сил, ни времени, ни средств на исполнение своей главной и основной задачи – подготовки земельной реформы. По крайней мере, в Самарской губернии всё, что сделано в этом отношении, должно быть всецело отнесено на счет статистического отдела Губернского Земства»¹⁵⁴.

Таким образом, в Самарской губернии, типичной российской аграрно-промышленной территории, в начале 10-х годов XX века земельный вопрос ощущался весьма остро. Демократические намерения Временного правительства в земельном вопросе были восприняты здесь очень заинтересованно. Однако реакция общества на них была неоднозначной. Громадная часть населения губернии, прежде всего самарское крестьянство, организованное в марте 1917 года в Совет крестьянских депутатов, предприняло активные и самостоятельные шаги в русле этих намерений, подкреплённых постановлением Временного правительства 19 марта по земельному вопросу и 21 апреля «Об учреждении земельных комитетов». Однако вскоре выяснилось, что самарские крестьяне были готовы пойти значительно дальше и решительнее, чем предполагало правительство. Причём самарское крестьянство, социальные, экономические и политические намерения которого до созыва Учредительного собрания адекватно выразили

¹⁵³ Госархив Самарской области. Ф. 823. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 2.

губернские крестьянские съезды, предприняло попытку стать у руля властного управления губернией. Организованному съездами и Советом крестьянству удалось овладеть главным аппаратом власти в губернии – губернским исполнительным комитетом Комитета народной власти. Не порывая партнёрских отношений с самарскими Советами рабочих и солдатских депутатов, крестьянский Совет губернии с июня 1917 года пытался играть доминирующую политическую роль в выработке демократической политики Комитета и её осуществлении. Власть в губернии находилась в его руках вплоть до Октября.

Усилия Комитета народной власти были направлены на прокладывание пути к выборной демократической власти в губернии. Этот путь должен был завершиться (и, несмотря на Октябрьский переворот, завершился) всеобщими выборами земских самоуправлений в волостях, уездах и губернии и созывом Учредительного собрания.

Губернский исполком Комитета народной власти, влиятельный общегубернский политический орган управления, созданный съездовской демократией, содержался на средства губернского земства, как, впрочем, и исполком Совета крестьянских депутатов. После завершения в губернии процесса демократизации земств на основе всеобщих выборов, Комитет и Советы должны были уступить им своё временное место в структурах управления губернией. Основные законы этой демократии должно было выработать Учредительное собрание. Именно так виделась роль земских самоуправлений в общей политике Временного правительства. Причём, несмотря на четырехкратную смену составов правительства, эта линия оставалась неизменной.

Земельные комитеты были задуманы реформаторами из Временного правительства как средство подготовки и окончательного решения земельного вопроса в России. Наиболее адекватно замысел правительства о земельных комитетах в самарской провинции был воспринят новыми земцами. Но

отстоять свои демократические позиции им не удалось. Съездовское нетерпеливое крестьянское большинство противопоставило кропотливой работе по подготовке земельной реформы в Учредительном собрании свою временную сепаратистскую земельную политику. Обретя доминирующее положение в общегубернском органе власти – исполкоме Комитета народной власти – Совет крестьянских депутатов обеспечил перевес своей политической линии в земельном вопросе в губернии. Это отразилось и на политических позициях созданного 26 июня 1917 года Самарского губернского земельного комитета. Политика земельных комитетов в губернии, так же, как и Комитетов народной власти, определялась и контролировалась Советом крестьянских депутатов. Эту политика поддержали самарские крайние левые – большевики, или ленинцы, как тогда их называли в Самаре. Критикуя склонность Совета крестьян и Комитета народной власти к «соглашательству» с Временным правительством, они, тем не менее, поддержали Совет крестьянских депутатов и как партия, и как политическая сила, доминировавшая в Самарском Совете рабочих и солдатских депутатов. Самостоятельную политическую линию в земельном вопросе самарские большевики не проявляли. Более того, не имели практической возможности проявлять. Их влияние на самарское крестьянство в тот период было незначительным и, как политический фактор, почти несущественным. Политических организаций в самарской деревне летом и осенью они ещё не имели.

Самарские политики «справа», прежде всего конституционные демократы, как и «левые» (большевики), самостоятельной роли в определении политики земельных комитетов в губернии, не играли. Их влияние на крестьян было ещё менее заметным, чем влияние ленинцев.

Определяющим авторитетом в марте – декабре 1917 года в самарской деревне пользовались социалисты-революционеры. Они стояли у истоков выработки крестьянскими съездами региональной земельной политики. Им крестьяне доверили исполнение властных полномочий в губернском исполкоме

Комитета народной власти второго (июнь-август) и третьего (декабрь) составов. Их кандидатов крестьяне избрали депутатами губернии в Учредительное собрание. Во многих волостных центрах губернии у них были не только общественные, но и партийные организации. Однако закрепить своё политическое влияние и обеспечить проведение демократической линии по основным вопросам революции – о власти, по аграрному, рабочему, о войне и мире – в Самарской губернии в 1917 году социалисты-революционеры не сумели. Помимо прочего, для этого требовалось пренебрежение провозглашёнными в первые дни Февральской революции демократическими принципами. В 1917 году на это они не решились. В этом преуспели их мнимые союзники – самарские большевики-ленинцы.

Вместе с тем, основной своей задачей – подготовкой материалов для земельной реформы в Учредительном собрании – созданные в губернии летом 1917 года земельные комитеты фактически пренебрегли. Конкретную работу по выяснению ситуации с землевладением и землепользованием в постфевральский период выполнил статистический отдел самарского губернского земства (Г.И. Баскин).

Самарские Земельные комитеты ограничились распределением земельных угодий в пользование самарских крестьян по губернским «Временным правилам». На практике это привело к ликвидации прав всех земельных собственников на распоряжение землей. Другим руслом активности земельных комитетов было составление политических деклараций (наказов), требовавших от депутатов Учредительного собрания принятия законов, отменявших частную собственность на землю, изъятия земель сельскохозяйственного назначения из товарного оборота и бесплатной передачи тем, кто обрабатывает её собственным трудом...

Казавшиеся демократическими, эти требования представляли собой забвение действительно демократических принципов. В судьбах самарского крестьянского социума это сыграло роковую роль. Требования, на реализации

которых настаивало большинство самарских крестьян, привели, в конечном счёте, к свёртыванию зачатков демократии, к утрате возможностей влиять на политическую власть в губернии и в стране, к установлению большевистской диктатуры, к уничтожению выпестованной полувековой земской работой и столыпинскими преобразованиями демократической части самарского крестьянства.

Очевидным это стало не сразу. Утраты стали ощутимее в губернии лишь с октября 1918 года, после поражения Народной армии Комитета членов Учредительного собрания.

В 1919-1922 годах самарские крестьяне не раз стихийно поднимались на вооружённую борьбу против диктаторской власти большевиков в Советах, против антикрестьянской политики большевистского государства. Но – поздно. История безжалостно и на долгие годы захлопнула «ловушку».

Из биографии самаровского крестьянина Прокопия Климущкина

Осмысление истории революций 1917 года и гражданской войны, а также причин крушения демократических и земских идей, велось не только в России, но и за рубежом, в эмиграции. Среди эмигрантов были и самарские социалисты-революционеры, печатные работы которых – публицистика, мемуары, исследовательские статьи – до сих пор остаются труднодоступными.

Автор публикуемых статей самарский революционный демократ Прокопий Диомидович Климущкин был одним из немногих самарских политиков, кто в 1917 – 1918 годах пользовался реальным авторитетом среди крестьян Самарской губернии. Его политическая судьба сложилась так, что после поражения Народной армии Комитета членов Учредительного собрания, он оказался в Пражской эмиграции.

Родился П. Климущкин в 1888 году в семье безземельного крестьянина в селе Самаровка Николаевского уезда Самарской губернии. С ранних лет помогал отцу в полевых работах. Был пастухом, погонщиком скота. Смышлёному крестьянскому парню удалось получить образование. В 17 лет он стал сельским учителем. В 1905 вступил в ПСР (партия социалистов-революционеров), включился в пропаганду демократических идей среди местных крестьян. И настолько был захвачен новой сферой деятельности, что забросил даже учительство. В 1907 году переехал в Санкт-Петербург, надеясь продолжить образование, но снова увлёкся партийной работой. Стал членом «летучей дружины» эсеров, перешёл на нелегальное положение, был арестован. Царский суд приговорил его к 12 годам каторги.

Срок отбывал в Зерентуе, в эпицентре Нерчинской каторги на границе с Монголией. На свободу вышел 10 лет спустя, когда министр юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский объявил политическим

заклѹченнѹм амнистѹю. Произошло это 4 марта 1917 года, в первые дни Февральской революции.

В конце марта – начале апреля 1917 года Климушкин возвратился на родные волжские берега, в весеннюю, залитую солнечным светом Самару. Начинался новый этап в жизни русского государства. Новый этап наступил и в жизни самаровского крестьянина.

В Самаре он стал видным демократическим политиком, лидером самарской крестьянской революции, а позже, в 1918 году – членом Всероссийского правительства Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), управляющим ведомством внутренних дел, фактически, министром.

В Самаре он довольно легко нашѹл работу. Исполком Совета крестьянских депутатов принял его в свой, тогда только складывавшийся аппарат, а в 20-х числах апреля он был кооптирован в Самарский Комитет народной власти. Революционная власть остро нуждалась в толковых кадрах.

П.Д. Климушкин стал одним из организаторов и руководителей Второго губернского крестьянского съезда, автором и редактором знаменитых самарских крестьянских Правил землепользования до Учредительного собрания. 14 июня 1917 года он был избран заместителем председателя второго состава Самарского губернского исполкома Комитета народной власти и стал вторым лицом в главном органе губернской демократической революции – Комитете народной власти. Комитет был создан губернским Всесословным съездом (28 мая - 6 июня). Председателем исполнительного комитета Комитета народной власти был избран его соратник по жизни и судьбе, депутат Самарского Совета военных депутатов (Самарский гарнизон), член ПСР, сын латышского крестьянина, прапорщик И.М. Брушвит.

В ноябре 1917 года П.Д. Климушкин был избран членом Учредительного собрания от Самарской губернии.

После разгона Учредительного собрания ленинцами (Петроград, 6 января 1918 года), он возвратился в Самару. Оставаясь принципиальным сторонником

демократии, Климушкин организовывал сопротивление антидемократическому «большевистскому комиссародержавию», насильственному роспуску демократических земств и городских дум в губернии, установлению власти большевистских Советов.

В период, который в исторической публицистике и литературе именуется «комучевским» (начало июня – начало октября 1918 г.), он стал идеологом и одним из организаторов антибольшевистского переворота в Самаре. К участию в вооружённом устранении власти большевиков-ленинцев в Самаре социалистам-революционерам Брушвиту и Климушкину удалось склонить легионеров и славянских патриотов из Чехословацкого корпуса.

Возглавив Ведомство внутренних дел в правительстве Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), П.Д. Климушкин участвовал в создании Народной армии, возрождал демократические советы, земские самоуправления и земельные комитеты на территориях, подвластных Комитету – в Самарской, Симбирской, Казанской, Уфимской, Оренбургской губерниях, в ряде уездов Саратовской, Пермской и Вятской губерний, словом, восстанавливал порушенную большевистским переворотом крестьянскую демократию.

П.Д. Климушкин известен историкам как талантливый публицист и исследователь аграрного вопроса, автор мемуаров и редактор сборников статей по истории аграрного движения, а также революций и гражданской войны на Средней Волге, сторонник борьбы за идеалы демократии.

Самарская журналистка З.М. Славянова-Смирнова писала о нём: «Это человек, рождённый быть демократическим министром; чуть-чуть демагог. Понятно, почему крестьянство Самарской губернии видело в нём делового Моисея, в пустынях аграрного хаоса не побоявшегося вести мужиков к социализации земли среди филистимлян XX века, – он из тех, кто творит новую жизнь...».

С 1919 года П. Климушкин жил в Праге. Здесь обосновался и Брушвит. Оба самарских демократа участвовали в работе общественных и политических организаций эмигрантов, в Земгоре и пражском Комитете ПСР.

После оккупации Чехословакии гитлеровской Германией (1938 г.) ниточка судьбы самарского революционного демократа-эмигранта П.Д. Климушкина почти обрывается, превращается в пунктир. Информации о нём и его деятельности во время Второй мировой войны, а также в период после освобождения Праги от германо-фашистской оккупации, обнаружить не удаётся.

Републикуемые ниже статьи написаны П.Д. Климушкиным в Самаре весной 1918 года для первого тома самарского сборника статей «Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии». Сборник давно стал библиографической редкостью. Содержащаяся в нём уникальная по правдивости и живости изложения историческая информация, попрежнему, актуальна. Особенно это касается статей, подготовленных П. Климушкиным как автором.

Под редакцией П.Д. Климушкина в Самаре был подготовлен и второй том этого сборника. В июне 1918 года редакция объявила подписчикам, что он выйдет из печати 1 сентября. Среди авторов тома были Л.Н. Андреев, А.М. Горький, Л. Зелов. Большинство авторов, как и в томе первом, были деятелями местной революции. Было опубликовано оглавление статей, из которого следует, что во второй том должны были войти записки губернского комиссара С.А. Волкова, статьи об истории советов (крестьянский совет обозначен в списке номером первым, и лишь затем – совет рабочих и военных), а также материалы о земстве и революции, о волостной земской реформе в губернии, истории городского самоуправления (выборы, новые и старые гласные, работа, проекты), об истории самарской прессы и выборов в Учредительное собрание, политических партий и Трубочного завода, об участии в революции учителей и чиновничества, об Октябрьском перевороте и

власти советов (комиссариатах, декретах, их деятельности), о революции в деревне, обыденной городской жизни («картинки»), материалы о кредитных учреждениях, а также стихи, рассказы, очерки многих других авторов – самарских и столичных. Но в указанный срок том не вышел. Положение Комуча в сентябре резко осложнилось, а в начале октября 1918 года Комитет членов Учредительного собрания потерпел поражение. Самара была вновь захвачена Красной Армией и большевиками.

Коммунистические идеологи и историки в последующем сделали едва ли не всё для того, чтобы заглушить память волжан о демократическом периоде революционной эпохи 1917 – 1918 годов, а в пропагандистских целях – всё для дискредитации крестьянских демократов. Большевистская власть немедленно предприняла в этом направлении эффективные меры. Были изданы и навязчиво пропагандировались книги и брошюры, искажавшие сущность демократических замыслов и деятельности Комуча. Заодно подверглись дискредитации демократические органы власти, исторически предшествовавшие Комучу – земства и думы, Комитеты народной власти и демократические многопартийные советы. Комуч в этих изданиях именовался уничижительно – «учредилка», «комучредилка», «комучевцы» и т.п. Наиболее ранние из подобного типа изданий появились уже в 1919 году. Например, большевистские антикомучевские мемуары «Четыре месяца учредиловщины». (Самара, 1919). Среди потока большевистской партийно-лубочной «литературы» книга И.М. Майского «Демократическая контрреволюция», о содержании которой был обстоятельно осведомлён в своём эмигрантском далеке П.Д. Климускин, является «образцом» сдержанной исторической прозы.

В среде историков существуют и до сих пор слухи, что тираж второго тома был арестован в Самарской земской типографии, что набор был рассыпан, но несколько отпечатанных экземпляров были вывезены в Москву; что среди материалов спецхрана в центральных архивохранилищах след тома ещё может

быть удастся отыскать. Попытки до сих пор безрезультатны, но надежда, что труд самарских демократов не утрачен, ещё теплится.

Впервые публикуемая на родине в бывшей Самарской губернии статья «Борьба за демократию на Волге» написана П.Д. Климускиным в конце 20-х годов в Праге. Опубликована в сборнике статей «Гражданская война на Волге» в 1930 году (Прага)¹⁵⁵. Проблема, которой она посвящена, не утратила актуальности и к началу XXI века. Для авторского повествования характерны достоверность, чёткость в постановке проблем истории демократической государственной и общественной жизни на Волге в 1918 году, нередко – предельная откровенность в изображении исторических ситуаций, в которых автору довелось участвовать.

До настоящего времени эта, впрочем, как и другие работы П.Д. Климускина, остаются для волжан труднодоступными. Ни самарские, ни симбирские (ульяновские), ни казанские, ни йошкар-олинские библиотеки этих материалов не имеют. Между тем в первую очередь именно для земляков они и были созданы. Надеемся, их републикация будет с интересом воспринята не только историками, но и читательской аудиторией.

После освобождения Праги советскими войсками (май, 1945) П.Д. Климускин был арестован, перемещён в Советский Союз и во второй раз на родине оказался в заключении. На свободу вышел только во второй половине 1950-х, в годы хрущёвской «оттепели» (амнистии). Возвратился в Чехословакию.

Земной путь П.Д. Климускина завершился в 1968 году. Он похоронен в Праге¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Авторы благодарят слависта, доцента В.В. Кутявина (Самара) и его аспирантку О.В. Терёхину за содействие в получении текста статьи из фондов *Slovanská knihovna pri NK SR* (Прага).

¹⁵⁶ Авторы благодарны профессору Л.Г. Протасову (Тамбов), сообщившему уточнённую информацию о годах жизни самарского демократа П.Д. Климускина.

Литература и источники

1. Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. Самара, 1917.
2. Протоколы заседаний 3-го Самарского губернского крестьянского съезда [с 20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского Всесословного съезда [с 22 по 26 августа 1917 г.]. Самара, 1917.
3. Госархив Самарской обл. Ф. 813. Оп. 1. Д. 8. Л. 39.
4. Климушкин П.Д. История К[омитета] н[ародной] в[ласти] второго периода // Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д.Климушкина, З.М.Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918. С. 49-73.
5. Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии // Там же. Раздел 2. С. 3-56.
6. Словарь активных участников, партийных и общественных деятелей революции 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии // Там же. С. 152-160.
7. Климушкин П.Д. Чехословацкое выступление // Волжское движение и образование Директории. Т.1. Прага, 1928.
8. Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Вып. I. Прага, 1930. С. 38-102 и др.
9. См., например: Савицкий И. Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919-1939 // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами... Сб. докладов. В 2-х частях. Ч. 2. Прага, 1995. С. 46-53.
10. Серапионова Е.П. Пражский Земгор и его деятельность // Там же. Ч. 2. С. 597-605.
11. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 451.

П. Климущкин. Из Зерентуя до Самары (К амнистии 1917 года)

I. Как нас освобождали

Это происходило в одном из далёких заброшенных уголков, — в Горном Зерентуе.

Зерентуй — это каторжная тюрьма, расположенная «на самом краю света» в 10 верстах от Монгольской границы в глухом, пустынном месте. Чтобы попасть в этот край из центра России нужно проехать 6 — 7 тысяч вёрст по железной дороге и вёрст триста на лошадях, которые нашим братьям арестантам приходилось пешком отмахивать десятки тысяч раз.

Название этого края, несмотря на его отдалённость, знакомо русскому человеку. В нём за этот десятилетний удушливый период произошло столько крупных событий и столько лет он был ареной борьбы и страданий для русской революционной молодёжи, что не знать о нём очень трудно, пожалуй, даже невозможно.

Зерентуй это Голгофа русского народа, где десятки лет распинались тысячи молодых жизней, в крестной муке гасли лучшие стремления человеческого духа и благороднейшие надежды самых честных граждан.

Это — могила русской свободы.

Добавлю кстати, что описываемые мною ниже события теперь мне и самому кажутся каким-то ярким мимолетным сном, красивой очаровательной сказкой, мелькнувшей лишь раз в жизни и осветившей на миг своим прекрасным блеском нашу темную жизнь и навеки погасшей.

Трудно говорить о таких сказках.

Однако попытаюсь...

Накануне великих событий у нас в тюрьме было тихо. Потому ли, что в России на самом деле было всюду и везде спокойно, тишь и гладь, да Божья

благодать, или может быть потому, что полученные нами газеты «Русский Инвалид», «Правительственный Вестник» умалчивали о происходящих выступлениях, но у нас создалось такое убеждение, что в России все обстоит благополучно. Перед нашими глазами расстилалась громадная необъятная русская ширь, над которой грозная жандармская опека простерла свою холодную руку и начертала скромное, но полное смысла слово: «спокой».

О революции, о свободе — страшно было подумать. Такой безумной мысли и в голову не приходило никому из нас. Все получаемые нами сведения, как из газет, так и от родственников из писем, говорили о том, что эта мысль и там считалась невероятной, и всякий кто попытался говорить о ней, считался бы просто фантазёром...

Если и произойдёт что, думали мы, то не ранее как после окончания войны. Но и эта мысль бралась под большое сомнение.

Жизнь изо дня в день шла обычным порядком. Режим суровый и зверский до войны, теперь значительно стал мягче и человечнее.

Большинство товарищей устроилось в тюремных мастерских в конторе, и, работая, думали о том, как бы поскорее выйти на поселение или в вольную команду. Эта мысль занимала все наше внимание. Словом, на нашем горизонте было по своему ясно, спокойно.

И... вдруг... грянул гром.

Помню ясно, отчетливо. 3 марта, как и всегда, проснувшись рано утром и напившись чаю, я отправился на уроки. (Нужно заметить, я в это время находился в вольной команде и, за неимением вольных учителей, давал уроки детям местной администрации и интеллигенции).

Остальные товарищи, находящиеся в вольной команде и в тюрьме, принялись за свои обычные работы.

Все были на своих местах.

Часов в 12 дня, как раз во время тюремного обеда, в конторе на имя одного из товарищей получают такую телеграмму: «Привет всем товарищам. Поздравляю всех с свободой. Жду всех к себе».

Эта телеграмма была от товарища, отбывшего каторгу и вышедшего на поселение, и теперь проживающего в Чите в качестве техника в одном из каких-то правительственных учреждений – человека солидного, осторожного.

Начальник прочитал телеграмму, нашёл её подозрительной. И, вызвав товарища, он нервно и укоризненно говорил ему: «Что это значит? Побег что ли вы задумали устроить? Или у меня вам плохо сидится? Да я узнаю, от меня никто не убежит. Объясните — в чём дело?...

Товарищ не нашёл, что ему ответить. Прочитав ещё раз телеграмму, он побледнел, зашатался, и не мог выговорить ни одного слова. На помощь ему пришёл сам начальник. Немедленно же была дана в Читю телеграмма с просьбой разъяснить значение первой.

Ответа ждали с лихорадочным нетерпением. Весть о телеграмме облетала всю тюрьму с быстротою молнии. Тюрьма зашевелилась. Работа была тотчас же заброшена. У всех было полное недоумение. «Что это значит? Уж не амнистия ли? да нет, не может быть, невероятно! Может быть пьян был? Но нет, не таков человек! — тоже не может этого быть! В чём же дело?»

Так вихрем проносились одна мысль безумнее другой. Равновесие было потеряно. В голове вдруг что-то треснуло, помутилось; нить обычных мыслей, всегда вялых и апатичных, оборвалась, и какими-то обрывками закружилась в голове безумным вихрем. Мы вдруг почувствовали и непоколебимо поверили, что от сего часа в нашей жизни произошло что-то крупное, великое. На нашем горизонте, всегда спокойном и чистом, засветилась новая яркая заря, заря еще неведомой и не вполне осознанной нами жизни. Мысли, рассудок не хотели этому верить, но сердце, чувства настойчиво и властно трубили об этом.

А... вдруг это шутка... — выползала откуда-то неожиданно такая дерзкая и коварная мысль. И всего обдавало холодом, как будто мороз пробежал по

всему телу, сердце сжималось, силы падали и радость потухала. «Когда же конец», думали мы и волновались.

Наконец часов в 6 вечера получаем ответ. Он гласил: «В Петрограде произошли крупные события. Образовано новое Правительство. Министр иностранных дел — Милюков, юстиции — Керенский. Ожидается общая амнистия».

Керенский... Милюков... Амнистия... Что такое!?

Но этого было достаточно. Имя Керенского сказало нам многое. Мы ясно поняли, что в Петрограде действительно произошло что-то крупное, грандиозное. Заря новой свободы блеснула вдруг так ярко, так отчетливо, что свет её ослепил вдруг наши мысли. Бросив работу, бросив все занятия, мы предались безумной буйной радости. Заходило все вокруг, застонало, затряслось.

Оставив занятия, вместе с другим тов[арищем], работающим в конторе, я побежал в деревню поделиться этой новостью с нашим другом Стёпой, который в это время должен был встречать на квартире священника свою мать, приехавшую к нему после семилетней разлуки на свидание.

Бежали мы как дети, прыгая, смеясь и толкая друг друга; бежали с быстротою поезда, удивляя встречавшихся с нами «гуранов».

Пьяные от счастья, задыхаясь от бега, мы врываемся в дом священника, не раздеваясь, не снимая галош, каковые увы, да простит нам читатель эту «буржуазность», были на наших ногах, не поздоровавшись ни с кем, перебивая друг друга, кричим, машем руками и задыхаемся от радости. «Ура! свобода! амнистия! — сквозь слезы кричим мы с товарищем. — В Петрограде события, Конституция... Милюков!.. Керенский... Новое правительство...».

Дальше получалось что-то непопятное, не членораздельное, мы волнуемся, кричим, перебиваем друг друга, не то хохочем, не то плачем, и несём, должно быть такую не разбериху, что все присутствующие, отступив от

нас, с испугом смотрят в глаза нам, не то как на пьяных, не то как на сумасшедших.

— А ну... Вас... к шуту, — перебивает нас Степа, отталкивая от себя — дайте мне хоть с матерью-то поцеловаться!!!...

Только теперь мы вспомнили, что ведь к нему приехала мать, которая стоит уже несколько минут вся в слезах, ожидая минуты, когда она может наконец-то обнять своего любимого сына и прижать его к своей груди после стольких лет разлуки.

— Стёпа! Это правда, что они говорят? — тихо спрашивает мать, прижимая его к груди и робко сквозь слезы, глядит ему в глаза.

— А ну их.. — отмахивается Стёпа, еще по-видимому не веря нашему сообщению, и считая все это за шутку. — Да расскажите же все толком, не болтайте зря языком.

Мы вошли в комнату, уселись, и снова, перебивая друг друга, вскакивая каждую минуту, не в силах сдержать бушевавшей в нас радости — рассказали всю историю подробно в лицах и картинах. Нас слушали с затаенным дыханием.

— Благодарю тебя Создатель!!! — вдруг сквозь слёзы сказала мать Стёпы и, шатаясь, подошла к иконе, упала на пол и разрыдалась.

— Мама, что ж ты, — бросился к ней Стёпа, — вместе домой поедem. Вот и все!

Мы распрощались и побежали в другое место.

Вечером мы справляли праздник свободы, как мы его назвали. В нём приняли участие не только наши товарищи бывшие каторжане, вышедшие теперь на поселение, но и местные почтовые чиновники и тюремные надзиратели. Грани были стерты, все чувствовали себя как братья.

Часов в 12 ночи, в самый разгар нашей пирушки, к нам вдруг врывается один из конторских писарей и растерянно, бешеным голосом заявляет:

— Братцы! Сейчас начальник получил какую-то телеграмму и немедленно же всех писарей требует в контору... Ой, братцы, что это такое — рассказывал он — прочитал начальник телеграмму, схватился за голову, застонал даже... Ходит теперь по конторе и всё приговаривает:

«Что-то будет, что-то будет!!!..».

Мы бросились все в контору.

Содержание этой телеграммы, однако, осталось для нас неизвестным, несмотря на то, что были пущены в ход имеющиеся в нашем распоряжении средства. Оно держалось в строгой тайне.

На следующий день жизнь пошла обычным порядком, те же свистки, окрики, поверки, наряды и т. д. и т. д., которые теперь, казались нам ещё ненавистнее, ещё противнее.

Встав по обыкновенно рано утром и прозанимавшись в двух-трех местах, я отправился на уроки к полковнику Евтину, заведующему Нерчинской каторгой.

— А-а, здравствуйте, г-н К-н, — очень любезно встретил меня полковник, — поздравляю Вас с амнистией!..

Как не был я подготовлен к этому сообщению, но его поздравление так ударило меня в сердце, что я вне себя от радости и нетерпения крикнул во весь голос.

— Что! Амнистия!! Что ж Вы молчите!?

Тс-сс, — остановил меня полковник, и таинственно продолжал. — Видите в чём дело... Мы получили еще в 12 ч[асов] ночи такую телеграмму «Немедленно же под личной строгой ответственностью освободить всех политических, судившихся по 102, 126 ст. ст.». Но как, почему — ничего неизвестно. Телеграмма за подписью прокурора, и в ней сказано — по распоряжению Керенского, а не Его Импер[аторского] Величества. А кто такой Керенский, нам ещё до сих пор ничего не сообщали. Даже номер на телеграмме

не поставили — так все там растерялись. Сами посудите — как я могу выпустить по такой телеграмме. Запросил Читю, ждём вот ответа».

Полковник ещё что-то долго объяснял мне, но я его уже не слушал — одно только слово амнистия впилося в мою голову и заполнило все мои думы. Как пьяный, не понимая всего происходящего, но с виду спокойный, я поднялся на верх и начал заниматься.

Вначале всё шло сравнительно нормально, я спрашивал, ученицы отвечали. Но минут через десять — пятнадцать так случилось, что книга сама по себе вывалилась из моих рук, глаза устремились куда-то в пространство и я!.. позабывал спрашивать, я думал и... всё думал. Дети это сейчас же заметили и перед самым моим носом стали выделывать какие-то шутки... Я простился и вышел, и... объявил всем своим ученикам и ученицам полную амнистию.

В тюрьме и конторе всё кипело.

Весть об амнистии уже облетела все камеры.

Тюрьма волновалась, и это волнение начинало уже переходить в нетерпеливое требование. Администрация не знала, что ей делать. На телеграммы, которые чуть ли не каждый час подавали по начальству, ответа не было. Наконец, уже совершенно случайно, была перехвачена телеграмма, шедшая в уездный город уездному начальнику, в которой говорилось о всех Петроградских событиях и о низвержении Николая.

— Ну теперь я все понял, — сказал начальник тюрьмы с грустью, — идём освобождать.

И мы пошли освобождать, он понутив голову, а мы... мы... еле сдерживаясь, что бы не прыгнуть в небо.

Мы пошли освобождать!

Как много мечтали мы об этом сказочном для нас моменте и вот он, наконец, настал! Сколько смысла и красоты для нашего сердца зазвучало в этом слове. Ни на одном языке нет такого прелестного и сильного слова, как это наше, милое чудесное «осво – бож – дать».

Осво – бож – дать!

Эти три сухих слога загорелись вдруг каким-то огненным пламенем и осветили наши думы, сердце, душу новым светом жизни и счастья.

В этих трёх жутких, холодных слогах заиграла вдруг новая чудная музыка, еще неведомая до сих пор для нашего слуха и переполнила наше сердце чудными, родными песнями, полными значения.

Осво – бож – дать!

Кто поймёт это слово! Поймёте ли вы, читатель?

Возле ворот собралась уже толпа. Ждём... сердце бьётся... Как долго тянется время! И что они там так долго не выпускают. О, Боже, как долго тянется время!

— Идут, идут!!

Я побежал к воротам и... сразу же падаю в десяток объятий.

— Крик... радость... поцелуи...

— Но... Но что же вы плачете!? Зачем слезы?! Говорю я друзьям, видя на глазах у них всех слёзы и вижу, что это не слезы радости.

Все, как по команде, глаза опустили вниз, и слёзы западали на пол. «Эх, тюрьма! Вот что сделала ты из этих богатырей свободы», — подумал я, начиная и сам всхлипывать.

— Как же... они... там остались — проговорил сквозь рыдания тов[арищ] Евсей. — А мы... мы здесь. Они не плачут. Но если бы ты видел, как они нас провожали, как глядели, как глядели! Лучше бы я там остался... Я знаю они теперь там убиты...

Я понял, о ком он говорит. Не было с нами лучших наших друзей, не выпущенных сейчас только потому, что они, хотя и политические, но судились не по 102 ст., а по другим статьям, амнистия на которые ещё не распространялась. Я не видел в своей среде тех людей, с которыми я провёл долгие, долгие годы борьбы и каторжной жизни, деля вместе с ними и

страдания, и радости, и муки; тех людей, которые за эти годы стали мне дороже отца и матери.

Радость потухла. Первые сладкие минуты счастья, первые лучшие грёзы и мечты о свободе отравлены. Мы грустно, с поникшими головами, побрели на свободу, «на свободу»!

Вечером мы сидели на «свободной» квартире и писали телеграмму Керенскому...

Ответа не получили.

Следующие сутки мы провели очень тревожно. Сообщения были самые разноречивые... То нам телеграфировали, что Николай отрёкся от престола и образовано Временное Правительство, то войска присягнули Михаилу и Николай Николаевич назначен главнокомандующим, то войска движутся на Петроград, то в войсках спокойно.

Все это получалось нами в клочках, бессвязно и случайно. Из всего из этого мы поняли одно, что в Петрограде, что-то происходит, и что нам нужно поскорее «удирать» отсюда.

Так мы и сделали.

На следующий день мы уезжали. День был ясный, теплый. Снег уже начинал таять. Народу собралось проводить нас очень много. Администрация настолько была любезна, что всех остающихся наших товарищей выпустили проводить нас.

Проводы, как и следовало ожидать, оказались очень тяжёлыми. Никому не хотелось ничего ни говорить, ни делать. Все старались забиться куда-нибудь в угол и остаться наедине с собою или же с близким своим другом. Настроение было гнетущее, чувствовалось, что у всех в груди нарастает что-то тяжелое, давящее, тоскливо сжимающее сердце. Ждали последней минуты с боязнью. Наконец, эта минута настала.

— Ну прощай, Клим! — сказал мне мой друг Борис, подходя ко мне. — Может навеки... не забудь! голос его дрогнул. Он пошатнулся, отошёл в сторону и зарыдал.

— Прощай, — сквозь стон говорил другой, — не забывайте нас... может не увидимся...

Слезы и этому не дали договорить. Отходя от меня, он также зарыдал как ребёнок.

За ним, один по одному, начали всхлипывать и другие... Сначала тихо, сдержанно, но потом всё громче и громче, и, наконец, через минуту — все плакали как дети, обливая друг друга слезами.

— Эх, будь же проклята такая свобода, — вырвалось у одного из товарищей.

И это никому не показалось тогда святотатством.

Дальше помню одни только глаза, большие измученные глаза, смотрящие с надеждой и скорбью на меня. Потом слёзы, стоны и рыдания...

Чтобы окончить, эту мучительную сцену, мы поскорее двинулись в путь.

Как будто на прощание нам, тюремный колокол ударил к обеду. Грустно и больно отозвался этот звон в нашем сердце. Мы обернулись назад, скинули шапки, и навеки раскланялись с тем местом, в котором оставлено нами столько силы, молодости и лучшей жизни. Мы постояли несколько минут, махнули шапками, и поехали дальше...

Тюрьма скрылась.

Прощай, прошлое! Прощайте бессонные ночи, полные страстной тоски и муки о свободе, о счастье, о жизни.

Прощайте проклятые стены, свидетели нашей борьбы и дикой расправы. Прощай, могила нашей молодости!

Никогда не забуду еще одной картины.

Один из товарищей, также остающихся пока на каторге, долго не поддавался общему настроению. Он всё крепился, шутил, смеялся, проводил

нас далеко за горы, но в конце концов не выдержал. Простившись с нами и оставшись наедине, он опустился среди дороги на землю, согнулся и заплакал. Мы видели, как тряслись от рыданий его плечи и всё тело. Эта фигура, сидящая среди дороги и оплакивающая свои разбитые надежды, никогда не изгладится из моей памяти.

II. Как нас встречали

Тройка мчится. Мелькают горы, леса. Сердце бьётся всё вольней и свободней. Каждый час нас уносит всё дальше и дальше от того мрачного прошлого, которое осталось позади нас... Впереди... Впереди огни, простор... свобода!.. Эх, как дышется легко и свободно, какая ширь! Эй, ямщик, скорей вперёд!

Вперёд, навстречу тому неизвестному прекрасному новому, какое ждёт нас на пороге нашей новой жизни. Вперёд... что там?! может быть борьба, новые муки, новые неиспытанные нами грозные страсти, новые бессонные ночи, — но всё ж... как светло впереди, как ярко светит солнце, как вольно и радостно бьётся сердце, — но всё ж... вперёд, вперёд ямщик!

Триста верст мы промчались в два с небольшим дня.

В Сретенске нас встретили необычайно тепло и радушно. Приготовили нам лучшую гостиницу, закупили белья, одежды, насобирали денег и т. д. и т. д. Все были так внимательны, сердечны и милы, что эта, небывалая для нас сердечность, трогала нас до слёз.

Приехали мы туда дня за два до Праздника Революции. Жители города искренно обрадованные нашим приездом, упростили нас этот праздник провести вместе с ними. Остаться для нас было мучительно, но, не желая обижать их за их теплое и радушное отношение к нам, мы согласились.

10 марта, в день празднования, город зашевелился с раннего утра. На площади близ собора, почти в центре города, была построена особая площадка для духовенства и почетных гостей.

Часам к 11 начали стекаться горожане. Здесь были и солдаты, и рабочие, и крестьяне, и мещане, и интеллигенты, и «буржуи». Все пришли на этот великий праздник свободы. Все собрались сюда праздновать первый свой праздник освобождения.

Всего собралось до десяти тысяч.

Настроение было необычайно торжественное и приподнятое. Все были одушевлены одной великой радостью. У всех десяти тысяч была одна могучая душа, и эта душа так крепко спаяла собравшихся, что все чувствовали себя как братья, близкие родные братья, после долгой мучительной разлуки. Самые далёкие друг другу люди, непринуждённо подходили один к другому, беседовали, шутили, смеялись, поздравляли друг друга, пожимали руки, и с радостью расходились.

Во время панихиды, нас, как почётных гостей попросили встать на эстраде, рядом с духовенством. Во всём сером, арестантском мы представляли из себя среди празднично разодетой толпы какое-то странное зрелище.

В начале все держали себя сдержанно, спокойно; Но вот провозгласил дьякон «вечная память павшим борцам за свободу», и многие из товарищей начали всхлипывать и вздыхать тяжело грудью. За ними — и, глядя на них, заплакали женщины, потом мужчины — и... через пять — десять минут всё это море голов всхлипывало, вздыхало, трясло плечами и безшумно рыдало.

С женщинами начались истерики.

Это настроение ещё больше усилилось во время речей наших товарищей. Первым вышел говорить тов[арищ] Евсей, самый чувствительный из всех нас.

— То... то... варищи, — пытается выговорить он сквозь слезы, — Гра... гра... ждане — но слезы его душат и он, рыдая, дрожа всем телом, сходит с трибуны.

Выходит второй, но и его постигает та же участь.

— Я... я... не могу, — выговаривает он, отходя в сторону.

Слезы переходят в общий стон...

Вечером, после торжественного обеда, нас провожали на вокзал. Мы шли впереди, а за нами, с цветами и знамёнами, двигались тысячи граждан. Вагон, в котором нам предстояло ехать, был также весь в цветах. Под восторженные крики нескольких тысяч голосов и пение революционных песен, мы медленно двигались вперёд.

Дальше, почти на каждой станции, повторялось то же самое. Не успевал наш вагон остановиться, как его тотчас окружали сотни лиц, и начиналось нечто необычное. Нас окружали, забрасывали тысячью вопрос[ов], предлагали свои услуги, восторженно кричали, махали шапками, и с пением провожали дальше.

Отношение солдат к нам было необычайно теплое и радушное. Помню, на одной из больших станций к нам в вагон начала стучаться группа солдат, возвращающихся на родину. Мы не пускали. Стоявшие напротив местные солдаты не выдержали такого непочтительного отношения к их братьям — солдатам, проливавшим кровь, порасхватили тяжелые железные палки и бросились громить нас.

Присутствующий здесь наш староста подбежал к ним и сказал:

— Товарищи! Разве вы не знаете кто здесь едет?

— Нет! — был ответ.

И когда товарищ рассказал им, кто в этом вагоне едет, они, побросав палки, первые же набросились на эту группу, и кулаками и бранью отогнали их от нашего вагона; потом сами встали в дверях и не пустили к нам ни одного человека.

В Читу мы приехали часов в девять вечера. «Ну!» — думаем, — слава богу! ночью приедем, — никого не будет».

Но... что это такое? Что-то шум! Смотрите! Море голов, сотни знамён и плакатов и.. цветы, цветы... Глаза горят, лица дышат огнём, все кричат, машут руками... что-то восторженное и неудержимое рвётся из груди этой массы и захватывает свою мощью. «Вот так незаметно приехали», — смеемся мы, и выходим из вагона.

Но не успели показаться мы в дверях, как нас встречает страшный грохот музыки, и восторженные крики тысяч. Чувствую, — нас кто-то хватает, к нам тянутся сотни рук, кто-то обнимает, целует, «милые, родные», кто-то сквозь слезу говорит над моим ухом. «Товарищи, братья!» — восторженно кричит другой, ко мне наклоняется чье-то плачущее женское лицо, смотрит мне в глаза и, обливая слезами, целует в лоб... Рядом кто-то пытается говорить, но его никто не слышит. Мы переходим из одних рук в другие. Вижу, как мои товарища поднимаются над морем голов и плывут куда-то вперёд. А я вижу перед собою лишь горящие глаза, восторженные лица, тысячи рук.

Музыка гремит, море кипит, волнуется, общий восторженный стон заполняет всё пространство и мощным потоком неудержимо несётся к небу. И небо дрожит и ликует. Я чувствую, что сердце моё не выдержит. Переполненное каким-то сладким восторгом, оно бьётся, как трепещущая птичка. Горло невольно сжимают спазмы... и.. я... плачу.. плачу.. плачу от счастья.

— А как же вещи? — робко пытаемся мы освободиться, — нужно бы извозчика!

Но мы сейчас же и пожалели об этом. — Что...? извозчика! — обиженно раздалось сотня голосов тов[арищей] солдат в ответ на наше замечание

— А мы зачем? на себе понесём!

И солдаты восторженно расхватили наши вещи и понесли их за нами.

Так мы под музыку двух оркестров, с пением революционных песен, в сопровождении нескольких тысяч дошли до самого дома, предназначенного для нашего общежития.

Долго, долго еще не расходились от нас граждане, радостно сообщая нам о всех политических событиях и об ожидающих нас перспективах. Только под утро, братски распрощавшись, с высоким душевным подъёмом, все разошлись по домам.

В Чите мы прожили с неделю. Первой нашей мыслью была мысль об оставшихся еще в каторге товарищах. От них мы получали ужасные вести. «Настроение отчаянное», — телеграфировал нам один из них.

— Ещё день и начнутся самоубийства. Борис сходит с ума. Спешите, больше нет сил терпеть».

Нужно было спешить. С первых же дней мы занялись неблагодарной работой — беготнёй по всевозможным учреждениям. В конце концов мы добились того, что освобождать стали всех тех, за кого ручалась наша коллегия.

Через неделю все были на свободе.

Мы двинулись дальше.

III. В Самаре

До Самары мы ехали восемь суток.

Была ранняя весна... Тепло, светло и ясно...

По дороге из Уфы в Самару к нам в вагон вошли «весенние птички» — как мы их называли между собою, гимназистки 3-4 классов, ехавшие на пасхальные каникулы домой. И вдруг повеяло светлой красивой весенней сказкой! Что-то символическое в этом приходе гимназисток. — Весна в природе, с сияющим солнцем, весна в общественной жизни, с ликующим настроением; весна в нашей личной жизни, и весна на этих светлых, милых лицах.

Мы все разом как-то ожили, встрепенулись и невольно подтянулись строже. Их милая непринуждённая болтовня, их наивные, простодушные речи

так растрогали нас, десяток лет невидавших таких молодых детских лиц, что невольно многим хотелось и плакать, и смеяться.

— Вы арестанты? — спрашивали они нас.

— Да арестанты, каторжане.

— Самые настоящие арестанты?

— Да настоящие...

В глазах изумление и восторг.

— А не страшно сидеть в каторге?

— Н-н-нет, ничего.

— А как вы там сидели? А чего делали? — сыпется целый поток вопросов. — Плохо было сидеть? Били Вас? Мучили? Долго ли сидели? Когда попали? Как попали? и т. д. и т. д.

Мы не успевали отвечать. И отвечали все разом, кто какой вопрос успеет поймать. Было необычайно легко и радостно.

— И у нас была Бабушка... Мы её встречали, — рассказывала она нам, — такая славная, милая. Она нам речь говорила, а мы плакали. Она все школы объехала. А наша начальница, так и бегает вокруг неё, а сама ведьма старая... Когда я кончу учение, в учительницы пойду, — неожиданно заявляет другая, — непременно пойду...

— Почему это? — удивляемся мы.

— Бабушка так велела. Она говорит, что мы в народ должны идти... Мы в долгу у народа, служить ему надо. Вот я буду учительницей...

— А я в фельдшерицы пойду, — перебивает третья. Там можно больше пользы принести.

— А я в сестры милосердия!

Так разговорам и вопросам не было конца. Мы и не заметили, как подъехали к одной из больших станций, где они и выпорхнули от нас на волю.

Весна отлетела. Снова повеяло чем-то грустным, старым, давно пережитым. Снова как будто едем куда-то в даль, в далёкое тёмное царство, где мрак, холод, неизвестность.

Но эти только на один час. Потом — жизнь своё взяла.

К Самаре мы подъехали часов в 12 дня.

Самара мне представилась незнаваемой. 11 лет тому назад, уезжая в Петроград, я оставлял Самару тихим, скромным городком, с мирно спящим населением. Теперь это какой-то буйный, громадный город, с шумно двигающимся трамваем, автомобилями, с беспрерывно движущейся толпой, шумом, грохотом и т.д. Первое моё впечатление было ошеломляющее... Громадный вокзал, весь забитый поездами, представлял из себя одно кипящее море, движущих[ся] человеческих фигур, поездов, то в одну, то в другую сторону. Страшно было выйти из вагона — того и гляди сомнут под ногами или под колесами, как насекомое.

На вагоны бросались, как на крепости. Шум, грохот, свистки, гудки, заполнявшие всё пространство, поразили моё непривычное ухо до крайности. Я растерялся и не знал, что мне делать. «Неужели это Самара» — думал я. А потом... потом... вздох облегчения невольно вырвался из груди, и я бросился к выходу...

— Наконец-то я снова вижу тебя, родной город, дорогие, родные места!

Снова я вижу всё то, что так дорого и незабвенно моему сердцу, и что так заманчиво грезилось мне долгие года в бессонные, тёмные ночи!..

На вокзале нас встретили два представителя от советов. Скромно, без речей и приветствий, но с братской теплотой и радушием, они провели нас в зало, и там усадили всех за стол обедать.

После обеда товарищи отправились дальше, а я поехал в город.

В первые дни своей свободной жизни я был несколько разочарован [тем], что встретил в Самаре. На улицах я увидел те же апатичные, испуганные лица обывателей, с которых по-видимому еще не успел сойти ужас Николаевского

самодержавия, то же тихое спокойное движение, будничную суету, полную жизнью и мелочных страстей — как и одиннадцать лет тому назад, когда я покидал этот город.

В домах — тоже суетливая, обывательская жизнь, полная мелочной, повседневной заботы.

Я искал другого. Я смотрел — где же признаки того великого, мощного сдвига в русской политической и общественной жизни, которые бы говорили мне о совершившемся перевороте? Где же это те следы, небывалой февральской волны, которая с такой невероятной лихостью опрокинула и смела все подставки и постройки старого самодержавного здания!... мне нужно видеть их, ощущать, а то ведь это самообман, сон!

Я отправился в партии. Несколько оживленнее, но всё не то, не то чего я ждал, о чём мечтал. Те же многолюдные собрания, как и двенадцать лет тому назад, та же будничная, скромная работа. Где же это главный источник той жизни и силы, которая, я чувствую, всё таки бьёт откуда-то ключём?

Где же тот центр, который все эти массы вдохновляет, творит новые формы жизни и управляет ими?

Вот что мне нужно!

Я пошёл в Ком[итет] Народ[ной] Власти и в Советы.

И, наконец-то, я нашёл то, что так напрасно искал по городу. Наконец-то я отыскал тот родник, из которого с такою силою и страстью била новая, горячая жизнь, полная страсти, силы и веры в будущее.

В Советах и в Ком[итете] Нар[одной] Власти я застал громадную толпу народа, всевозможных классов, рангов и положений, со всевозможными делами и делишками. Все это кричало и волновалось. Я послушал и понял, что именно здесь, в этом Белом Доме, находится новый хозяин русской жизни, любимый и уважаемый всеми; здесь творец и создатель всех этих новых форм, которые с каждым днём нарождались в нашей жизни.

Я стал приходить сюда каждый день.

В первые же дни меня необычайно обрадовало то единодушие, та солидарность в работе между Советами и Ком[итетом] Нар[одной] Власти и между партиями, какую я увидел там в первое же своё знакомство с ними... Именно то — о чём я так болезненно думал. Не было ни партийных споров, ни взаимных раздражений, ни обвинений. Все представляли из себя одну дружную рабочую семью и в этой семье все работали с лихорадочным напряжением. Представители одной партии относились с необычайной теплотой и любовью к представителям другой партии.

Было тепло, легко и радостно. Преисполненный светлой веры и надежды, я со всею страстью бросился в работу...

Так было... А теперь ...

Сказка окончилась, начались будни. Но я верю, эта весенняя сказка, так ярко мелькнувшая в нашей общественной жизни, снова придёт к людям, и снова запоёт им свои чудные, вдохновенные песни.

28/IV. Самара.

П. Климушкин

Из биографии присяжного поверенного Константина Глядкова

Автор публикуемой ниже статьи Константин Гаврилович Глядков родился в 1868 году в Симбирской губернии. Член партии социалистов-революционеров (ПСР) с 1905 года. Принимал участие в освободительном движении. До марта 1917 года дважды отбывал тюремное заключение. По профессии адвокат (присяжный поверенный). Окончил юридический факультет Казанского университета. В годы учебы – активист известной казанской студенческой сходки 1887 года. Социалистом себя считал с 4 класса гимназии. По собственному признанию, первым толчком к самосознанию была для него книга Шпильгагена «Один в поле не воин».

До марта 1917 года работал в Самарском отделении Земского союза городов (Земгоре). 2 марта, как представитель этой влиятельной в губернском центре общественной организации, был кооптирован в состав Особого Временного Самарского городского Комитета общественной безопасности, созданного Самарской городской думой вслед за получением официального сообщения председателя Временного исполнительного Комитета Государственной думы М.В. Родзянко о перевороте в Петрограде и создании Временного правительства.

4 марта К.Г. Глядков избран в состав Самарского Комитета народной власти и стал членом его исполнительного комитета. 11 апреля занял пост председателя исполнительного комитета Самарского губернского Комитета народной власти. Принимал инициативное участие в пробуждении самарской деревни к демократическим преобразованиям в послемартовский период. Был организатором I Самарского губернского крестьянского съезда, председателем комиссии Комитета народной власти, которая разработала проект первой самарской губернской демократической конституции – «Наказ Комитетам народной власти». «Наказ» был принят I Самарским губернским крестьянским

съездом 29 марта 1917 года и стал временной конституцией губернии. «Наказ» решил вопрос о власти в губернии, уездах и волостях и стал юридическим основанием для ликвидации органов самодержавного правления в губернии. Статьи «Наказа» предусматривали процедуры создания временной революционной власти. Органами власти были провозглашены демократически избираемые Комитеты народной власти – сельские, волостные, уездные. Губернский формировался по формуле 10+10+10 на основе квотируемого представительства от «сословий» (крестьян, рабочих, солдат), организованных в советы. В апреле крестьяне добились увеличения своей квоты до 21. Формула стала выглядеть 21+10+10. Майско-июньским общесословным съездом (1917 г.) была изменена на 60+15+15. Крестьянам удалось добиться более пропорционального представительства в губернском органе власти в соответствии со своим количественным весом в социальной структуре населения губернии.

К.Г. Глядков участвовал в подготовке майско-июньского Всесословного губернского съезда – Самарского общегубернского парламента. В день открытия заседаний 28 июня он представил съезду доклад о деятельности Комитета народной власти и его исполнительного комитета с 1 марта по июнь 1917 года. Ему же, вероятно, принадлежит авторство опубликованной накануне открытия съезда небольшой брошюры в 36 страниц, текст которой содержит документально зафиксированные факты истории создания и деятельности Самарского Комитета народной власти первого состава (март – середина июня 1917 года). Брошюра составлена в форме официального отчёта для Временного правительства, точнее для Министерства внутренних дел. Во времена большевистского правления она была изъята из библиотек. Её полное название «Краткая история Самарского Комитета народной власти и отчёт его деятельности до 1 апреля 1917 года». Это действительно краткая история Комитета, созданная на основе документов, с которыми К.Г. Глядков повседневно имел дело сначала как член, а затем как председатель исполкома.

Эти документы сохранились в известном историкам фонде Самарского областного госархива под номером 813 (Самарский губернский Комитет народной власти). Фонд долгое время, с 1930-х до конца 1980-х годов, находился на режиме специального хранения. Это означало, что доступ к его документам имел только тот, кто получал специальное разрешение органов государственной безопасности. Самарские большевики и их наследники опасались распространения информации о первом реальном опыте самарской представительной демократии.

Майско-июньский Всесословный съезд избрал второй состав Самарского губернского Комитета народной власти. 14 июня 1917 года К.Г. Глядкоу передал бразды правления исполнительным комитетом И.М. Брушвиту. Комитет избрал нового губернского комиссара Временного правительства. Им стал социалист-революционер С.А. Волков.

С 1 августа 1917 года К.Г. Глядкоу стал председателем губернского Земельного комитета (губернской земельной управы). Подобные комитеты были созданы по распоряжению Временного правительства от 21 апреля 1917 года как специальные органы для подготовки аграрной реформы в Учредительном собрании. Глядкоу занимался координацией деятельности уездных и волостных Комитетов – земельных и народной власти – по реализации «Временных правил землепользования в Самарской губернии до Учредительного собрания», которые были приняты II-м Самарским губерньским крестьяньским съездом 1 и 4 июня 1917 г., а также подготовкой материалов для разработки общероссийского проекта демократической аграрной реформы.

С момента создания Окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии в Самаре К.Г. Глядкоу был избран её председателем. Пост председателя губернской земельной управы Комитета он передал агроному народному социалисту М.Н. Яковлеву.

Ещё до выборов в Учредительное собрание Глядкоу принял участие в выборах в Самарскую Городскую Думу (сентябрь, октябрь 1917 года), был

избран гласным, затем председателем новой Самарской городской думы. На этом посту он выступал против передачи власти Советам, однако нерешительно и компромиссно. Во всяком случае, не без его участия Городская дума не вступила в резкую оппозицию местному совету рабочих и солдат, как это произошло в осенней Москве в 1917 году. Но своим демократическим убеждениям Глядков не изменил.

В период правления Комитета членов Учредительного собрания (4 июня 1918 – 7 октября 1918 года) он вновь активно включился в борьбу за демократию на Волге, воссоздавал земства и Земский городской союз на территориях, подвластных Комучу.

Со времени поражения Комуча судьба К.Г. Глядкова остаётся неизвестной. Среди самарских эмигрантов социалистов-революционеров в Чехословакии (И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин) его имя не упоминается.

Литература и источники

1. [Протоколы 1-го Самарского уездного съезда 17 – 23 марта 1917 г.] // Сборник постановлений первого съезда волостных делегатов Самарского уездного Комитета народной власти 17 – 23 марта 1917 г. Самара, 1917.

2. [Протоколы 1-го Самарского губернского крестьянского съезда с 25 по 29 марта 1917 г.] // Журнал заседаний губернского съезда крестьянских делегатов 25 – 29 марта. Б.м., б.г.

3. Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. Самара, 1917.

4. Протоколы заседаний 3-го Самарского губернского крестьянского съезда [с 20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского Всесословного съезда [с 22 по 26 августа 1917 г.]. Самара, 1917.

5. Краткая история Самарского Комитета народной власти и отчёт его деятельности до 1 апреля 1917 года. Самара, 1917.

6. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д. Климушкина, З.М.Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918.

7. Словарь активных участников (партийных и общественных деятелей) революции 1917 — 1918 г.г. в Самарской губ. // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д. Климушкина, З.М. Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918. С. 152-160;

8. Блюменталь И.И.Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. Хроника событий. 1917 год. Т. 1. Самара, 1927.

9. Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев, 1969.

К. Г. Глядко. История Комитета Народной Власти первого периода

Праздник Русской революции давно уже прошёл как сон, как сказка, и, в привычной атмосфере произвола и бесправия¹⁵⁷, требуются невероятные усилия воли, чтобы отрешиться от проклятой действительности, и восстановить в памяти пережитые восторги, временами поднимавшиеся до чисто религиозного экстаза, восторги первых дней революции.

Общеизвестен и общепризнан факт, что Февральские события застигли Россию врасплох и не только глухую провинцию, но даже и центральный орган политической жизни — Государственную Думу. Десятки лет работали революционные партии, тысячи лучших сынов нашей родины во сне и пламенных мечтах призывали революцию, отдавали за эту мечту все свои силы, а когда прогремела труба архангела и долгожданная Революция начала свое шествие величавой поступью по всему лицу земли русской, — все растерялись.

Самые лучшие, опытные и образованные политические деятели, даже целые партии оказались без определенного плана деятельности и всецело находились во власти стихии. А между тем события разворачивались во всем своем величии со сказочной быстротой; размышлять было некогда, а потому первое время при общем смятении и растерянности приходилось действовать ощупью, случайно, давая ответы на запросы данной минуты, не имея ни сил, ни времени заглядывать в будущее, и эта печать вынужденной торопливости, необдуманности и случайности лежала на всех мероприятиях первого периода революции.

Строго говоря, вся революция совершилась 27 февраля, когда Исполнительный Комитет, выделенный Государственной Думой, объявил войскам и народу о низложении старого правительства. Уличная стрельба в

¹⁵⁷ Замечание относится к режиму власти большевистских Советов в Самаре и губернии после Октября 1917 года. — Сост.

Петрограде на другой день была уже безумной попыткой старого режима остановить фатальное шествие колесницы истории, отречение Николая явилось в сущности пустой, хотя и неизбежной формальностью. Но провинция, не зная о перевороте, продолжала жить по старому, и этот период отмирания старой власти, постепенного обновления и воскресения необъятной страны по всем ее медвежьим углам должен, мне думается, дать впоследствии наиболее любопытный материал для характеристики и оценки момента.

Самара о роспуске Государственной Думы узнала 28 февраля. Городская Дума в своём вечернем заседании выработала сочувственное послание Родзянке; гласные поругали в кулуарах Николая и, прервав в знак бессильного протеста занятия, разбрелись по домам. Вот всё, чем Самара ответила на этот открытый вызов стране, на явную попытку уничтожить последние остатки народного представительства и заключить с Вильгельмом позорный мир. Ни единого намека на подъем народного настроения, ни единой искры надежды! Ходили, правда, неопределенные слухи о голодных волнениях в Петрограде, но никто не допускал мысли, чтобы из этих недоразумений местного характера на почве продовольствия могло вспыхнуть сколько-нибудь надежное движение.

Я был в тот день в заседании Областного Комитета Гор[одского] Союза, заходил в Думу и унёс с собой в душе полное отчаяние.

1 марта днем ко мне зашел приятель — поверенный ж[елезной] д[ороги] Б., нервный, возбужденный и торжественно прочитал телеграмму Бубликова, которая и была, кажется, в Самаре первой ласточкой свободы. В ней Бубликов, по поручению Комитета Государственной Думы, призывал рабочих напрячь все силы в борьбе с расстройством транспорта. Родина, говорилось там, глядит на вас с надеждой. Помните, что у Вас нет лучшего способа освобождения Родины, чем безотказная работа. Первая телеграмма с объяснением событий, видимо, где-то застряла, а эта попала вперед и опубликована железнодорожным начальством по линии. Один уже факт призыва Госуд[арственной] Думы, помимо министра путей сообщения, самый тон

обращения заключали в себе красноречивые указания; однако оба мы, пережившие обманутые надежды 1905 г., старались подавить в себе радостные предчувствия и в своих выводах проявляли сугубую осторожность. Поговорили, разошлись, решили ждать событий и условились встретиться в Городской Думе, где в этот день было назначено прерванное накануне заседание. По городу друг друга приглашали в Думу и с таинственным видом говорили о том, что ожидается какое-то сенсационное сообщение; откуда был этот слух, не знаю, да и вообще никто, кажется, ничего еще толково не знал и строили самые разнообразные догадки. Настал и вечер. Все коридоры Управы были переполнены необычной публикой и в этой толпе алчущих и жаждущих столичных известий я сразу же и впервые за долгие годы реакции почувствовал давно забытую атмосферу 1905 г. Телеграмма Бубликова к моему приходу была уже прочитана и оживленно обсуждалась. Отцы города заседали в частном закрытом заседании. Но вот кто-то поднимается на стол и громогласно оглашает знаменитую телеграмму Временного Комитета Государственной Думы, которая рассеивает все сомнения и возвещает о низложении Правительства. Не берусь описать своим бедным пером всеобщего бурного восторга, тем более, что я сам был слишком потрясен личными переживаниями, чтобы сохранить способность наблюдения. Надо самому пережить долгие годы отчаяния, крушение заветных, лелеянных с детства надежд, чтобы надлежащим образом понять всю глубину переживаний русского гражданина моего возраста.

Вся публика хлынула в зал думских заседаний, где товарищ Городского головы В. М. Ушаков вторично огласил телеграмму и согласно постановления частного совещания гласных предложил Думе избрать 14 членов Временного Городского Комитета Безопасности. Решено было пополнить Комитет в равной доле представителями общественных организаций, а пока от имени Думы отправить делегацию к губернатору Голицыну, чтобы узнать об его отношении к событиям. Делегаты вернулись около 12 часов ночи и поведали собранию, что

князь принял их очень любезно и обещал Комитету полную поддержку и содействие; на этом окончилось в Самаре 1-е марта при трогательном единении города с представителями старой власти.

На другой день предстояли выборы представителей в Комитет Безопасности по всем общественным организациям города. Мне удалось участвовать только в кабинете поверенных и считаю необходимым отметить, что здесь с первых же слов при обсуждении предстоящей линии поведения произошел раскол. Трещина эта, появившаяся 2 марта, постепенно углублялась по мере развития революции и в настоящее время разбила дружную адвокатскую семью на два непримиримых лагеря. Для одних было совершенно ясно, что Гос[ударственная] Дума не в состоянии в эти тревожные дни переворота управлять всей Россией, что местным комитетам, в силу этого, необходимо проявить личную инициативу и на свой страх предпринять целый ряд решительных действий для закрепления власти в руках комитета вплоть до ареста наиболее опасных правительственных агентов. Между тем другие призывали к выдержке, сохранению порядка и защите законности. Столкновение этих двух противоположных течений имело пока чисто личный характер; большинство поверенных воздерживалось от участия в споре, справедливо думая: поживем, увидим, и выборы, в конце концов, прошли довольно гладко. В два часа дня мы, избранные общественными организациями, явились в управу и здесь от представленных 28 организаций избрали 14 членов в Комитет Безопасности.

Так организовалась в Самаре первая революционная власть. Городская Дума, приняв на себя почин образования административно-политического органа революционной власти, сохранила в своих руках лишь городское хозяйство.

Комитет тотчас же открыл заседания, которые в этот день почти без перерыва продолжались до глубокой ночи.

Положение наше было, как говорится, хуже губернаторского. Объявив себя властью во имя защиты безопасности, мы чувствовали полное бессилие, ибо весь бюрократический механизм оставался вне сферы нашего влияния, и о его дальнейших планах мы ровно ничего не знали. Полиция, почта, телеграф и все вообще учреждения находились в распоряжении губернатора, который при всей своей любезности, не проявлял никакого желания делиться с нами своей властью, а что самое главное — вся боевая сила, громадный городской гарнизон не имел с комитетом никакой связи и оставался для нас неразгаданным сфинксом. Наконец, у каждого из нас было свежо воспоминание о черносотенных погромах, и никто ведь не мог поручиться, что союзники, под властной защитой, не попытаются снова выступить со своими обычными приемами. Впоследствии при обыске у прокурора был найден план диспозиции в городе войск на случай народных волнений, да и без этих доказательств остается очевидным, что Протопопов, распустив Государственную Думу и, устанавливая пулеметы на крышах Невского проспекта, конечно, не мог оставить провинцию без своих руководящих указаний в интересах согласования деятельности местных агентов с мероприятиями центральной власти. Только неожиданно быстрый исход борьбы в Петрограде и на фронте спас провинцию от всех уколов белого террора и гражданской войны.

При всей тяжелой ответственности, принятой на себя Комитетом, благодаря этой беспомощности и бессилью, его первое заседание проходит в нудных и скучных и бесплодных спорах. Наконец, решено запросить инструкции от Родзянко, но насколько мне помнится, на этот запрос ответа так и не последовало, да мы уже и не нуждались потом ни в каких указаниях, так как у Комитета начали отрастать свои собственные крылья, нарастала реальная сила, а вместе с нею и решительность действий. После скучного дневного заседания ночь на 3 марта ознаменовалась двумя крупными событиями. Кому-то из членов Комитета пришла счастливая мысль пригласить всех начальников отдельных учреждений и вот — в то самое время, когда Н.А. Романов

подписывал в Пскове акт отречения, в Самаре его верные слуги давали свой ответ Городскому Комитету, а через стену, в соседней комнате открыл свое первое заседание Совет раб[очих] деп[утатов]. К сожалению, я не обладаю литературным талантом, чтобы описать достойным образом это в высшей степени оригинальное и интересное заседание нашего комитета. Ведь здесь сошлись в эту поистине великую для России минуту два мира, два исконных, вечных, непримиримых врага — агенты самодержавной бюрократии и представители общества, «они» и «мы». Почва из-под них ускользала, но до самого акта отречения они, видимо, не теряли еще надежды, решили выждать время и действовать, когда пробьет для этого час. По совести говоря, и мы в то время не имели еще полной уверенности и были далеки от ясного сознания всей безнадежной нищеты изжитого строя. Председательствовал П.П. Подбельский, и, надо отдать ему справедливость, вел заседание с большим достоинством и тактом. Каждому из явившихся чиновников задавался один и тот же вопрос — об его отношении к революции. Сказать, что ответы получены уклончивые, значит, ничего не сказать, не передать самого главного. Не даром говорится, что тон делает музыку, и в данном случае это особенно справедливо. Говорились простые малосодержательные фразы о поддержке порядка, исполнении служебного долга; а главное затушевывалось и умалчивалось, но за этим молчанием и словами слышались плохо скрытые угрозы. Если революция победит, то мы во имя своего 20 числа будем продолжать работу, таков, в сущности, был смысл их ответа; «но горе Вам, если революция будет потушена», говорили они своим красноречивым молчанием. Особенно сильно врезалась мне в память наружность сидевшего рядом с председателем начальника гарнизона. Суровое, жесткое, несколько тупое упрямое лицо солдата гордо смотрело на нас с нескрываемым презрением и для каждого было ясно, что он при первой возможности с истинным наслаждением перевешал бы всех этих «красных», дерзающих посягать на священную власть. Ему, собственно, очень легко ответить на докучные вопросы: ведь армия не должна

заниматься политикой; ее назначение защищать родину от внешнего врага и поддерживать порядок внутри страны. Несмотря на столь успокоительные его ответы, Комитетом немедленно была послана телеграмма о смещении начальника гарнизона. Впоследствии об этом забылось, и он до самого конца переворота оставался на своем ответственном посту. Бравый генерал — начальник Трубочного завода, которому так много пришлось потом пережить тяжелых испытаний, горячо и самоотверженно заявил, что пользуется всеобщими симпатиями рабочих, что, работая на оборону, не допустит в стенах своего завода даже и тени политики. Прокурор К., сделавший свою карьеру на процессе Спиридоновой, человек хорошо известный по всему судебному округу «своими прокурорскими качествами», с видом травленной лисицы был чрезвычайно со всеми любезен и старался заверить в своей полной лояльности. Из всей этой «теплой кампании» только один представитель железной дороги просто и откровенно заявил, что получил распоряжение комиссара Бубликова, признал новый строй и сделал соответствующие распоряжения по линии.

Бюрократия расшаркалась и удалилась, а на смену ей веселой, бодрой гурьбой появились товарищи — члены Совета Рабочих Депутатов. Во главе Совета стал бывший сельский учитель, ссыльный с Кавказа, член первой Государственной Думы с. д. меньшевик — Рамишвилли — маленький, худенький, седенький старичок с черными живыми умными глазами, с детской улыбкой на устах и пламенной речью, когда приходилось говорить в многолюдном собрании по политическим вопросам; один из тех редких людей, которые остаются вечно юными. Плохо владея русской речью, безбожно коверкая язык, он в тоже время обладал недюжинным ораторским талантом, умел своим образным словом, искренней, вдохновенной речью зажигать сердца людей, не прибегая ни к демагогии, ни к обычным приемам присяжных ораторов. Рамишвилли был душой совета р[абочих] д[епутатов] и сразу же занял центральное положение в комитете.

Благодаря всеобщему настроению, а отчасти искренности и такту Рамишвилли, немедленно произошло полное слияние в одно неразрывное целое этих двух половин — буржуазной и пролетарской комитета, и странное дело, все как будто забыли о политических партиях, социальной розни и перед лицом общего для всех врага были объединены единым чувством — искренней преданностью русской революции. (Выделено автором. — Сост.)

Пополненный свежими демократическими силами и опираясь на всеобщее доверие, Комитет с 3 Марта усваивает новое, чрезвычайно удачно выбранное наименование — Комитета Народной Власти.

Работа в Комитете закипела. Немедленно было отдано распоряжение о выключении губернатора и чинов жанд[армского] управления из телефонной сети; подчинены цензуре комитета все шифрованные телеграммы; постановлено разоружить жандармскую и общую полицию, арестовать наиболее опасных представителей старой власти и освободить политических арестантов. Для исполнения этих поручений избран ряд комиссий, и назначенные комиссары тотчас же приступили к действиям. Все вокруг шло навстречу нашим желаниям и многое, что накануне еще считалось слишком дерзновенным, исполнялось легко, без препятствий, а иногда даже и без нашего участия. С предложением, например, о разоружении явились сам полицеймейстер и начальник жандармского управления Познанский, а политические были выпущены самим прокурором по предписанию из Петрограда.

Из целой вереницы посетивших в этот день Комитет депутатов, нельзя не отметить одну — представителей саперного батальона, которые были выслушаны при большом стечении публики и вызвали всеобщее ликование. Гарнизон нас сильно тревожил, так как помимо нескольких офицеров, заявлявших нам о своем личном сочувствии, ни с офицерской средою, ни с солдатской массой никаких отношений завязать еще не успели, а между тем на пятое марта нами была уже назначена общегородская манифестация и при не

сочувствии гарнизона могли произойти чрезвычайно опасные осложнения. Времени в нашем распоряжении было немного, и мы решили сегодня же вечером организовать митинг всему городскому офицерству. С целью агитации среди них избрана комиссия в составе — князя Кугушева, Венцека и многих других.

Теперь наши дороги сошлись. Не так давно мне пришлось участвовать в качестве защитника по процессу об агитации среди войск в пользу Учредительного Собрания, и по странной иронии судьбы тот же товарищ Венцек оказался представителем большевистского трибунала. Но тогда мы дружно уселись в автомобиль и помчались по поручению Комитета Народной Власти призывать войско к верности Русской Революции во имя Учредительного Собрания. Машина наша застревала в сугробах, офицерство окончило занятия и разошлось по квартирам, а предупрежденное, видимо, начальство встретило нас чрезвычайно недружелюбно. В каждом полку приходилось вступать в дипломатические переговоры с командиром и собрать офицеров для общей беседы так и не удалось. Однако, в конце концов цель наша была достигнута: офицерство всё таки узнало о предстоящем собрании и явилось почти в полном составе. Настроение этого военного митинга первое время было очень сдержанное.

Выступала ораторы от офицерства и от Комитета Народной Власти, но никакого воодушевления не чувствовалось. Наконец выступил Рамишвилли. Воспользовавшись каким-то ничтожным замечанием последнего оратора, он рассказал о том, как боялся военных раньше и как теперь, благодаря войне и освободительному движению, армия самодержавия превратилась в вооруженный народ. Стоглавая змея, говорил он, не воскреснет и мы присутствуем на похоронах старой власти; на смену ей пришла Власть Народа и вы, господа офицеры, не откажите ей в поддержке, вы, плоть от плоти, кровь от крови народа. Народ братски протягивает офицерству доблестной армии свою руку, чтобы вместе бороться за общее счастье. Простая искренняя речь,

полная огня и неподдельной любви к родине, сделала свое дело. Весь зал забурлил, зашумел; молодежь кинулась вперед и при громких криках «ура» наш Рамишвилли взлетел на воздух.

4-го марта наша агитационная комиссия снова путешествовала в казармы, на этот раз по приглашению тех самых командиров, которые накануне не пустили нас даже и в частные квартиры офицеров. Встретили нас с должным почетом; войска обыкновенно выстраивалась в колонны и на морозе мы р а з ь я с н я л и с о б ы т и я (Разрядка авт. – Сост.), призывали встать на защиту революции, поддерживать порядок и не нарушать военной дисциплины.

В городе с это время начались аресты. По постановлению комитета заключены в тюрьму губернатор, начальник с помощниками жандармского управления; полицеймейстер, начальники общего и железнодорожного телеграфа. При аресте жандармского полковника Познанского многолюдная толпа еле позволила посадить арестанта на извозчика, требуя, чтобы он прогулялся в тюрьму по образу нашего хождения, как мы ходили в своё время.

Особая комиссия в составе прис[яжного] пов[еренного] Усова, инж[енера] Богоявленского, рабочего Шаманина и бухг[галтера] Бакаева набирала народную милицию, но что можно было сделать в несколько дней?

Строго говоря, население во многом бы выиграло, если бы удалось сохранить старую организацию и наиболее порядочный элемент от старого опытного штата полиции, но она повсюду вызывала такую ненависть, что ограничиться одним обновлением, простой реформой было невозможно. Требовалось заново создать надежный аппарат, который не напоминал бы народу ненавистную полицию самодержавия, а пока комиссия производила набор народной милиции и, в сущности говоря, раздавала без всякой регистрации и сколько-нибудь строгого разбора скопившееся в руках комитета оружие. Добровольцев было масса, много было искреннего желания помочь нам в деле охраны порядка и спокойствия в городе, но не было организации и дисциплины. Получившие оружие не являлись на дежурство, не исполняли

распоряжений и через несколько дней у наших комиссаров опустились руки. Впоследствии в виде временной меры, пришлось отдать это дело военным.

Вечером того же 4 марта назначено было общее собрание комитета Н[ародной] В[ласти], т. е. членов избирателей, делегированных общественными организациями, воинскими командами и рабочими. Избрана была мандатная комиссия. На её обязанности лежало выработать правила представительства в комитет от существующих общественных организаций и организовать поверку мандатов на общее собрание. Но ничего в этом отношении сделано не было ни теперь, ни после, и собрания с каждым разом принимали все более случайный и беспорядочный характер. Общества стали расти, как грибы после дождя. Обыватели и чиновничество, державшиеся «апатично» во время борьбы, сделались вдруг «ужасными революционерами» и, чтобы попасть в комитет, составляли всевозможные национальные, политические, профессиональные и культурные организации. Каждая заявляла свои права, посылала делегатов на общие собрания и в результате получалось масса несообразностей: некоторые из них, как институт, например, податных инспекторов, являлись чуть ли не в полном составе, а в то же время многие почтенные, многолюдные и влиятельные организации пользовались до обиды ничтожным представительством.

В силу этого общие собрания, по плану революционного строительства данного периода являвшиеся высшей властью в губернии, собирались редко и не имели почти никакого влияния на работу Комитета. До Губернского Съезда, состоявшегося 24 мая, за три почти месяца было всего шесть общих собраний — 4, 8, 10, 21 марта и 24 апреля, но из них только три выработали отдельные постановления.

4-го марта на смену увезенного нами и заключенного в тюрьму губернатора избран губернским комиссаром председатель Губернской Земской Управы К.Н. Иньков, Н.В. Осоргин его помощником, комиссаром милиции присяжный поверенный Усов и полицеймейстером некто Молев, в скором

времени после этого при разработке жандармского архива уличенный в провокации. Кроме того, тогда же было решено заново организовать Исполнительный Комитет Народной Власти, предоставив в нем по 10 мест гарнизону, Совету рабочих депутатов и городскому населению, т. е. всем общественным организациям вместе включительно до Городской Думы, которая таким образом, с этого дня теряет свое доминирующее влияние в Комитете.

Чтобы покончить с общими собраниями, и прежде чем приступить к изложению деятельности Исполнительного Комитета, познакомимся с протоколами всех остальных заседаний.

8 марта был представлен нашей Комиссией проект наказа Исполнительному Комитету и неожиданно подвергся жестоким нападениям справа. Требовали включить в задачи Комитета «содействия победному окончанию войны», но главным образом оспаривали наше посягательство на правительственные и административные учреждения губернии. Сверху, говорили они, раздается призыв: «все остаются на своих местах», «мы не смеем дерзать на существующий правопорядок». Проект возвращен был для разработки в Комиссию, а 10 марта с ничтожными дополнениями почти без споров принят подавляющим большинством голосов. В том же заседании 10 марта было постановлено повысить на 100% провозную плату за доставку крестьянского хлеба и о реквизиции хлебных запасов у крупных землевладельцев. 21 марта забракован был проект П.П. Подбельского о районных думах в городе и решено пополнить Городскую Думу в числе до 60 гласных представителями Советов и общественных организаций. Наконец, 24 апреля по большому вопросу о представительстве в Комитете Народной Власти от общественных организаций произошел полный раскол в результате которого партия народной свободы демонстративно покинула заседание, а за ними и председатель Подбельский сложил свои полномочия.

Я имел уже случай говорить о ненормальном составе общих собраний и для того, чтобы придти в этом отношении на помощь Комитету некоторым из его членов пришла благая мысль организовать в Самаре Совет Общественных Организаций. Но дело попало в руки членов партии Народной Свободы, которые внесли в него дух нетерпимости, самолюбия и сепаратизма. Раскол начался еще за несколько дней до общего собрания на заседаниях Исполнительного Комитета и, в сущности говоря, сводился к вопросу о том, имеет ли право Комитет Народной власти контролировать усвоенную Советом Общественных организаций систему представительства, т. е. распределение предоставленных ему 10 мест в Исполнительном комитете. Члены партии Народной свободы настаивали на полной автономности Совета Общественных Организаций по примеру всех остальных советов, тогда как в комитете преобладало мнение, что в данном случае речь идет о представительстве всего городского населения, а потому Комитет обязан позаботиться о соблюдении должной справедливости.

Совет Общественных организаций, не имея классового характера и определённых задач, по нашему мнению, не мог конкурировать с демократическими советами, политическое влияние которых было вне сомнений. Не берусь быть судьёю в этом споре, но ясно одно, что дело обошлось бы без резких инцидентов, если бы Совет Общественных Организаций подчинился постановлению Исполнительного Комитета и предоставил на его утверждение принятую им систему представительства.

Заседание 24 апреля было последним. Отсюда видно, что роль общих собраний свелась преимущественно к выборам организации Исполнительного Комитета, и за всё время его существования вынесено только два руководящих постановления: о пополнении Городской Думы и повышении хлебных цен.

Таким образом, вся тяжесть работы лежала исключительно на исполнительном Комитете, который в сущности говоря и явился Комитетом Народной власти в истинном смысле этого слова.

Первоначальный его состав от советов постоянно менялся; более устойчивый характер имело представительство Общественных организаций и по этой курии, если не ошибаюсь, до самого конца остались следующие лица: П.П. Подбельский, П.Л. Кузьмин, В.В. Столбовский, М.И. Лунин, К.В. Богоявленский, С.В. Смирнов, Е.Л. Кавецкий, А.Г. Елшин, А.В. Колышкин и я. Председателем его был в первые дни Подбельский, затем П.Л. Кузьмин и с 24 марта до губернского съезда¹⁵⁸ — я.

Работы и суеты у нас было много. С утра и до глубокой ночи Комитет осаждали просители по самым разнообразным поводам включительно до бракоразводных дел и семейных неприятностей. Ведь революция сразу остановила всю сложную бюрократическую машину, и все нужды русского обывателя, рассыпанные до сих пор по стройной сети всевозможных учреждений, как вешняя вода, хлынули в Комитета Народной Власти. Это наглядное доказательство народного доверия нас очень радовало, но вместе с тем обилие мелких будничных дел страшно тормозило организационную работу и отвлекало наши силы от важных и в высшей степени ответственных задач текущего момента. В Управе нам было уже тесно, и 6 марта мы перебрались в соседнее помещение, прибегнув для этого впервые к реквизиции.

Но и здесь мы пробыли неделю; 16 марта мы заняли наконец «Белый дом» бывший губернатора, водрузивши на нем красный флаг, и с этого времени приступили к более планомерной органической деятельности.

Комитет и Советы в нашем представлении являлись одним политическим целым, а потому в интересах объединения, несмотря на тесноту помещения, оставались в одном здании, и я с чувством глубокого удовлетворения должен отметить, что за все время моего существования в президиуме Комитета мы работали с Советом в тесном и дружном единении.

Уйдя из городской Управы, мы прежде всего занялись упорядочением делопроизводства и канцелярии, хотя вынужден заметить, что избранная для

¹⁵⁸ Имеется в виду губернский Всесословный съезд, заседания которого открылись 28 мая 1917 года. — Сост.

этого специальная комиссия сделала очень немного. За недостатком собственных средств мы пользовались помощью учреждений, которые откомандировали нам своих служащих; являлись и просто добровольцы, охотно отдававшие нам свои досуги. Однако при всем этом задачи свои комитет формулировал в наказе, о котором я говорил выше, следующим образом:

1) Временный Самарский Комитет Народной Власти является в пределах Самарской Губернии представителем Временного Правительства с целью организации порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя.

2) Комитет принимает на себя организацию всех местных учреждений поскольку их деятельность была нарушена переходным временем и способствует скорейшему установлению надлежащей связи их с центром.

3) Признавая необходимость сохранить на местах полную закономерность в деятельности всех учреждений, Комитет однако не может считаться с тем, что старый правительственный аппарат, построенный на принципах централизации и бюрократизации власти, совершенно не приспособлен к успешному осуществлению неотложнейших задач переживаемого момента, а потому, относясь с должной бережливостью к существующим узаконениям и статутам, изыскивает и принимает меры к демократизации местных учреждений, подчиняя их общественному контролю, причём координирует свои мероприятия с директивами Временного Правительства.

4) В интересах осуществления великих и неотложнейших задач, диктуемых переживаемым временем (сохранение внешнего порядка, урегулирование продовольствия и проч.), а также для подготовки широких народных масс к текущим событиям, Комитет принимает меры к организации городского и сельского населения Самарской губернии на основаниях всеобщего, равного, тайного и прямого голосования.

5) Из ближайших задач Комитет отмечает и принимает на себя в интересах сохранения порядка заботы об урегулировании в пределах Самарской губернии взаимоотношений труда и капитала, солдат и командного состава правительственных и общественных учреждений.

6) В уездах через соответствующие местные Комитеты, а в Самаре – непосредственно, Комитет, до издания новых законов о местном самоуправлении, принимает на себя руководящую роль над органами местного самоуправления во всем объеме их деятельности, причём проявляет сугубую заботливость об изыскании средств к упорядочению в контакте с другими правительственными и общественными учреждениями продовольствия, транспорта и торговли.

Канцелярия и бухгалтерия Комитета хромали на обе ноги и, вступив в свои обязанности 24 марта, я вынужден был убить немало времени и заботы, чтобы наладить канцелярию и счетоводство.

Отсюда видно, что полномочия Комитета были почти безграничны, а круг его ведения всеобъемлющ; но было бы большой ошибкой думать, что мы искусственно создавали свою власть или злоупотребляли своим положением из простого желания господства, отнюдь нет, сама жизнь властно требовала нашего вмешательства и, оглядываясь теперь назад, я готов скорее Комитет упрекнуть в недостатке активности и решительности, чем в злоупотреблении и превышении властью.

Сначала мы оставались почти исключительно в пределах городской черты, но после организации Совета Крестьянских Депутатов наше влияние начало простираться и на губернию, хотя нельзя не сознаться, что прочной административной связи с деревней нам не удалось установить вплоть до губернского съезда. Комитет издавал обязательные постановления, отдавал распоряжения по учреждениям, производил аресты и частных и должностных лиц, даже офицерских чинов, реквизировал товары, помещения, разрешал

всякого рода споры и конфликты, отменял судебные решения, открывал свои суды; и все это мы должны были делать с фатальной неизбежностью.

Очень возможно, даже наверное, мы совершили не мало ошибок, но во всяком случае члены Комитета и мы руководились самым искренним желанием способствовать безболезненному перерождению страны и содействовать поддержанию должного порядка.

В городе не было никакой другой власти, которая была бы способна разрешить массу насущнейших запросов жизни. Чтобы дать хотя бы приблизительное представление о работе Исполнительного Комитета, я перечислю лишь несколько комиссий, имевших наиболее устойчивый характер и должное существование: 1) Комиссия железнодорожная, телеграфная, 2) Правление телеграфа, 3) по рассмотрению конфликта рабочих с администрацией на Трубочном Заводе, 4) Редакционная, 5) Финансовая, 6) по осмотру помещений для митингов, 7) Транспортная, 8) Продовольственная, 9) По сбору пожертвований, 10) По разработке жандармских архивов, 11) Судоследственная, 12) Санитарно-Техническая, 13) О реорганизации Городских Самоуправлений, 14) По оказанию помощи политическим, возвратившимся из ссылки, 15) По борьбе с угрожавшим весной 1917 г. наводнением...

В начале работы шли чрезвычайно дружно. Заседания Комитета протекали почти при полном составе, все комиссии исправно исполняли свои заседания, и президиуму оставалось только следить за исполнением постановлений. Но с течением времени картина изменилась. Рабочих и военных отвлекали из Совета, а среди интеллигенции стало замечаться охлаждение к революции. Заседания Комитета нередко приходилось откладывать за отсутствием кворума, большинство комиссий продолжало существовать лишь на бумаге и, вследствие этого, в апреле и мае работа всю тяжестью легла на президиум, которому приходилось самостоятельно, на свой собственный страх действовать и выносить постановления по чрезвычайно подчас серьезным вопросам.

Я говорил уже, что среди членов Комитета в первые дни революции совершенно не наблюдалось никакой партийной розни. Однако с течением времени по мере осложнения и обострения революционного процесса и в нашем комитете произошло заметное разложение, взаимное охлаждение интеллигенции — представителей общественных организаций, в большинстве членов партии народной свободы с одной стороны, и представителей советов с другой.

Я говорил уже об инцидентах на второй же день революции в кабинете поверенных и общем собрании Комитета 8 марта, но то были лишь отдельные вспышки, интересные постольку, поскольку проявляли существование в то время известные общественные настроения. Впоследствии это вызвало своеобразное отношение к революции, усвоенное партией народной свободы, совершенно неприемлемое для всех остальных партий, представленных в Комитете. Вследствие этого наши заседания превращались постепенно в говорильню, сделались малоинтересными и утомительными. Наиболее ярко этот разлад проявился в скандальном заседании общего собрания 24 апреля, после которого партия народной свободы в Комитете заняла вполне определенную роль безответственной оппозиции.

Зато слева за все время пребывания моего в президиуме продолжало сохраняться полное, ничем не нарушаемое единство «революционного фронта». Для нас не существовало ни марксистов, ни народников настолько, что погруженный всецело в неблагодарную текущую работу президиума, я долгое время даже и не знал о партийной принадлежности столь известных в Самаре политических деятелей как тов. Куйбышев, Галактионов, Кабцан, Белов и др., с которыми повседневно встречался на деловой почве.

Чтобы закончить свой краткий очерк деятельности Комитета, мне остается сказать еще несколько слов об его отношении к Центральной власти и Губернскому Комиссару.

С самых первых дней революции в своем наказе Комитет объявил себя представителем Временного Правительства. Это звучало гордо.

Являясь избранниками народа, мы творили волю великой революции, и само собою понятно, не могли отказать в безграничной преданности высшей революционной власти в стране. Действуя пока с полной самостоятельностью, мы искренно надеялись получить свыше должные указания и поддержку, готовые сами в свою очередь оказать посильное содействие всем мероприятиям Правительства. Все свои постановления мы неизменно направляли в Петроград, но странное дело, время шло, всеобщая путаница и переполох, вызванные переворотом, давно миновали, а все наши запросы и телеграммы оставались без ответа, никакой связи с Правительством не налаживалось, и мы продолжали оставаться одинокими, оторванными от центра, продолжали жить и действовать по собственному усмотрению, не имея руководящих указаний сверху.

Комиссар наш давно уже установил правильные отношения с Петроградом, о нас же Правительство как будто и не знает.

Оказывается, представителем власти служит не Комитет, а Губернский Комиссариат. Он, а не мы, вступает в непосредственное отношение с Временным Правительством, является проводником государственной воли и снабжен всеми атрибутами политической власти. Той же тактики полного игнорирования Комитета держался и К.Н. Иньков. Сначала это несколько смягчалось личными дружескими отношениями его к П.Л. Кузьмину, но после вступления моего в президиум и значительного полевения всего Комитета и откола кадетов К.Н. [Иньков] оказался чужим для нас человеком, с чуждыми нам чисто бюрократическими приемами и взглядами. Создалась атмосфера отчуждения и взаимного непонимания. Мы смотрели на Комиссара, нами избранного как на своего подотчетного агента, а он, опираясь на Временное Правительство, считал видимо нас почти обыкновенной общественной организацией, лишенной всякого политического значения и власти. По мысли Временного Правительства все наши постановления нуждались в санкциях

комиссара, а мы в то же время показали, что тот обязан предоставлять на наше утверждение свои наиболее важные и принципиальные распоряжения.

Получилось чрезвычайно странное положение, которое не могло, конечно, остаться без внимания, и связывало руки и нам, и комиссару. Мы фактически пользовались в губернии всей доступной по тому времени полнотой публичной власти, но строго говоря не имели права ее проявлять, комиссар же, напротив, получив широкие полномочия от Вр[еменного] Правительства, в то же время не имел в губернии абсолютно никакого авторитета, фактически лишен был всякой возможности осуществлять свое право на власть. Дело доходило до курьезов: для того, напр[имер], чтобы выехать из города и получить место в вагоне, комиссар был вынужден получать наше разрешение. У него было голое право без власти, у нас была власть без права. Многие из нас эту политику правительства считали простым недоразумением и для его выяснения началось паломничество в Петроград; кстати, у нас иссякали денежные средства, и мы, для пополнения кассы, нуждались в крупном ассигновании. Сначала туда поехал член совета р[абочих] д[епутатов] тов[арищ] Кайрович, а во второй половине мая открывался общероссийский крестьянский съезд и, совместив две командировки – на съезд и к Вр[еменному] правительству, уехал в Петроград и я. Кстати, заметить, этим поручением заканчиваются и мои личные воспоминания о комитете, так как по возвращении моем в Самаре состоялся первый губернский съезд¹⁵⁹, на котором был избран новый президиум, и наш комитет Народ[ной] Вл[асти] получил совершенно другую организацию.

В министерстве вн[утренних] д[ел], находившемся тогда всецело в руках кадетов, ничего утешительного получить не удалось. Ценою скучных путешествий по департаментам, после продолжительного ожидания в министерских приемных, а затем, после не менее нудных бесед, ни на один из своих настойчивых вопросов я так и не получил сколько-нибудь определенного

¹⁵⁹ Самарский губернский Всесословный съезд работал с 28 мая по 6 июня 1917 года. – Сост.

ответа. В результате у меня осталось впечатление, что Вр[еменное] Правительство никаких планов на ближайшее время по самому животрепещущему вопросу — об управлении страной — не имеет. Ясно было лишь одно, что всякого рода «самочинные» революционные организации на местах для кадетского правительства далеко нежелательны и ни на какую поддержку свыше надеяться не должны. Их только терпят до поры до времени, а для наблюдения и руководства назначают комиссаров.

Так подготавливалась в России почва для «самостийных республик».

К. Глядко

П.Д. Климущкин. История Комитета Народной Власти второго периода

История Комитета Народной Власти второго периода, ознаменовавшего собою целую самостоятельную эпоху в жизни Самарской губернии, и выявившего некоторые особенные черты, в отличие от Комитета Первого периода, начинается со времени окончания работ II-м Крестьянским съездом, закончившимся 5—6 июня, и прошедшим под лозунгами «Земля и Воля».

С этого времени Комитет Народной Власти, организованный совершенно на иных началах, чем Комитет первого периода, принимает новое направление в своей деятельности и достигает наивысшей точки своего могущества.

Опираясь на новые слои населения Самарской губернии, на самые могучие и жизненные, на которые до сих пор не опирался: на рабочих и крестьян — он становится истинным хозяином всей жизни и является её руководителем, но на бумаге, а не деле.

Его влияние и значение приобретает небывалые размеры и чувствуется всюду.

Конструкция Комитета Народной Власти

Комитет Народной Власти II-го периода организовался на принципах, выработанных Общегубернским Всесословным Съездом. Самая конструкция его организации, предложенная представителями крестьянства, вызвала продолжительные и страстные споры. Из предыдущей статьи К.Г. Глядкова, мы видели, что в первый Комитет Народной Власти входили главным образом представители общественных организаций г. Самары, не согласуясь с принципом пропорциональности; представителей крестьянства, самого многолюдного и влиятельного класса в данную эпоху в России, было всего

лишь 21 человек. Отсюда – вполне понятное и никем не отрицаемое засилье горожан над деревней.

Крестьянство, собравшееся на втором съезде¹⁶⁰, в период наивысшего своего могущества и влияния, поняв смысл и значение такой конструкции, ведущей к засилью чуждых ему элементов, отнеслось к ней с явным и резко выраженным отрицанием. Крестьянство как преобладающий класс, стремилось само к господству в губернии. Поняв могущественное влияние власти на все стороны общественной жизни и зависимость всех наболевших вопросов от того, в чьих руках будет эта власть, этот мощный аппарат — оно инстинктивно стремилось само стать у этой власти, оно само решительными шагами пошло к захвату этого аппарата в свои руки, относясь с большим недоверием к претензиям на эту власть других классов.

В противовес стремлению крестьянства на преобладающее влияние в органах власти — на этом же съезде выявилась и другая сила, претендующая на равное влияние в этих органах. Рабочие местных заводов, до сих пор составляющие самую мощную силу в жизни города и по праву считающие себя самым боевым и преданнейшим авангардом Революции — требовали той же доли участия в Комитете Народной Власти как и крестьяне. Непропорциональность такого представительства их не смущала. Добиваясь равнозначного места с крестьянством, они в своих доводах исходили из тех соображений, что рабочие, хотя количественно и меньше крестьян, но по своей организованности и развитию стоят выше их, и поэтому силу представляют из себя по качеству большую, нежели первые.

Этот спор из-за влияния в органах власти чуть не привел к разрыву. Крестьяне, в силу многих исторических причин, отразившихся на их психологии, относясь с недоверием ко всему, что исходит не из их среды, даже к своим братьям — рабочим и, подогреваемые большинством ораторов, — ни за что не хотели идти на уступки и предоставить равное число мест другим

¹⁶⁰ Второй Самарский губернский крестьянский съезда работал с 20 мая по 6 июня 1917 года. – Сост.

группам. И только благодаря уступчивости и лояльности, к чести их сказать, представителей рабочих, вопрос был разрешен безболезненно: была принята такая система представительства: крестьян — 60 человек, рабочих — 15, солдат — 15, представителей городов — 15 и беженцев — 3 человека.

Таким представительством крестьянство все влияние на работы Комитета Народной Власти — взяло в свои руки.

Организация Исполнительного Комитета, являющегося отселе прямым наследником губернаторских общесословных съездов, на принципах, возвещённых самой демократией, началась в начале июня, вскоре же после окончания работ губернским съездом; к этой организации приступил Совет Крестьянских Депутатов.

Совет, избранный на Губернском Крестьянском Съезде в числе 100 человек, стоя на страже крестьянских интересов, понимал, что он, как классовая организация, будет бессилён привести все те задания, которые оставил ему Губернский Съезд, без создания полномочного, опирающегося на все слои революционной демократии органа власти. Таким органом для него являлся Комитет Народной Власти, к организации которого и приступил Совет, как орган наиболее влиятельный и более всех заинтересованный в нём.

Работа Комитета, как её понимал совет Крестьянских Депутатов, должна была проходить под лозунгом проведения аграрной реформы, предначертанной Губернским Крестьянским Съездом. Поэтому при конструировании президиума Комитета избрали таких лиц, которые проводили бы эти задачи не только за страх, но и за совесть, лиц пригодных к активной и неуклонной политике при проведении в жизнь этих земельных постановлений.

Избранными от Совета Крестьянских Депутатов оказались И.М. Брушвит, Шевченко и я; от рабочей секции — доктор Левинтов, от военной — П.П. Митрофанов, Брушвит — Председателем, Климушкин, Левинтов и Митрофанов — тов. председателя.

Ознакомившись с общим положением дел, с теми текущими работами, которые лежат на плечах президиума — мы приступали к работе. Постановления Губернского Общесловного Съезда, нашего непосредственного вдохновителя и контролера, говорили нам, что мы должны быть «всё», мы — верховный орган в губернии, воле которого подчиняются все губернские учреждения и должностные лица, включая сюда и Губернского Комиссара. Разделяя вполне эту точку зрения, президиум в первые же дни стал проводить эту мысль в жизнь, не останавливаясь, действительно, ни перед какими затруднениями.

Аграрный вопрос

Первая задача, которая встала перед нами в первые же дни нашей работы, это — аграрная реформа. Губернский Крест[ьянский] Съезд, разъехавшись по домам, оставил после себя «Временные Правила Землепользования до Учред[ительного] Собр[ания]», которые нам и предстояло превратить в конкретные формы. Эта работа, необычайно жизненная и интересная, работа по урегулированию земельных взаимоотношений на основании вышеупомянутых постановлений, отнимала у президиума в первые дни очень много времени. Стекались к нам с жалобами, со всевозможными недоразумениями, иногда очень пустяшными, а — иногда с очень серьезными, со всех концов Самарской губернии, раскинувшейся на целые сотни верст. Каждый день поступали десятки прошений, заявлений, жалоб, постановлений о земельном вопросе, которые нужно было разобрать, передумать, и вынести такое постановление, которое было бы в соответствии с жизненными запросами и не противоречило бы временным правилам.

Этот вопрос, доминирующий в этот период в жизни всей губернии, составлял главную цель нашего существования и отнимал у президиума всю его энергию, помыслы и время.

Так продолжалось с месяц.

По истечении этого времени, как только Сов[ет] Крест[ьянских] Деп[утатов] сконструировался в окончательном виде с организацией при нем специальной для аграрного вопроса конфликтной комиссии, аграрный вопрос переходит в полном объеме в Совет Крестьянских Депутатов, который отселе становится полновластным проводником всех постановлений в этой области и их толкователем.

За Комитетом Народной Власти, как за верховным органом, остается лишь высший контроль и общее руководство. К его вмешательству, всегда авторитетному и решающему, обращаются теперь в тех случаях, когда, испробовав все меры мирного воздействия, Совет оказывался бессильным урегулировать возникшее между спорившими сторонами недоразумение, и когда нужно было прибегать, как к последнему средству, к силе и насилию.

Как же велико и часто было вмешательство Комитета?

Нет надобности, по моему убеждению, рассматривать этот вопрос подробно, во всех отдельных конкретных случаях, которых наберется по меньшей мере сотню, ибо это отняло бы у нас много времени и много места. Нам ведь нужно знать лишь характер его деятельности в этой области. Рассмотрим поэтому деятельность такого характера в общих чертах и в наиболее ярких и типичных проявлениях, вылившиеся в те или другие постановления и распоряжения.

Главная задача Комитета Нар[одной] Вл[асти] в аграрном вопросе заключалась в том, чтобы следить за деятельностью подчиненных ему Комитетов, уездных и волостных, и должностных лиц, как комиссаров, так и управляющих различными казенными учреждениями; следить за тем, чтобы с их стороны не было оказано противодействие — устранять их от должности или же парализовать их вредную деятельность. В этом направлении Комитету не раз приходилось прибегать к вмешательству.

Приведу несколько примеров.

В конце или в начале июля, точно не помню, Комитет Нар[одной] Вл[асти] получил от одного районного съезда известие, что Бузулукский уездный Комиссар препятствует проведению земельных правил. Не входя в расследование этого дела, президиум комитета немедленно же сделал предписание комиссару прекратить свое противодействие, в противном случае он не только будет отстранен от должности, но и будет еще привлечен к ответственности. Такое предписание было сделано и Николаевскому Исполнительному Комитету по отношению к комиссару Медведеву.

Из уездных Комитетов, о чём я уже говорил в «Истории аграрного движения»¹⁶¹, испытал на себе воздействие Ком[итета] Нар[одной] Власти Самарский, пытавшиеся встать в независимое положение от губернского. Но после первого, решительного и категорического воздействия Ком[итета] Народной Власти, он от этой попытки отказался.

Из волостных Комитетов много хлопот и борьбы доставили Ком[итеты] Нар[одной] Власти — два: Абдулинский и Покровский. И тот, и другой, состоящие главным образом из кадетствующей публики, не признавая Земельные постановления для себя обязательными, пытались установить свои порядки, идущие совершенно вразрез с духом наших земельных постановлений. Первый дошел даже до такой дерзости, к счастью единственной в жизни Самарской губернии, что осмелился запросить о том — кто дал право Самарскому Комитету считать себя высшим учреждением в губернии. Дело кончилось для этого Комитета тем, что он был переизбран.

Любопытное, и, пожалуй, одно из самых серьезных и сложных, разрешенных вмешательством Комитета Народной Власти, было дело Воскресенских крестьян с артиллерийскими частями Самарского гарнизона. Воскресенские крестьяне, захватив луга и распределив их между собою, позабыли при распределении выделить часть лугов артиллерийским частям, которые сняли их еще до 2-го Крестьянского Съезда, выработавшего земельные

¹⁶¹ См. текст этой статьи на с. 164 и далее. — Сост.

постановления, у их прежних владельцев. Дело поступило в Совет. Все меры воздействия им были использованы, но все было бесполезно — крестьяне ни за что не хотели уступить этих лугов, ссылаясь на то, что воинские части не заявили об этом Волостному Комитету в установленное правилами время. Разобрав дело, президиум Комитета совместно с представителями всех советов и заинтересованных сторон, нашел претензии артиллерийских частей правильными, и постановил взять сено силою, если будут оказано со стороны крестьян сопротивление. К счастью, до этого дело не дошло — крестьяне, отрезвленные нашим постановлением, уступили добровольно.

Несколько раз пришлось арестовывать из более рьяных защитников старых земельных прав.

На почве земельных взаимоотношений, произошло и столкновение с Губернским Комиссаром, получившем свое назначение в силу приказа Времен[ого] Правительства, как председатель Земской Управы.

Губернский Комиссар — Иньков, человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким социалистическим убеждениям, а потом его заместитель — Осоргин, не могли, конечно, встать на тот революционный путь, на который встало Самарское крестьянство. Оставаясь верным Правительственным распоряжениям, как его непосредственный агент, он во всех случаях оказывал своими предписаниями и распоряжениями самое энергичное и категорическое противодействие земельным постановлениям. Опираясь на его разъяснения и предписания, уездные комиссары, в большинстве также люди его толка, и должностные лица, соприкасающиеся с этой областью, действовали в том же направлении. Такая несогласованность действий раздирала деревню надвое и порождала там анархию и недоумение. Комитет Народной Власти, главной целью которого и было проведение земельной реформы, опасаясь возникновения в деревне анархии, решил положить конец этому двоевластию, и провести в жизнь то постановление о комиссаре, которое было сделано съездом.

Не желая становиться в обостренные отношения с Временным Правительством, президиум Комитета сначала обратился за помощью к министру Внутренних Дел, прося его о немедленном устранении Губернского комиссара. Однако прошла неделя, другая — а ответа не было получено. Прождав еще с неделю, президиум, опираясь на постановление Комитета, послал вторую телеграмму, более резкую и категоричную, в которой заявлялось, что если Губернский комиссар не будет устранен Министерством, то комитет отстранит его от должности своей властью, ибо такое положение дольше не может продолжаться ни одной недели.

Обязанности комиссара исполнял в это время Осоргин.

Не получив ответа и на вторую телеграмму, переданную телеграфом по прямому проводу без задержания, Комитет Нар[одной] Вл[асти] решил устранить его своей властью, не останавливаясь и перед насилием. Губернскому комиссару было немедленно же вручено постановление Комитета с предложением сдать должность в 24 часа, в противном случае будет применена вооруженная сила, и он будет привлечен к ответственности как лицо, не подчиняющееся революционной власти. Комиссар без возражений оставил помещение, сообщив об этом Министерству.

По устранении Осоргина Губернским комиссаром был избран на заседании Комитета его член С.А. Волков, бывший председатель Губернского съезда, который по смыслу постановлений этого съезда должен быть ответственным перед Комитетом Народной Власти, и работать с ним в полном контакте. С этого времени двоевластие, опасное для жизни деревни, существовавшее в аграрной политике, устраняется, работа Комитета проходит в дружном единении с работой комиссара.

Такой способ действия, очень смелый и дерзкий для того времени и для того Министерства, привыкшего к парламентским методам действия, сразу же, с первых дней его работы, поставил Комитет Народной Власти в оппозицию к Временному Правительству. Долгое время Министерство совершенно

игнорировало Комитет, обращаясь к нему не иначе, как через комиссара; только спустя некоторое время, после неоднократных наших поездок в Петроград и поездки самого комиссара, эти связи нам снова удалось восстановить.

Продовольственный вопрос

Не мало работы доставал Комитету и продовольственный вопрос. Сама организация продовольственного дела, начинающего принимать очень острые формы, и проведение в жизнь всех продовольственных проектов, находилась в руках Продовольственного Комитета. Комитет Народной Власти, заведующий раньше до организации Губерн[ского] Прод[овольственного] Комитета и этим делом, оставил за собою лишь общий контроль не в самой организации продовольствия, а только в продовольственной политике, дабы продовольственная политика была согласована с общей политикой. Но организация боевых сил, необходимых для проведения некоторых продовольственных постановлений, применение вооруженной силы, борьба с дерзкими проявлениями спекуляции, охрана городов от продовольственных разгромов — целиком лежала на плечах Комитета Народной Власти, являющегося единственным полновластным органом, располагающим вооруженной силой. В этом направлении Комитетом было проявлено много решительности и последовательности. Оговариваюсь, работа, безусловно, проходила в полном контакте с продовольственными Комитетами.

Эта страничка его жизни лучше всего обрисовывается следующими фактами.

В середине июля Комитету было донесено, что в Бузулукском уезде в таком-то селе купец Н. скупает хлеб и продает его за бешеную цену спекулянтам. Немедленно же Комитетом был снаряжен вооруженный отряд с приказанием купца арестовать, а хлеб передать в продовольственные склады.

Несколько подобных же арестов было произведено и в других уездах, в частности, в Николаевском на станции Безенчук.

Для урегулирования того же продовольственного вопроса было реквизировано до пяти столовых, и некоторые из них с применением вооруженной силы.

Много шуму наделала реквизиция хлебопекарни Неклютиной.

Борясь с хлебной спекуляцией, и, желая довести распределение печеного хлеба в городе до совершенства, Городской Продовольственный Комитет нашел единственным исходом из создавшегося положения — изъятие из частных рук хлебопечения и сосредоточие дела в ведении Прод[овольственного] Комитета. Комитет Нар[одной] Власти, рассмотрев это заключение, присоединился к выводам Прод[овольственного] Комитета, и постановил для этой цели реквизировать хлебопекарню Неклютиной.

Вынесенное постановление, переданное впоследствии всем заинтересованным Учреждениям и лицам, вызвало много беспокойства как у г. Неклютина, хозяина этой хлебопекарни, так и у элемента наёмного, наиболее заинтересованного в сохранении предприятия в руках частного предпринимателя.

Комитет оказался в большом затруднении. Хлебопекарня оказалась закрытой, хозяин без вести пропавшим, работа стояла — город мог остаться без хлеба. Часть рабочих стояла за реквизицию, часть — против. Посоветовавшись между собой, президиум ввел войска в хлебопекарню, замки приказал сбить прикладами и приступить к работе.

Так было и сделано.

Однако это дело, не бывалое еще в хронике Самары, этим не окончилось. Не желая расставаться с таким доходным и необычайно хорошо организованным предприятием, которое отнималось у него теперь чуть ли не даром, г. Неклютин открыл настоящий хорошо продуманный поход против Комитета, и нужно, к чести его заметить, эта борьба никогда не выходила из

корректных, лояльных рамок. Об этой реквизиции заговорили в печати, в министерствах, в финансовых кругах и в прокуратуре. Президиуму грозило привлечение к ответственности... Из Петрограда требовали объяснений. Но с течением времени, с нарождением новых событий, более крупных, чем ликвидация хлебопекарни, отвлекших все внимание правящих кругов, это дело постепенно забылось.

Такую же концентрацию хотел провести Продовольств[енный] Комитет и в мясной торговле.

Убедившись, что первым препятствием такой реформы служит мясные лавки частных торговцев, Прод[овольственный] Ком[итет] вынес постановление о запрещении частной торговли мясом и о закрытии мясных частных лавок. Мясники этому постановлению не подчинились. Получив об этом уведомление от Прод[овольственного] Ком[итета] — Ком[итет] Народ[ной] Власти выслал роту солдат, но... солдаты, узнав в чем дело, повернули назад, и ушли в казармы, заявляя, что частные мясники ещё лучшее мясо отпускают, чем продов[ольственные] лавки, за что же их арестовывать...

Мясники стали наглее в своих действиях, а Ком[итет] осторожнее и нерешительнее. Благодаря этой нерешительности, частная торговля мясом продолжала существовать всё время, и Ком[итет] был бессилён справиться с мясной спекуляцией.

Много внимания и сил отнимали также обыски и реквизиции. Редкая неделя проходила без того, чтобы не было где-нибудь сделано облавы, обыска или налета, почти всегда кончающиеся жалкими результатами, находкой жалких остатков товара. В конце концов Ком[итет] Нар[одной] Власти, почувствовав бесплодность своей работы, отказался от этих налетов, сосредоточив это дело в ведении Разведочного бюро.

Правда, одного товара находили всегда с избытком — посуды из под спирта, самый же спирт, очень ценный и редкостный гость, всегда исчезал куда-нибудь в такие места, где он становился для нас совершенно неуловимым.

За последнее время существования Комитета, в сентябре — октябре месяцах спекуляция и мешочничество приняли такие размеры, что оно являлось общероссийским злом. Для борьбы с этим злом была организована особая продовольственная комиссия, которая должна была заняться исключительно борьбой с этой все возрастающей спекуляцией. С этой же целью были разбросаны по указанию Губерн[ского] Прод[овольственного] Комитета военные отряды, передвижениями которых заведовал особо выделенный при штабе охраны военный комиссар, находящейся в непосредственном подчинении у одного из членов президиума капитана Митрофанова. Насколько эти меры, вызванные крайней необходимостью, по настоянию Продовольственной Управы, были целесообразны и необходимы, судить об этом в данном очерке не берусь, а представляю это сделать тем, кто будет писать о продовольственном вопросе...

В таком направлении была работа Комитета Народной Власти в деле организации продовольствия.

Охрана города

Переходя дальше к последующему обзору деятельности комитета, я должен несколько подробнее остановиться на самой важной и главнейшей его функции из работы по городу, отнимавшей у него большую половину сил, времени и средств. Я говорю об охране города и о поддержании порядка.

Ещё в первый период русской революции, когда казалось бы, не должно быть места ни хулиганству, ни воровству, в Самаре стало развиваться с необычайной быстротой и то, и другое. Выброшенные из тюрем, из заводов и других заведений преступные элементы, пользуясь общей расшатанностью власти и ослаблением надзора за ними, проявляли свою деятельность с невероятной наглостью, устраивая нападения иногда среди белого дня. В особенности сильно развились карманные кражи. В вагонах, в театрах, в

кинематографах опасно было с деньгами показаться — сейчас же обернут; в квартирах — боязно спать, точно какой-то демон толкал их именно в такие квартиры, где в данную минуту меньше всего их ждали.

Пишущий эти строки сам, за эти пять-шесть месяцев был обобран дважды; в то время, как раньше за всю его жизнь, с ним этого греха ни разу не случилось.

Наряду с этим развивалось и пьянство, и хулиганство.

Все это, нервируя городское население и озлобляя его, создавало такую атмосферу, при которой трудно было жить и дышать. Начались самосуды, и с каждым днём, по мере нарастания воровства и дебоширства, они учащались и учащались, принимая иногда колоссальные размеры. Не раз эти самосуды готовы были перейти в погромы. Параллельно с этим, может быть вызываемые другими причинами, нарастала и распущенность в Самарском гарнизоне, принимавшая все более дерзкие и наглые формы, и вылившаяся, в последствии, в ряд погромов.

Комитет Народной Власти, принявший теперь на себя все функции административной власти, не мог относиться безучастно ко всему происходящему, и силою вещей был поставлен в самую гущу этих событий. В первые же дни его существования им был организован особый «Штаб Охраны», исключительно для охраны города и жителей. В начале, когда в то время его начальником был председатель Совета Воен[ных] Деп[утатов] Г.Т. Хрунин, функции его были несколько шире, и поэтому он являлся органом, до некоторой степени самостоятельным, независимым от президиума Комитета, но впоследствии, с развитием его деятельности — и деятельности советов, эти посторонние функции отпали и осталась только одна — охрана безопасности. С этого времени он всецело находится в подчинении у президиума Ком[итета] Народн[ой] Власти, и его начальником назначается один из товарищей председателя — капитан Митрофанов.

Его организация была такова: во главе находился начальник штаба, подчиняющейся непосредственно президиуму Комитета, адъютант, два помощника, секретарь — заведующий всем делопроизводством штаба и пять-семь дежурных офицеров.

Для экстренных надобностей каждый день дежурила пешая рота или полурота, смотря по настроению в городе, и эскадрон или половина — конных. Содержание этого штаба, вместе с продовольствием дежурящих воинских частей отнимало у Комитета большие средства, обессиливая и без того скудную его кассу; каждый месяц выходило от 3 — до 4 тысяч рублей. Конечно, для какого-нибудь общественного учреждения, вроде Земства или Городского Самоуправления, располагающего миллионным бюджетом — это небольшие деньги, но для Ком[итета] Нар[одной] Власти, органа — не получающего ниоткуда никаких ассигновок и доходов, и питающегося случайными поступлениями, — это колоссальные средства.

В чем же проявилась деятельность штаба охраны?

Не вдаваясь в описание конкретных случаев проявления им деятельности, — я ограничусь общим упоминанием об этом.

Во-первых, в вооружённой борьбе с самосудами [...]. Во-вторых — в вооруженной борьбе с пивными погромами, не раз имевшими место в Самаре. В-третьих — в обысках, в массовых облавах подозрительных кварталов, производимые в начале почти каждую неделю, и т. д. и т. д.

Эта работа отнимала у президиума столько времени и напряжения, что её хватило бы при других условиях на два таких учреждения, как Комитет Народной Власти. Редкий день проходил без того, чтобы не произошло где-нибудь какого-то эксцесса, где бы не потребовалось вооруженной силы и кого-нибудь из президиума. Редкая ночь проходила без того, чтобы не побеспокоили или начальника штаба, или кого-нибудь из товарищей председателя, или самого председателя. Такая работа, мало продуктивная и совершенно, пожалуй, бесполезная для нового строительства — отнимала у нас последние силёнки,

остававшиеся от дневной работы, а главное — нервировала и вышибала из душевного равновесия. Не успеете вы сосредоточиться на какой-нибудь работе, как вам сообщают, что там-то громят склад пивной «Восточную Баварию»; это не затихло, в другом месте — самосуд, в третьем — хвост собирается громять продовольственную лавку, в четвёртом — на базаре отыскивали товар и собираются разграбить и т.д., и т.д.

С этой же целью, с целью борьбы с развивающимся хулиганством и дебоширством, проявляющемся открыто на улицах города — Комитетом Нар[одной] Власти и Советами был издан особый приказ, в котором перечислялось, что граждане не должны делать. Этот приказ содержал 18 пунктов; между прочим в нём говорилось, что запрещается стрельба из оружия, появление в пьяном виде на улице, распитие крепких напитков и проч. Приказ грозил за указанные деяния строгой карой — от трех месяцев до полутора года тюрьмы.

Но странная участь постигла этот приказ!

Временное Правительство, ссылаясь на то, что он не был подписан Губернским Комиссаром, который только один и имел право, по мысли правительства, издавать подобные обязательные постановления, признало его недействительным. Комитет же Народной Власти, являющийся фактически полноправным органом, несущим на своих плечах всю тяжесть охраны — был лишен этого права. Получалось нелепое положение — власть и сила в руках Комитета, а юридическое право — в руках комиссара.

Ссылаясь на правительственное распоряжение местные правительственные учреждения и персонал судей отказались проводить положения приказа в исполнение. Создалось снова, не только уж двоевластие, но и анархия... Не видя иного исхода, ведущего к мирному урегулированию возникшего недоразумения между Комитетом и правительством, Ком[итет] Нар[одной] Власти решился на коренную меру. Игнорируя распоряжение правительства, создающего в губернии безвластие, Комитет создает свой

самостоятельный суд под названием «административного суда», исключительно для проведения в жизнь этого постановления, и совершенно независимо от местной прокуратуры. Создалась небывалая в летописях русской истории комбинация. В центре, откуда исходят распоряжения по управлению страной, существует Временное Правительство, признаваемое и уважаемое всеми, на местах — другая власть, признающая это правительство, но не исполняющая его распоряжений. Эта власть оказывается сильнее центра, ибо и милиция, и войско, и отдельные должностные лица становятся на сторону Комитета.

Организация Административного Суда, явившегося копией английских судов, вызвала много нападков, как со стороны местной печати, так и со стороны прокурорского надзора. Министерство юстиции, получив извещение об его организации, немедленно же затребовало от Комитета объяснений, и предложило местным судебным властям считать его не существующим. Дело дошло до того, что прокурор судебной палаты, во время своего посещения Самары, ознакомившись с его конструкцией, приказал освободить всех заключенных, содержащихся на основании постановлений этого админ[истративного] суда, и добавил, что если и впредь будут арестовывать и содержать в тюрьме по его приговорам — он будет привлекать к ответственности исполнителей таких приговоров: милицию и тюремную администрацию.

Однако, и то и другое учреждение, состоящее в непосредственном подчинении у Комитета, переговорив с президиумом его, не исполнили приказа прокурора, и продолжали по-прежнему считать для себя судебные приговора административного суда обязательными и имеющими законную силу. Арестованные сидели, как и раньше, отбывая положенный им срок, суд функционировал по-прежнему. Центральная власть второй раз получила посрамление.

Насколько это было хорошо или не хорошо — я не берусь судить, об этом скажет история, я лишь описываю факт в такой обстановке, в какой он происходил в действительности. В этом вся моя задача.

Организация административного суда была очень проста. Во главе суда в качестве его председателя стоял Мировой судья, приглашенный Комитетом Народной Власти — членами — представитель от Совета Воен[ных] Депут[ов] и представитель от Совета Раб[очих] Деп[утатов]. Вот и весь состав.

Заседания суда были открытые, публичные.

Работа, исполненная административным Судом, была колоссальна. Хулиганство, пьянство, спекуляция, бунт, торговля спиртом и т. д., и т. д.— все эти преступления и проступки проходили через его руки. Не было дня, в который бы не было рассмотрено три — четыре дела. Польза, принесенная им жителям города по борьбе с преступностью, по моим убеждениям, очень большая. Кстати, чтобы покончить раз навсегда с административным судом, добавлю, что функционировал он до самого октябрьского переворота и с организацией Советской Власти — умер естественной смертью.

Были ли подобные суды в других городах — мне точно неизвестно, но по полученным мною сведениям в Министерстве Внутр[енних] Дел, можно полагать, что Самара один из немногих городов, где существовали подобные организации.

Высшую деятельность и творчество по организации охраны города Комитет Народной Власти проявил во время вторичных выборов в Городскую Думу. Опасаясь вторичного срыва какой-либо шайкой буйствующих элементов, какой имел место в первый раз, Комитет Народной Власти, по моему предложению, принял решительные меры, выработанные президиумом Комитета совместно с представителями Советов. Весь город ещё накануне выборов был разделен на участки по числу избирательных районов. Кажется на 23, и каждый такой участок был насыщен достаточным количеством вооруженной силы, с комиссаром от Комитета Нар[одной] Власти. Охрану

выборов взяла на себя рабочая дружина, организованная к этому времени Совет[ом] Раб[очих] Деп[утатов]. В самом Комитете заседал особый штаб, составленный из представителей всех Советов, Городск[ого] Самоуправления и Комитета Народной Власти. Этому штабу были представлены все полномочия вплоть до применения вооруженной силы, если это потребуется для охраны выборов. К счастью, к этим мерам не пришлось прибегнуть — выборы прошли спокойно.

На обязанности Комитета, как органа Революционной Неограниченной Губернской Власти, лежали также заботы и по охране безопасности и спокойствия в уездах и в городах уездных. Сознавая, что спокойствие г. Самары зависит от нормальной и спокойной жизни в уездах, оттого как там будет проходить организация новой жизни, — и, в частности, организация продовольствия, Комитет Народной Власти поэтому неуклонно следил за тем, чтобы жизнь в уездах проходила нормально и не нарушалась никакими выступлениями. Вспыхнувшие волнения или беспорядки ликвидировались всеми доступными Комитету средствами, даже с применением иногда вооруженной силы.

Такие волнения, наделавшие в свое время много шуму и доставившие не мало забот, как Центральным Властям, так и местным, были в следующих городах: в Новоузенске, в Николаевске, в Бугульме и в Бузулуке. В первых трёх городах ликвидация произошла без применения вооруженной силы, которой оказалось там в наличности недостаточно; в последнем — с применением таковой. В первых трёх действовали отряды из других городов, в последнем — из Самары.

Подробное описание этих событий, имеющих несомненный исторический смысл, будет дано в другой статье и другими авторами, я коснусь их лишь постольку, поскольку это нам нужно для уяснения того обаяния, значения и влияния Комитета Народной Власти, какое он имел на жизнь населения.

Поздно ночью, кажется в сентябре месяце, Губернский комиссар и Ком[итет] Нар[одной] Вл[асти] получили тревожную телеграмму, что в Бузулуке беспорядок, громят лавки, громят винный склад. Не вынося этого вопроса на обсуждение всего Комитета и, не спрашивая санкций других организаций, — президиум Комитета, в согласии с Губ[ернским] комиссаром, немедленно же распорядился отправить в Бузулук роту солдат под командой комиссара Ком[итета] Нар[одной] Власти подпоручика Светлаева. Рота немедленно без возражений отправилась.

Дня через два, рано утром, ещё затемно, я совершенно неожиданно был вызван в Ком[итет] Нар[одной] Власти. Придя туда, я там нашел Губ[ернского] ком[иссара] С.А. Волкова, Начальника Штаба кап[итана] Митрофанова и подпоручика Светлаева, возвратившегося из Бузулука. От него мы узнали, что в Бузулуке бунт, его рота стреляла, убила несколько человек, но под напором толпы, состоящей главным образом из солдат местного гарнизона, вынуждена была отступать и возвратиться в Самару за подкреплением.

Город был оставлен на произвол анархии. Зная, что каждая минута промедления может стоить десятка человеческих жизней и миллионных убытков, и что наша нерешительность может придать храбрости бунтующим, мы втроём решили действовать за свой страх и риск решительно; немедленно же нами было дано во все полки распоряжение, чтобы они приготовили по роте к выступлению. И нужно отметить одну характерную особенность. Все части, не спрашивая о причинах, о целях такого выступления, о наших правах на такие командировки, единогласно подчинились нашему распоряжению, и немедленно же приступили к приготовлениям.

Собравшийся днём совет из командиров всех частей и представителей всех советов санкционировал наше распоряжение, и к вечеру, часам к 8, три или четыре роты, точно уж не помню, 2 батареи легкой артиллерии, конный отряд всадников в сто — всего до тысячи человек — были готовы.

Такова была сила и влияние Комитета в это время.

Квартирный вопрос

Из других вопросов, отнимавших не меньше времени и организаторских сил, чем вопрос об охране населения, — был квартирный вопрос, принявший в одно время необычайно острые формы.

Докатавшаяся беженская волна, вызванная нашим стремительным отступлением на западном фронте, переполнила Самару до ещё небывалых до того времени размеров. Каждый день прибывали десятки семейств, разорённых, обездоленных, которые не имели ни угла, ни приюта. Вокзалы были переполнены. Комитет Нар[одной] Власти, комиссариат и милицию осаждали сотни просителей, не могущих нигде, вследствие гостеприимства обывателей, пристроиться. Люди ночевали на вокзалах, в садах и на улицах.

С ростом переполнения жилищ, вызванным бешеным потоком бегства из прифронтовых городов, возрастали и конфликты между квартирнанимателями и домохозяевами. Начались судебные разбирательства. Верные старым традициям; и, не имея права, как лица строго подчиненные известным законоположениям, поступать иначе, чем указано в этих законоположениях, судьи иногда с болью в сердце, выносили десятки постановлений о выселении. Среди бедного населения начался буквально стон и плач. Здание Комитета было переполнено этими плачущими. Не имея права, в силу своей органической связи с этими бедняками, отказаться от защиты прав обездоленных и от урегулирования этого острого вопроса, Комитет Нар[одной] Власти, как орган чуждый старым традициям, давно уже признавший, что в такую эпоху разрушения старых кумиров и законов, нельзя быть верным букве закона, ибо это значило бы совершать преступление против жизни. Теперь, в период общего строительства, нужно решать вопросы, сообразуясь с запросами жизни, а не с буквой старых уставов.

Исходя из этих соображений, Комитет Народной Власти издал приказ, что ни одно выселение не может состояться без согласия Комитета, и все приговоры судей, вынесенные до сего времени, приостанавливаются. Роль судей, таким образом, сводилась до минимума. Весь этот поток прошений и просителей, осаждавший раньше городских судей, направился теперь в канцелярию Комитета. Чтобы разобраться в этом потоке, грозившем захлестнуть новое учреждение, чтобы придать этому делу правильную постановку, диктуемую новыми условиями, при Комитете была организована особая квартальная комиссия.

Вначале эта комиссия действовала очень мягко и осторожно, полагаясь больше на благородство и отзывчивость обывателя. Роль её сводилась к простому посредничеству между спорящими сторонами. Но по мере роста квартирного кризиса и по мере того, как комиссия убеждалась в черствости и сухости горожанина, в том, что от него нельзя ожидать добровольной отзывчивости и готовности поступиться частью своего комфорта ради своего умирающего собрата — комиссия переходила всё к более суровым и радикальным действиям. В конце концов она вынуждена была прибегнуть к общему счёту квартир в городе и к принудительному вселению.

Учёт квартир с измерением площади и объёма комнат, был произведен с помощью учащихся и местных солдат. Эта мера, не понятая горожанами и истолкованная ими превратно, вызвала целую бурю недовольства и возмущения, как в обывательской среде, так и в кадетствующей печати... Местная дума, составленная наполовину ещё из старых гласных, забила тревогу, ещё более тормозя тем дело организации квартирного вопроса. Из центра снова посыпались телеграммы — с требованием дать объяснения и прекратить «беззакония». Комитету оставалось одно — или сложить руки и глядеть, как будут замерзать под его окнами его братья — бедняки, или же — в четвертый, или уже десятый раз, игнорировать Власть центра. Это

непонимание запросов жизни, непонимание того, что происходит на местах, — действовало на нас, местных деятелей, убийственно.

Комитет Нар[одной] Вл[асти] сделал последнее. Позабыв обо всех грозных предписаниях сверху и о той травле, которую подняла местная правая печать, Ком[итет] стал проводить намеченные им мероприятия по урегулированию квартирного кризиса еще с большей неуклонностью и настойчивостью. Приходилось действовать иногда очень грубо, с применением силы, выселяя одних и вселяя других. Таких случаев было много. Комиссия, состоящая, кажется, человек из 8-ми, была перегружена делами, работая ежедневно чуть не до вечера. Были иногда настолько запутанные и сложные дела, что на разбор их и на расследование уходили недели и месяцы. К каким только хитростям не прибегал обыватель, весь ушедший в сохранение своего «я», чтобы только не пустить своего брата. Его изобретательности позавидовали бы лучшие писатели. Сегодня ты узнаешь, что такая-то квартира свободна, реквизируешь ее, а завтра... оказывается в ней три месяца уже живет какой-нибудь врач, торговая контора и проч. Не успеешь открыть этой фальши, как оказывается в ней живёт сам хозяин, которому больше некуда деться... Разведёшь руками, и плюнешь...

С целью увеличения квартирной площади, а также и по другим соображениям, были закрыты все биллиардные. Сотни оставшихся без работы маркеров, подняли против комитета целую бурю, требуя от него заработка или вновь открытия биллиардных. Комитет, однако, остался непреклонным.

Трудно выразить работу Квартирной Комиссии, продолжавшуюся свыше полгода, в каком-либо количественном определении, но достаточно указать, что десятки профессиональных союзов, общественных учреждений, должностных лиц, получили помещение при её содействии. Те столовые, на которых теперь красуются вывески «Столовая общества Коопер[ативных] столовых», разместилась и открылась не без участия Комитета. Сама Городская Управа, которая так энергично протестовала против наших реквизиций, в это

же самое время обращалась к нам за помощью, прося реквизировать и для них помещение. Всего таких обращений было шесть. Этот необычайно любопытный факт, оглашенный мною в свое время на заседании Комитета в присутствии представителей от думы свидетельствует, с одной стороны, о том громадном влиянии Комитета, которым он пользовался в городе и, с другой, — о том кризисе, который переживала Самара в квартирном вопросе; если уж сама Управа, хозяин города, не могла найти помещения.

О жандармах и провокаторах

Теперь я коснусь еще одного очень любопытного дела: о жандармах и провокаторах.

С ликвидацией старого строя и старой власти, совершившей столько преступлений и злодеяний против народа, у новой власти, еще не окрепшей, возникла мысль о полной изоляции агентов старого правительства от политической жизни и о предании тех из них суду, которые являлись виновниками этих преступлений. По примеру центра более деятельные из них, занимающие полицейско-охранные посты, были арестованы и посажены в тюрьму. Арестованы жандармы и провокаторы.

Горы мук и страдания, горы трупов, воздвигнутые по вине этих предателей, бездна пыток, издевательств и унижений, пережитых лучшими нашими сынами русской революции — создали в сердцах людей такую к ним ненависть, которая не могла умереть в порыве общего ликования и всепрощения. Привычная боязнь, порожденная их продолжительной деятельностью, требовала и теперь особенной осторожности по отношению к ним. У всех было одно — непреодолимое желание убрать их подальше.

Поддаваясь этому общему настроению общества, отражая на себе все его переживания — Комитет Народной Власти постановил держать их неопределённое время, впредь до полного торжества революции. Вскоре же

после их ареста, была организована, исключительно для подобных дел — следственно-юридическая комиссия, куда вошли лучшие наши революционно настроенные юридические силы. Этой комиссии и было поручено расследование деятельности каждого в отдельности из арестованных.

Работала комиссия очень долго и усердно, и в деятельности большинства охранников не нашла состава преступления. Получалось комическое положение, преступники, совершившие ряд предательств, подлостей против свободы народа, отправлены сотни лиц в каторгу, на виселицу, оказывались по законам, изданным ими же самими, чистыми как голуби. Классифицировать, подобрать статью под их преступление нельзя было, наши юристы отказывались.

Сознавая невозможность их судить обыкновенным окружным судом, рассматривающим каждое дело с точки зрения статьи закона и недопустимость освобождения их безнаказанно, след[ственно]-юридическая комиссия нашла другой, и по моему, очень удачный исход.

Исходя из тех соображений, что преступление, совершенное ими — есть преступление против общества и главным образом против партий, комиссия постановила, что и судить их должно само общество и партии. Получив утверждение Комитета, Комиссия организовала общественно-партийный суд, который и должен решать о степени виновности каждого, и о формах наказания, не ограничивая себя никакими статьями закона, а руководствуясь в своих действиях исключительно велениями совести. К сожалению, этому суду не удалось разобрать и пяти дел, как организация этого процесса получила иное направление.

Но тут, чтобы дать читателю исторически точное представление об этом необычайно интересном процессе, я должен возвратиться немного назад, к тому времени, когда ещё ни о каких судах над ними не было и речи. В первых числах июля, в первые дни еще своей работы, президиум Комитета получил отношение от прокурора Окружного Суда, в котором он спрашивал — какое

предъявляется обвинение к арестованным и почему они до сих пор ещё не освобождены, в то время, как их коллеги в других городах давно уже на свободе. Он ссылаясь на распоряжение Временного Правительства, где предписывалось ко всем арестованным внесудебным порядком немедленно же предъявить обвинение, в противном случае немедленно же освободить их. За неисполнение предписания будут ответственны сами арестовавшие.

Президиум Комитета, как орган исполнительный, и связанный постановлениями общего собрания Комитета, не мог самостоятельно разрешить этого вопроса. Получив отношение прокурора, президиум экстренно созвал заседание Комитета Народной Власти, и передал обсуждение этого вопроса вместе с тем на заседание советов. Все советы и Комитет Народной Власти, как один человек постановили не освобождать арестованных. При своём решении все советы и Комитет руководствовались одними и теми же соображениями, что теперь в Самаре идёт волна самосудов, вызываемая именно безнаказанностью преступников, и, если освободить ещё жандармов и провокаторов, пользующихся наибольшею ненавистью демократии, то эти самосуды могут вылиться в погромы. Вместе с тем провокаторы и жандармы, как преданнейшие агенты старой власти, элемент — ненадёжный и для нового строя опасный, при первом же удобном случае могущий встать во главе контрреволюционного движения. Освобождение таких лиц, когда еще новая власть не окончательно укрепилась, недопустимо.

Об этом постановлении было сообщено прокурору и начальнику тюрьмы. Последнему вместе с тем предписывалось не освобождать заключенных до сих пор, пока не будет сделано предписание об этом президиума Комитета, откуда бы распоряжение об их освобождении не исходило. В случае освобождения арестованных без такового предписания, хотя бы по распоряжению судебных властей — начальник понесет строгую кару.

Положение начальника было, признаться, не из прекрасных. С одной стороны грозил расправой в случае неисполнения приказа, прокурор суда, с другой стороны — Комитет Народной Власти, орган еще более мощный.

Дело это, подогреваемое, очевидно, родственниками заключённых, всё осложнялось. Из Петрограда посыпались телеграммы с требованием дать объяснения нашему поведению. Прокурору предписывалось принять все меры, чтобы придать этому делу законный характер и, в случае, невозможности предъявлена к ним обвинения — освободить из под стражи. Наконец, во время своего посещения Самары — прокурор Саратовской Судебной Палаты, человек ещё новый, избранный революционной властью, ознакомившись на месте с этим делом, потребовал от нас в 24 часа предъявления обвинения, по истечении этого срока, если мы не мотивируем обвинения, заключённые им будут освобождены, о чём уже было сделано соответствующее распоряжение начальнику тюрьмы.

Начальник тюрьмы снова затревожился и спрашивал, как ему быть. На экстренном заседании Комитета было решено предписание прокурора игнорировать и заключенных содержать дальше; прокурора же просить, чтобы, не списавшись с Комитетом, не делал подобных предписаний, ставящих тюремную администрацию в нелепое положение и дискредитирующих его же власть.

В десятый или пятнадцатый раз центральная власть, столкнувшись с местной, почувствовала себя побеждённой. С этого времени, приблизительно с конца августа или начала сентября, это дело, как я сказал выше, принимает новый оборот.

Центральная власть, встретив непреодолимое сопротивление органов местной власти, и, убедившись сама в невозможности оставления их преступлений безнаказанными, — пошла на уступки в этом вопросе общественным организациям. В соответствии с общим настроением для ликвидации этих дел о жандармах и провокаторах были созданы при окружных

судах особые комиссии, которым и предстояло разобраться во всех этих залежавшихся делах о жандармах и судить или миловать их. Состав этой комиссии был таков: один член Окружного суда, один представитель от Земства и один представитель от Городской Управы — всего три человека.

Получив от Комитета следственный материал, комиссия приступила к работе. Но тут — опять недоразумение. Президиум Комитета Народной Власти не знал как ему быть — считать ли её постановления для себя обязательными, и, следовательно, освобождать всех, кого она признает нужным, или же, руководствуясь её заключениями, считать их для себя как руководство, как совет, освобождая только тех, кого найдёт нужным сам президиум. Вышло замешательство. Комиссия, разобрав первую серию дел, постановила некоторых из них освободить, а президиум Комитета задержал их. Начавшиеся переговоры с комиссией, которая была очень возмущена таким поведением президиума и считала свою роль при такой постановке совершенно излишней, — закончилось тем, что Ком[итет] Нар[одной] Власти передал эти дела в полное её распоряжение, считая её постановления, не подлежащими аннулированию.

Это постановление, явившееся безусловно уступкой центральной власти, совпало как раз с ростом влияния Советов.

Совет Рабочих и Военных Депутат[ов], узнав о решении Комитета, постановили его опротестовать, и, в случае противодействия Комитета, принять все меры к недопущению освобождения заключённых. Дальнейшие события, приковавшие к себе внимание всех классов, разыгравшиеся в октябре месяце, отодвинули дело о жандармах на задний план, и на время заставили совершенно позабыть о них. На поверхность оно выплывает уже после октябрьского переворота при Советской Власти.

Тюремное дело

В связи с делом о жандармах и провокаторах, я вкратце коснусь и тюремного вопроса, который также входил в функции Комитета.

Революционная волна, опрокинувшая все старые административные органы, выбросившая всех старых агентов полиции и жандармерии, совершенно не коснулась у нас в Самаре тюремной администрации, которая вся осталась на своих прежних местах. Комитет Нар[одной] Власти, взяв тюремное дело в свое ведение, главным образом его административную часть, ограничился только тем, что поставил там своего комиссара и удалил старую тюремную инспекцию. Высшие чины тюремной администрации и низший штат служащих остался старый.

В исполнение заданий Ком[итет] Нар[одной] Власти и требований, выдвинутых новою психологию масс, комиссар выработал новую инструкцию для тюремной стражи, значительно смягчающую тюремный режим и установил новый распорядок в тюремной жизни. Были предприняты некоторые шаги, чтобы наладить разрушенный переворотом работы, но в этой области ничего не удалось сделать. Признаться, на эту сторону тюремного дела Ком[итет] Нар[одной] Власти мало и обращал внимания. Главная его забота, определяемая настроением масс, была — поддержание в тюрьме порядка и дисциплины. В этом отношении Комитетом было сделано многое: урегулирована прогулка, улучшена военная стража и т. д.

Для поддержания порядка Комитет не останавливался иногда и перед суровыми мерами.

В конце лета, с ростом погромов, когда тюрьмы была переполнены солдатским элементом, начались голодовка и бунт. По моём приезде в тюрьму вместе с тов. председателя Совета Воен[ных] Деп[утатов], мне сообщили, что арестанты вышли из камер, открывши их известным им способом, и не хотят входить в них, требуя удовлетворения своих требований. Выслушав их объяснения, очень сбивчивые и сумасбродные, мы предложили им немедленно

же разойтись по местам. Арестанты отказались. Прождав ещё минут пять, данные им на размышления, мы приказали ввести войска и действовать силою оружия. Увидав перед собою щетину штыков, направленные прямо в них, арестанты разошлись. Голодовка через день закончилась полной уступкой со стороны арестантов.

С неменьшей беспощадностью относился Комитет и к тюремной страже, требуя от них исправности и исполнительности. Когда президиум Комитета узнал, что тюремная стража начинает манкировать своими обязанностями и нарушать установленную дисциплину, то, для восстановления прежней строгости и исполнительности, 28 человек из самых беспокойных, были удалены. После чего тюремная стража присмирела.

Вследствие этой неусыпной бдительности Комитета и энергичного отзывчивого содружества тюремной администрации, порядок в тюрьме был поставлен на такую высоту для такого хаотического времени, что приезжавший из Петрограда ревизор назвал его образцовым, Самарскую тюрьму — лучшей по чистоте и аккуратности из всех тюрем.

Для управления и руководства делами тюрем, Комит[ет] Народ[ной] Власти был создан особый тюремный комитет, но он оказался не жизненным, и вскоре умер.

В этом и выразилась вся деятельность Комитета по тюремному делу.

Приютское дело

Трехлетняя война, пожравшая миллионы человеческих жертв, и выбросившая на рынок сотни тысяч калек и больных — увеличила число сирот и вообще детей, нуждающихся в призрении и общественной помощи, до небывалых размеров. Как местные приюты, так и уездные каждый день осаждались сотнями просителей... Существующие приюты, содержимые по большей части на всевозможные пожертвования, но могли вместить и десятой

доли нуждающихся. Чтобы удовлетворить просьбы всей губернии всех вдов и сирот, потребовалось бы выстроить раза в три, в четыре больше новых приютов. Но строить их было некому и не на что.

Новая власть, на обязанности которой лежала организация этого дела, была так перегружена делами более острыми и важными, не терпящими отлагательства, что заняться серьёзно, основательно делом призрения, ей было некогда. Губернские представители Правительственной Власти, лишённые всякой свободы действий, и, не определив ещё точно своих обязанностей, ограничились в этом деле только тем, что созывали совещания, толковали об улучшениях, о новой постановке воспитательного дела и только, дальше этого в деле расширения призрения не шли.

Органы местного самоуправления также мало уделяли внимания и средств этому вопросу.

И вот — дело призрения как будто было забыто. И вся эта масса обездоленных, вдов и сирот, тотчас же по организации «Народной Власти», устремилась в Комитет. К нам приходили со всех концов губернии. Вначале мы отделялись только тем, что отсылали их по приютам, но потом с увеличением потока этого нельзя было делать — приюты отказывались принимать, тогда нам пришлось прибегать к очень грубым и решительным мерам, к которым, я уверен, вряд ли прибегала старая самодержавная власть. Получив отказ на своё предложение принять такого-то ребенка, с которым уже приходили к нам чуть ли не десятый раз, мы уже приказывали принять его без возражений, грозя в противном случае вселить его мерами милиции.

Но и эта мера оказалась недействительной, ибо два предмета, как сказано в учебнике физики, нельзя положить на одно и то же место. Вскоре мы убедились в этом на опыте. Между тем, число просителей к концу лета все увеличивалось и увеличивалось.

— Не можем принять, — говорили мы просительницам и просителям — нет мест...

— Как не можете! Какая же вы Народная Власть, — отвечали нам.

— Вы должны принять... мужа моего убили, так и кормите...

— Что ж поделаешь, подождите... Скоро настроим новых приютов...

Сходите в какой-нибудь приют.

Ворча и проклиная новую власть, которая также, как и старая «только умеет грабить и наживаться, а о бедняках не заботится», просительница с рыданиями уходила в другое место. Были и худшие сцены.

— Что ты?—спрашиваю я вошедшую женщину и молча стоявшую посреди кабинета.

Она молча показывает на двоих ребят.

— В приют идите, — робко говорю, сам не веря в то, что говорю, — может, примут...

— Трепалась я! — кричит женщина, сверкая глазами. — Будет! Побегайте сами. А не возьмёте — задушу вот на ваших глазах, и чёрт с ними...

Женщина, не выдержав, истерично рыдает.

Были и такие случаи, когда подобные просительницы, не получив определенного ответа, оставляли детишек в Комитете, и сами скрывались.

Так дальше не могло продолжаться.

Перенося всю горечь и тяжесть этой просительской волны на своих плечах, и, убедившись в плохой постановке дела призрения в Самарской губернии, Комитет Народной Власти, как орган народный, первый задумался над этим вопросом. Желая хоть сколько-нибудь упорядочить это дело и придать ему некоторую организацию, Комитетом были созваны представители всех учреждений и организаций, ведающих организацией приютов, с целью объединения дела призрения в одних руках. На этом совещании эта мысль была встречена сочувственно и для фактического ее проведения в жизнь — был создан особый орган «Объединенный Приютский Комитет», который и являлся, по мысли учредителей, верховным руководителем в губернии дела сиротского призрения.

Этим Комитетом, куда вошли местные деятели и деятельницы по благотворительности и представители демократических организаций, был предпринят ряд обследований всех приютов, давший очень убийственные результаты; выработан ряд проектов, докладов о новой постановке воспитания, образования и т. д. К сожалению, довести до конца этой идеи — сосредоточения приютского дела в одном органе, нам не удалось; не потому что, у нас не хватило энергии или организаторских сил, а потому что на пути к этому делу встал ряд непреодолимых препятствий. И самое главное из них — непризнание Комитета Времен[ным] Правительством и, вследствие этого, лишение всяких ассигновок, без чего Приютский Комитет являлся мертвой организацией.

Отсутствие средств — это было величайшее зло, душившее в зародыше всякие попытки Комитета к организации.

На изыскание средств для увеличения и расширения приютов Комит[етом] Нар[одной] Власти было много приложено усердия и изобретательности. Здесь в городе президиумом Ком[итета], при участии З.В. Мусиной и др. был устроен ряд благотворительных спектаклей, концертов, лотерей и гуляний в Струковском Саду, дававших всегда хорошие сборы. Однажды был организован «День приютов», в который все театры, кинематограф и цирки — отчислили положенный процент в пользу детей воинов. Всего было устроено до 15 вечеров и гуляний, давших в общем до 20 тысяч чистой прибыли.

Не удовлетворившись этим и желая обеспечить приюты более постоянным и надежным доходом, Ком[итет] Нар[одной] Вл[асти] ввёл во всех кинематографах и театрах обязательный налог в пользу приютов, начинавший давать изрядные суммы. По губернии по всем волостям были разосланы подписные листы, с предписанием произвести подписку и устроить сбор продуктами. Какие результаты дала бы эта мера, встреченная между прочим очень сочувственно населением, трудно сказать, ибо в самом начале её

проведения в жизнь она была прорвана октябрьским переворотом. Начавшие поступать подписные листы с довольно значительными суммами говорили о том, что население откликнулось на призыв Комитета. И эта мера оказалась очень реальной.

Из этого краткого очерка, не затронувшего ещё всех сторон деятельности Комитета, читатель видит, что функции Комитета были необычайно велики и многогранны. Не было такой области, с которой бы он в той или другой степени не соприкасался. И не потому это произошло, что Комитет стремился захватить всё в свои руки, а потому, что условия, созданные революцией, выдвинули его на это место и заставляли быть универсальным. Выдвинутый из самых низов демократии, построенный на новых революционных началах, он был единственным органом, не заражённым старыми бюрократическими порядками, где всегда можно было найти, если не удовлетворение своим просьбам, то искренний братский совет. Поэтому все сердца и устремились к нему.

С чем только в Комитет не приходили!? Шли с квартирным вопросом, найти комнату или помещение под торговое заведение. Поругались с хозяином, который не хочет починить клозета — жаловались в Комитет; квартирант беспокойный, поздно ночью приходит — в Комитет... Раздрался муж с женой — в Комитет... Ищут тот и другой защиты.

— Защитите меня от него, — жалуется жена, — это аспид какой-то.

— Я не буду с ней жить, — заявляет муж, — теперь новые права... Выдайте мне развод...

И когда президиум заявляет, что это не его дело, он в семейные отношения не вмешивается — раздаётся целый град брани и упреков.

— Это не народная власть... Это хуже старой полиции... — кричит раздражённая жена, — и тут свою руку держат...

— Какая же вы после этого Народная Власть... Вы всё можете... Нет справедливости... — потрясая руками, возмущается муж...

Работу ли найти, хлеба ли вывезти из Самары, товар ли получить, добиться отпуска на полевые работы — все это требовалось от Комитета. В результате, Комитет по мысли всех этих просителей получался чем-то всемогущим, всеобъемлющим властелином — для которого нет ничего невозможного... Это и суд, и законодатель, и администратор.

В особенности ярко эта мысль выявилась в следующей истории.

Однажды утром, в середине или и конце июля, когда была объявлена мобилизация второразрядников; выйдя из квартиры я увидел громадную толпу солдат, окружавшую здание Комитета. Шум стоял невообразимый; лица были возбужденные, злые, у меня сердце стукнуло. «Ну, — думаю, — бунт».

Войдя в Комитет и узнав в чём дело, я и Брушвит вышли к ним на улицу.

— В чём дело,— спрашиваю я, — Вы спрашивали председателя — вот он, перед вами...

Раздался такой крик, шум, что ничего нельзя было разобрать, видны были только возбуждённые лица, со сверкающими глазами и размахивающими руками. Наконец, после всеобщего шума, накричавшись, некоторые замолчали и можно было разобрать отдельные голоса.

— Собрали вот нас... Воевать, говорят, а какие мы вояки, — кричали некоторые — оторвали от полей... В самую то есть пору... Теперь уборка идёт, а тут иди... Разве так можно делать... Это гибель России. Нужен, — кричат, — хлеб, армия голодает, а сами отрывают... Пусть отсрочат. Пусть дадут докончить работу, тогда мы слова не скажем, пойдём. Ослободите... г-н председатель!..

Наконец мы поняли, чего от нас требуется.

— Мы этого не можем сделать, — заявляет Брушвит. — Что же делать... Это дело военных властей, ... а мы гражданская власть. Сами будем отвечать, а вас за дезертиров сочтут.

Это заявление вызвало такую бурю негодования и возбуждение, какого я еще в жизни никогда не видел.

— А-а! не можете! — кричали иступленно солдаты. — Врете... Вы все можете. На то вы и народная власть... Теперь наши права... что хотим то и делаем... Вы наша власть... Вы все должны мочь...

— Вот схватить его за брюхо-то, — кричали более решительные, приближаясь к нам, — тогда он сможет... Видишь, не может. Кто этому поверит. Небось, все в ихних руках. Ишь, не может, — ехидно перешептывались в стороне, — как же, поверим...

Этим заявлением нам, однако, не удалось отделаться от них, несмотря на наше искреннее желание... Пришлось целую неделю потратить на то, чтобы убедить их в том, что власть поступает разумно, значит, так нужно, неизбежно, и Ком[итет] Нар[одной] Вл[асти] не может отменить этого распоряжения.

И так всюду, во всех вопросах.

П.Д. Климушкин.

Я. Тисленко. Русскому народу

В твоих руках судьба всех вешних воль,
Творить и цвести — возможность без границы.
Зачем же вновь, как пьяная блудница,
Ты сам себе изыскиваешь боль?

Когда прилив качнул крылатый бриг,
И парус-конь вздыбил к лазурной тверди,
Возможно ль пить из горькой чаши смерти
И долг творца забыть хотя б на миг?

А ты забыл...

И вот он, — перст судьбы:

— Там, где еще вчера бросал ты вызов миру,
Сегодня дерзкий враг алмазную порфиру
Сдирает с плеч твоих, без шума и борьбы.

А дальше — скорбный путь под тяжестью креста,
Того, что сотни лет ты нёс из рода в роды,
Пока перед тобой опять во Храм Свободы
Судьба не распахнет тяжелые врата.

Март 1918 г.

П.Д. Климущкин. История аграрного движения в Самарской губернии

I. Вместо предисловия

Прежде чем приступить к изложению истории аграрного движения в Самарской губернии, я позволю себе, в виде предисловия, остановиться несколько времени на состоянии сельского хозяйства в нашей губернии до переворота и на тех способах и методах, которыми пользовались наши частновладельческие, казенные и крестьянские землевладельцы в этот период. Попутно мне придется коснуться и того вопроса, который само собою невольно возникает из предыдущего вопроса: о будущем нашего сельского хозяйства при дальнейшем применении старых методов.

Такое отступление нам необходимо для того, чтобы понять, почему именно аграрное движение у нас в губернии приняло такие формы, а не другие какие, и, понявши, определить, на сколько оно было естественно и целесообразно.

Самарская губерния представляет из себя тип крупного частного землевладения. Из всех 13 милл. десятин, находящихся во всей губернии у лиц и учреждений, частным владельцам принадлежит 3 1/2 милл. десятин, (3590631) — исключая отсюда земли отрубщиков и инородцев. Земель удельных, казенных, церковных и других учреждений насчитывается также около трех миллионов. Земель крестьянских — 6 миллионов. Значит добрая половина земель, принадлежащих Самарской губернии, находится в руках частных лиц и учреждений, не обрабатывающих собственным трудом; у лиц, которым она нужна была как средство эксплуатации трудящихся.

Число имений, между которыми распределяется частновладельческая земля, в 1895 году насчитывалось 5760. Если всё количество земли,

принадлежащей этим именьям, мы разделим на это число, то получим кругленькую цифру в 615 десятин на каждое имение. Это такое количество, которое в Западной Европе считается громадным богатством.

Типы частновладельческих имений по своей количественной величине у нас очень разнообразны. Есть имения в 200—300—500 десятин, как будто для нашей Самарской губернии очень маленькие, и есть в 5000—10000—в 15—20 тысяч и больше. Есть районы, как например, Самаровско-Кольцовский в Николаевском уезде, где одному и тому же землевладельцу принадлежит по несколько имений подряд, каждое тысячи в 3—4. Если вы сольете эти имения, а оно в действительности очень часто так и бывает, то получится колоссальнейшее имение тысяч в 30—40 десятин, которое могучим кольцом охватывает целый десяток сел, с несколькими тысячами в них трудящихся.

Рядом с такими гигантами, существуют и крохотные владения в 200—300 десятин.

Типы сёл и общин, по количеству душевого надела, существуют также нескольких разрядов. Я насчитываю их по меньшей мере четыре разряда.

Есть общины, имеющие душевого надела по 15—20 и 25 десятин и даже больше, — общины многоземельные, зажиточные, не нуждающиеся в частновладельческих землях; есть с 8—10—12 десятинами на душу — общины со средним душевым наделом, уже с некоторой потребностью в частновладельческих землях; есть общины с малым душевым наделом: в 6—4 и 2 десятины, голодающие общины, у которых вечный спрос на посторонние земли. И, наконец, — есть общины, главным образом из бывших помещичьих, у которых совершенно не имеется никакого душевого надела, или же имеется такое количество, которого хватает им только на дворовые постройки и огороды. Это так называемые безземельные общины, живущие исключительно за счет арендуемой ими у частных лиц земли и заработной платой в соседних экономиях.

Правда, таких общин, к счастью, у нас по губернии не много, но всё же достаточное количество, чтобы задуматься о них.

Интересно сопоставить отношение крестьянских общин к частновладельческим имениям. Результаты получаются поучительные. На 2364 общины частновладельческих имений приходится 5760, то есть на каждую крестьянскую общину 2 1/2 частновладельческих имения, кольцо довольно мощное, чтобы держать русское крестьянство в известной зависимости.

Способы использования, частновладельцами своих земель всем известны. На них я не буду останавливаться, а укажу лишь на характерные черты этих форм.

Статистика Самарской губернии показывает, что большинство частновладельческих земель самими их владельцами, хотя бы при помощи наемного труда, не обрабатывается, а сдается в арендное пользование крестьянам или мелким арендаторам, в виде годовой аренды или долгосрочной.

Если мы заглянем в эти цифры, то увидим, что площадь частновладельческой запашки необычайно пала в сравнении со всей площадью принадлежащей им земли.

В 1911 году, указывает нам статистика Губернского Земства, частновладельцами из всех 3 1/2 милл. десятин принадлежащих им, было распахано ими самими — 266283 десятины, в 1912 году — 201328 дес., в 1913 году — 183342 дес., а в 1914 году, за год до войны — только 140000 дес., т. е. лишь одна двадцать пятая часть принадлежащей им земли, иначе говоря по 24 десятины на каждое имение. Количество далеко не утешительное для защитников частновладельческого хозяйства, и утешительное для тех, которые боялись, что с ликвидацией частновладельческого земледелия Самара погибнет от голода.

И это количество, ещё нужно добавить, с каждым годом падает всё ниже и ниже.

Значит, три миллиона десятин с лишним из частновладельческих земель и около трех миллионов казенных и удельных обрабатывалось у нас в Самарской губернии силами и средствами крестьянского хозяйства.

Каждый год народ оплачивал около 6 миллионов десятин, не принадлежащих ему земель. Подсчитаем же, сколько это стоило нашему Самарскому крестьянству.

Самый распространенный способ использования частновладельческих земель, практиковавшийся у нас в губернии до последнего времени это способ — аренды на год. Каждая десятина сдавалась только под один посев за большие деньги. В некоторых местах, в особенности в пригородных кругах эта аренда доходила до 60 и 70 рублей за десятину; в более отдаленных кругах до 30 — 40 рублей, которая в некоторых уездах считалась нормальной ценой. Низшая плата, существовавшая в некоторых многоземельных уездах до революции за средние земли была 4 — 5 рублей. Если взять эти цифры вместе, высшую плату в 30 рублей и низшую в 4 и разделить пополам, то получим среднюю плату в 17 рублей. Допустим, что мы немного ошиблись, и сбросим еще 2 рубля — и все же и при такой комбинации получится кругленькая сумма в 15 рублей десятина.

Эту цифру мы и примем за среднюю плату.

Высчитываем дальше. По нашей трёхпольной системе, существующей в Самарской губернии, частновладельцы, при самых скромных аппетитах, могут сдать из 3 1/2 миллион. — 1 1/1 милл. Допускаем, что полмиллиона из них негодной земли, каковая не может быть использована ими, то все же сдастся миллион десятин; сдавая по 15 рублей десятину — мы получаем (т. е. не мы, а помещики) ежегодно арендной платы 15 милл. руб.

Прибавьте сюда еще ту сумму, которую они получают за другой миллион, сдавая его под покосы, выгоны и т. д. Каждая десятина покоса за последнее время перед войной стоила у нас в среднем два — три рубля. Значит,

плюс еще два — три миллиона получаем — 17-18 миллионов рублей, которые частновладельцы каждый год извлекали из крестьянского кармана.

Земель удельных, церковных, государственных около 3 миллион[ов]. Принимая во внимание, что эти земли сдавались в долгосрочную аренду в среднем по 2 р. 40 к. за десятину, пахотную, не пахотную, получим и за эти земли по меньшей мере около 6 миллионов.

Итого, каждый год Самарское крестьянство выбрасывало из своих карманов на содержание г.г. владельцев и великих князей громадную сумму в 22 — 23 миллиона рублей — это по меньшей мере. Считая класс земледельческий в Самарской губернии за три миллиона душ получается на каждую живую душу, мужскую и женскую и детскую — около 8 рублей в год, а на дом в 5 — 6 человек — 30 — 40 руб.

Выводы сами собою напрашиваются.

Остаётся еще сказать, что способы использования земель при такой арендной системе, были ужасны. Каждый землевладелец, независимо от его состояния, заботился лишь о том, чтобы побольше выжать арендной платы из крестьян в данную минуту. Земли распахивались без всякой системы и планомерности. Мне известны случаи, когда одна и та же десятина распахивалась без всякой передышки по пяти — шести раз подряд. Само собою понятно, что такой способ эксплуатации земель привёл бы нас неизбежно к полному истощению наших лучших черноземных земель и к неизбежной катастрофе нашего сельского хозяйства.

Обременительна эта система была еще и потому, что в силу сложившихся обстоятельств треть арендной платы каждый крестьянин, арендующий землю у владельца, должен был внести заранее, при заключении условия. Зная условия нашего сельского хозяйства, его безденежье, ту осторожность, с которой затрачивал каждую копейку наш домохозяин, мы с полной основательностью можем сказать, что эта форма аренды была одной из главнейших причин, препятствующих широкому увеличению посевной площади.

При таком состоянии нашего сельского хозяйства нас захватила революция.

II. Революция и настроение в деревне

Революционная волна, так высоко поднявшаяся среди городского пролетариата, скоро докатилась и до Самарской деревни. Проснувшееся крестьянство, робко озираясь назад, стало внимательно присматриваться к новой обстановке и первый взгляд его упал на лежавшую перед ним земличку. Вечная мечта о кормилице земле, лелеянная им сотни лет во времена еще самодержавия, снова воскресла в уме крестьянина и зашевелила его мысли. Мечта о том, как бы получить теперь её, как бы завладеть ею навеки, принимала с каждым днём все более реальные и настойчивые формы. Этот лакомый кусок, который так долго мучил его думы, теперь лежал у самых его ног, раздражал его воображение и звал к новым перспективам.

Хранитель и верный сторож этого лакомого куска, помещик, этот грозный истукан, забронированный раньше огнем и сталью, наводивший на него ужас и трепет, теперь, раздавленный, сам лежит пред ним во страхе и ждёт своего смертного приговора. Поддерживающая старый земельный порядок сила, являвшаяся сдерживающим аппаратом крестьянских стремлений — притворная сама ждёт его мощного голоса. Сила эта на его стороне...

Крестьянин инстинктом понимал это соотношение сил и своё значение. Но вот — что скажет начальство? Эта вечная боязнь «начальства», это вечное трепетание верхов и в данную минуту играло громадное значение в его психологии. Боязнь, что «начальство» — может отнестись к этому недоброжелательно, играло сдерживающую роль в его аппетитах на землю.

Нужно правду сказать — наше крестьянство, воспитанное в духе строгого подчинения власти, необычайно привыкло к порядку, любит этот порядок и стремится всегда к одному, чтобы всё делалось «по закону», «по совести».

Это настроение в то время ещё было сильно, пока его не разбили последующие события. Это настроение, господствующее по всей губернии и удерживало крестьян от самовольных захватов и грабежей в первые дни революции. Этим и объясняется, что в течение почти двух месяцев, при полном отсутствии какой-либо власти и сдерживающего аппарата, во всей губернии не было ни одного крупного эксцесса, ни одного разграбления.

Эту эпоху можно назвать — эпохой аграрного покоя и нарастающего настроения.

Не малую роль играло в этом отсутствии аграрных беспорядков конечно, и время года. Был февраль, март месяцы, когда жгучие вопросы деревни о лугах и пашне начинают только просыпаться.

Первый крестьянский съезд

В такую эпоху собрался Первый крестьянский съезд. Первый съезд несомненно служит нам верным отражателем крестьянского настроения, господствовавшего в то время и его взглядов на земельный вопрос. И если вы внимательно просмотрите протоколы этого съезда, все речи ораторов, то увидите, с какою ещё осторожностью и неуверенностью, приступали к нему крестьяне. Во всех речах и постановлениях чувствуется глубокое уважение к Верховной Власти и сдержанность по отношению к чужой собственности. Видно было, что деревня не вполне почувствовала свои силы в свою роль в судьбах русского Государства, и что аграрный вопрос ещё не стоит так остро, как он встал потом перед вторым крестьянским съездом. Осторожность, с которой они подходили к этому вопросу, говорила ещё и о том, что они его считают себе не под силу.

Перед первым Крестьянским Съездом стояли две задачи: первая — увеличить площадь посева, как призывало к этому Временное Правительство, и вторая — предотвратить надвигающуюся волну аграрных беспорядков.

И та и другая задачи стояли перед участниками съезда во всей своей грозной форме.

Первая задача была выдвинута надвигающимся голодом и голодными бунтами и беспорядками в городах.

Этот вопрос встал во всей своей наготе перед всей Россией и главным образом перед Самарской губернией, как поставщицей хлеба. Старое беспечное правительство довело Россию до такого состояния, что России неизбежно угрожала катастрофа; в стране, по преимуществу земледельческой, чувствовался громадный недостаток в хлебе. Нужно было спасти страну от голода. Призыв к этому Временного Правительства, почувствовавшего весь трагизм положения, раздавался как набат по всей России. Этот призыв сыграл громадную роль на первом крестьянском съезде. Все его постановления по аграрному и продовольственному вопросам носят явные следы этого призыва.

Вторая задача была выдвинута нарастающим в деревне настроением и самим крестьянством, приехавшим из всех уголков Самарской губернии.

Участники съезда, прибывшие из самой гущи крестьянского населения, знали и понимали, что деревня, почувствовавшая свои силы, не будет больше переносить старых земельных порядков. Если не принять соответствующих мер и не пойти ему навстречу, не организовать этого движения, то настроение деревни может вылиться в нежелательные резкие формы и принять такой поворот, который кроме анархии и разрухи, ничего деревне не принесёт.

Старый порядок земельных взаимоотношений, выжимающий из крестьян последние соки и поддерживаемый вооружённой силой, дольше не мог оставаться в силе. Он был настолько тяжёл и обременителен для трудового крестьянства, что защищать его и во времена царизма приходилось штыками и нагайкой. Такими средствами, само собою понятно, новое правительство в первые же дни свободной жизни, не могло поддерживать сгнившего строя. Первый съезд это понимал прекрасно и поэтому встал на правильный путь, на путь изыскания новых форм взаимоотношений.

Работа первого съезда по аграрному вопросу сводится к следующему. Земля должна находиться в руках трудового населения; окончательное решение вопроса о форме землевладения принадлежит Учредительному Собранию и тем законодательным учреждениям, которые им будут созданы.

Немедленно должны быть прекращены всякие сделки по купле-продаже внегородских частновладельческих земель и приостановлен выход на отруба.

В целях наилучшего обеспечения родины хлебом и сохранения гражданского мира в стране, немедленно до решения вопроса в законодательном порядке должно быть сделано все возможное для увеличения посевной площади, для наилучшего использования выгонов и лугов...

Инвентарь, если землевладелец не сеет сам и не желает сеять, передается организациям – Волостным Комитетам Народной Власти. Обсеменение незасеянных полей производится из запасов уполномоченных.

Это – общие положения. Далее следуют пункты, в которых говорится тех практических мероприятиях, которые должны быть предприняты, чтобы провести эти положения в жизнь; между ними выделяется один пункт: «Волостные Комитеты, говорится в этом пункте, обследуют в своей волости все пахотные земли.... И если выяснится, что часть земель их владельцами в наступающий посевной период засеяна быть не может, а в волости имеются селения и лица, желающие произвести на этих землях посев, Волостной Комитет Народной власти немедленно отбирает земли на нижеследующих условиях».

Из этого пункта и других мы видим, что частная собственность на землю остается еще неприкосновенной. Ее прежние владельцы, распорядившиеся раньше землями бесконтрольно, остаются по-прежнему распорядителями своих земель, и могут на них засеивать и сдавать сколько им угодно лишь излишки; незасеянные, не сданные ими, изымаются из их распоряжения, и поступают в распоряжение нового претендента. Коренной ломки, таким образом, в правовые отношения между крестьянами и собственниками, этими правилами еще не

вносится, остаются в силе прежние. Самое большое и важное из этих ограничений то, что излишки земель, которые не могут быть засеяны ими самими, отбираются Волостными Комитетами, и передаются в распоряжение крестьянства, которое распоряжается ими по своему усмотрению, как захочет, не спрашивая на то согласия хозяина.

Ограничение необычайно разумное и целесообразное для того времени, когда обострившиеся отношения между деревней и владельцем могли заставить последнего и не сдавать этих излишков.

Однако на этом крестьянский съезд не остановился. Большим и спорным вопросом в это время был вопрос об аренде. За эти два года войны арендная плата поднялась до бешеной, небывалой еще высоты. В некоторых уездах, как я говорил уже выше, она дошла до 60 — 70 рублей за десятину, причем одна треть должна быть внесена в виде задатка до посева. Оставить этот вопрос в прежнем положении — это значило бы оставить беднейшее крестьянство без посева или же подтолкнуть его на разгромы. Нужно было найти какой-то компромисс, чтобы так или иначе этот вопрос урегулировать и крестьянский съезд этот компромисс находит. «Цены на землю, говорится в постановлениях съезда, могут быть определены, исходя из цены на эти участки перед войной с понижением на три четверти»; «такое значительное понижение — говорится дальше — диктуется Государственной необходимостью, громадным риском со стороны посещика, обеднением крестьянского хозяйства рабочими силами, несоответствием цен на городские товары и хлеб. Как видите, в этом вопросе руководили, главным образом, государственные соображения, а не только местные интересы.

Дальше следуют пункты о лугах и о разрешении споров. Ничего существенного они в себе не содержат, а развивают только мысли, изложенные в основных положениях.

В вопросе о лугах помещику предоставляется также право оставлять сколько ему нужно для потребления своего хозяйства, включая, очевидно, сюда

и поставку другим лицам и учреждениям, и только излишки передавать в распоряжение Комитетов. Значит, и в этом вопросе его преимущества остаются ненарушаемыми.

Итак, сделав общую сводку постановлений первого съезда, мы видим, что аграрное движение и запросы крестьянства на нём приняли такую форму, которая являлась наиболее отвечающей потребностям и задачам данного момента и наиболее обеспечивающей сохранение государственных интересов; форму, которая являлась приемлемой не только для широких слоёв крестьянства, но и для Временного Правительства. Этим может быть и объясняется, что Временное Правительство, хотя официально и не утвердило этих постановлений, но относилось к ним терпимо и доброжелательно, не так, как к правилам второго Крестьянского Съезда.

III. Значение постановлений Первого Съезда для губернии

Какую же роль сыграли эти постановления в жизни Самарского крестьянства и вообще губернии?

Русская революция, разбив старые законы и порядки, не успела еще создать к этому времени новых законов, регулирующих жизнь деревни. А между тем, в этих законах в это переходное время являлась громадная потребность. Не установить никаких правил общежития, в особенности, в столь сложном вопросе, как земельный, значило бы предать деревню, привыкшую жить по норме в руки анархии.

Этим законом и являлись правила первого съезда.

Целых полтора месяца, а это очень много для такого бурного времени, как русская революция, постановления первого съезда были единственным законом, регулирующим взаимоотношения крестьянства с частновладельцами. Трудно себе представить, что могло бы случиться, если бы не существовало этих постановлений.

Влияние их на деревню огромно, без них не разбиралось ни одного дела.

Я помню такой случай. В одной волости, куда съехались крестьяне для решения своих земельных вопросов, делопроизводитель, или, по прежнему, писарь, затерял экземпляр этих правил. Послали в соседнюю волость за другим экземпляром. Ждали долго, утомились. Наконец, кто-то не выдержал и заметил:

— Давайте решать без них...

— Что вы!!! — С испугом набросились на него все. — Как можно... Сделаешь что-нибудь не так, тогда что же получится?

Из этого дружного крика удивления, который невольно вырвался из уст всех собравшихся, я понял, что эти правила для них не пустая бумажка, как мы полагали в городе, а действительный закон, авторитетный мощный голос.

И так прождали до поздней ночи, пока не возвратился посол с правилами.

При существующей высокой арендной цене и заведенных порядках — платить треть вперед — многие бедняки и, в особенности, вдовы и солдаты, могли засеять очень мало, а некоторые и совсем могли остаться без посева. Теперь, устранив это препятствие, правила дают возможность засеять всем без исключения. Сеяли все, кому только не лень было. Засеяли даже те, которые раньше никогда даже и не занимались земледелием, как-то: сапожники, портные и т. п. И в этом их главное значение.

По статистике Губернского Продовольственного Комитета увеличение посевной площади выразилось в таких цифрах.

Ржи было засеяно:

1916 г. — 872173 дес.

1917 г. — 1110884

Пшеницы:

1916 г. — 1850609 дес.

1917 г. — 2346217

Всех пяти хлебов:

1916 г. — 3179889 дес.

1917 г. — 4009789

Больше, чем в предыдущем почти на целый миллион.

Это такие цифры, которые при скромном урожае дали бы нам лишнего хлеба в 50 — 60 милл. пудов.

Этого мало. Посевная площадь 17 года, несмотря на сокращение в деревнях рабочих рук, превышает посевную площадь 1911, 1912 и 1913 годах предшествующих войне с избытком.

Так в 1911 г. всего было засеяно по данным Губернского Земства 4199 тыс. дес., в 1912 г. — 3979000 дес., 1913 г. — 4206000 дес., а в 1917 г. — 4325200 дес. (всех хлебов).

Во все три года площадь посева была значительно меньше площади 17 года на круглую цифру в 100 — 200 тысяч десятин.

Я указываю на эти три года потому, что в один год могло быть случайным это увеличение. Оно могло произойти вследствие того, что к этому времени могли возвратиться некоторые годы с фронта. Но целый ряд годов с меньшим количеством, говорит уже о том, что это увеличение не случайность, а явление, вызванное какими то особыми причинами.

Это увеличение могло быть следствием естественного прироста населения, обычно происходящее каждый год. Но в данном случае это не могло иметь места, ибо весь этот прирост с значительным количеством основного населения, находился на театре военных действий и, следовательно, значительного влияния на увеличение посевной площади не мог оказать.

Этой причиной, несомненно, явились постановления первого съезда, давшие возможность увеличить весеннюю запашку на громадную цифру в 500 — 600 тыс. десятин.

IV. Перед Вторым Съездом (май месяц)

С наступлением весны и приближением покосов, отношение крестьян к земельному вопросу стало изменяться. Общая революционная волна, достигшая в это время в городах высшего напряжения, докатившись до деревни, оказала на крестьянские массы значительное влияние. Настроение в деревне стало подниматься. Старые земельные правила, изданные первым крестьянским съездом, оставлявшие еще по прежнему помещика хозяином своих лугов и сохранявшие ненавистную арендную плату, не удовлетворяли крестьянство. Почувствовавшей свою силу и слабость врага деревне нужно было видеть проявление этой силы в каких-либо реальных и осязаемых формах. Свобода для него была неразрывна с землей, старые уступочки уже не удовлетворяли.

Прежняя робость «высшего начальства», так много места занимавшая вначале революции, стала теперь с каждым днем слабеть и падать и заменяться новым чувством — чувством уверенности в своей силе и в своих правах на эту землю. Каждый новый день, приносящий им все новые и новые победы, убеждал их, что «начальства», как большого, так и малого, бояться, собственно, нечего, это начальство будет бессильно справиться с их мощью, оно и не посмеет выступить против нее.

Рабочее движение, завоевавшее восьмичасовой рабочий день, сыграло в повышении требований крестьян большую роль. Видя, что рабочие не ожидают разрешения своих экономических нужд никакими законодательными учреждениями и берут все с боя — крестьяне приходили к заключению, что и им нужно поступать также: «Что ж, говорили мне крестьяне — мы будем ждать, платить, а рабочие будут брать, они не ждут. Чего же мы будем ждать».

Ждать было нечего, ибо в верхах — Временное Правительство, по-прежнему сыпало телеграммами, что частная собственность неприкосновенна;

что частная собственность священна — и оставляла этот вопрос по-прежнему не разрешенным.

Положение местных органов Власти было нелепое; с одной стороны, всеми сознавалось, что старые формы правовых отношений в земельном вопросе не могут удовлетворять крестьянство, сохранение их неизбежно поведет к анархии и беспорядкам; с другой стороны — власти предписывают сохранять этот порядок, а неисполнение их предписаний дискредитирует эту власть и ведёт также к анархии. Получалось топтание на месте.

Видя это топтание и робость, с которой подходили власти к земельному вопросу, крестьянство отчаялось в своих ожиданиях и само взялось за разрешение этого вопроса на местах.

Во время своей поездки по губернии в начале мая я захватил это движение уже в полном разгаре. Я был поставлен перед такой стихией, которая ломает на своем пути всё, пытающее задержать её или остановить. Вот что я тогда писал в своём докладе в Совет Крестьянских Депутатов по возвращении из этой поездки.

« ... С первого же дня выяснилось, что самый больной и животрепещущий вопрос в настоящее время в деревне — это вопрос о распределении лугов и покосных угодий. Не имея готовых форм и строго определенной инструкции о пользовании таковыми угодьями, крестьянство находится в некоторой растерянности. Оно не знает как использовать эти свалившиеся к ним богатства. Не получив никаких указаний свыше, они начинают прибегать к излюбленному способу захватов и самовольных потрав. На этой почве происходят недоразумения и пререкания, обостряющие отношения крестьянства. С первого же дня я убедился, что оставить деревню без помощи на произвол судьбы было бы преступлением с моей стороны, это значило бы ввергнуть деревню в анархию и разруху».

Почти везде и всюду я наблюдал одно и то же. Поднявшаяся деревня, почувствовав за собою силы, перестала признавать частных владельцев за

хозяев. Луга отбирали в общее пользование и распределяли между всеми. Там, где это по каким либо причинам не удавалось сделать, или потому, что землевладелец препятствовал этому, или же сами крестьяне еще не решались на такой смелый шаг, — начались потравы, вытаптывания, уничтожались самые лучшие покосы без всякой жалости. Самарской губернии грозила опасность остаться без сена.

— Что же вы делаете? — говорил я в одной деревне. — Ведь вы себя губите.

— А что ж... нам смотреть что ли... — отвечали мне с каким-то озлоблением и решительностью. Целоваться что ли с ним?

— Но ведь вы себе вред делаете... себя губите!

— И пусть.... а платить мы ему не будем.....

— Вы же и будете голодать!

— Нам не привыкать.....

И это говорилось с такой настойчивостью и уверенностью, что я нисколько не сомневался в том, что именно так и будет.

Во многих сёлах отношения получались еще сложнее. Владелец, пользуясь правом собственника, и, основываясь на распоряжениях Временного Правительства, сдавал принадлежащие ему луга одному селу, а их захватывали и претендовали на них крестьяне другого села. Начинался спор уже между селами, большей частью кончающийся опять-таки уничтожением покосов. К счастью, крестьяне скоро сами поняли, что такой порядок разрешения наболевших вопросов не может дальше продолжаться. Нужно было искать другие формы, регулирующие взаимоотношения деревни и предупреждающие острые столкновения. Такой формой явилась организация районных съездов.

С организацией районных съездов аграрное движение принимает более организованные и устойчивые формы. Все недоразумения, возникающие между селами, отдельными лицами и владельцами, поступают на их разрешение. Крестьянство, испугавшееся начавшихся неурядиц, и вообще привыкшее к

мирному способу разрешения своих вопросов, подчиняется им очень охотно. Но вместе с тем и решение земельного вопроса принимает вполне определённое и ясное направление. Все луга и земли частновладельцев поступают в полное распоряжение этих съездов и распределяются ими по своему усмотрению. Владельцы, как хозяева, устраняются совершенно от распоряжения своими землями, и самим им отводится столько, сколько приходится по выработанной норме на общем основании. Для иллюстрации привожу выписку из протокола одного такого районного съезда.

«О лугах. — Все луга без исключения поступают в распоряжение комитета. О распределении лугов постановили: распределить луга по количеству наличного скота пропорционально. Владельцам оставляется на общих основаниях на [на]личный скот».

Вот и ещё одна.

«Выписка из постановления Кабановского Волостного Комитета Народной Власти о порядке пользования бывшими помещичьими и частновладельческими выгонными землями и отвод ее, — которую я, как историческую ценность, привожу всю целиком.

1) Отменить торги на выгонные и укосные угодья, предоставив эти земли нуждающемуся в них населению волости, всех близко лежащих селений, хотя бы и разных волостей, по ценам, установленным Волостным Комитетом: на выгонные земли по 1 руб. 50 коп. за десятину в 4000 квад. саж., на укосные же цены определить по выяснении ее роста на месте;

2) Отвести каждому селению волости по числу имеющегося скота из расчета по 3 головы на десятину в 4000 кв. саж., указать каждому селению межи; при чем в случае перегона скота, за назначенные межи, как целыми табунами, за которые отвечает пастух, так и отдельными лицами, на виновных накладывается штраф в пользу Волостного Комитета Народной Власти в размере 1 руб. в первый раз, 2 руб. во второй и 3 руб. в третий раз с каждой головы.

3) В первую голову отводится бывшим помещикам и частновладельцам по одной десятине в 4000 кв. саж. на 3 головы крупного рогатого скота, для мелкого же скота по одной десятине в 4000 кв. саж. на 9 голов.

Для исполнения этого постановления командируются Волостной Комиссар Тимофей Автомонов Носов и с народной милицией со всеми полномочиями.

4) В случае неисполнения кем-либо из служащих бывших помещиков и частновладельцев законных требований Волостного Комитета, в отношении пользования их землями, лугами и выгонами и лесом, то таких лиц немедленно отстранять от занимаемых ими должностей Постановлениями Волостного Комитета».

Этот протокол от 8-го Мая.

Таких постановлений к нам в Комитет Нар[одной] Вл[асти] и Сов[ет] Кр[естьянских] Деп[утатов] поступало со всех концов Самарской губернии десятки. Из них мы видели, что в деревне происходит страшно упорная ломка, идёт громадная творческая работа по выработке новых норм землепользования.

Такая ломка происходила во всех уездах. Вот, например, что заявил представитель Новоузенского уезда, одного из самых многоземельных уездов, где казалось бы вследствие многоземелья не должно быть места никаким захватам, на заседании Земельного Комитета от 27-го июня: «Временные Правила Губернск[ого] съезда о пользовании землей для Новоузенского уезда оказались запоздавшими — до издания их население в большинстве случаев, приступая к распределению частновладельческих земель оставляло за владельцами столько земли, сколько он обязывался обработать и беспорядков при таком разделе не было. Сенокосы распределялись как на частновладельческих, так и на надельных землях, по количеству голов скота, при чем во время сенокоса была проявлена тенденция взять в ведение Комитета Народной власти и земли казенные».

Для нас было очевидным, что второй крестьянский Съезд, созываемый Сов[етом] Кр[естьянских] Депут[атов] на 25-е Мая, будет поставлен перед совершившимся фактом.

Второй Крестьянский Съезд

Второй Крестьянский Съезд собрался в такую эпоху, когда в некоторых местах земельный вопрос был уже разрешен в положительном смысле, в других он только еще вставал на очередь. Анархия в таких деревнях нарастала с быстротой ужасающей. Старые правила, вынесенные первым Съездом, потеряли свое обаяние и не могли уже удовлетворять Самарское крестьянство. «В деле Совета уже с ранней весны, — говорится в отчете Сов[ета] Кр[естьянских] Деп[утатов], — хранились дела о потраве, о порубках леса и прочее, поступали жалобы из Бугурусланского уезда и др. Жаловалась помещица Осоргина, Усаковская, землевлад[елец] Куроедов и др. Призрак страшных аграрных беспорядков носился над губернией». Во многих губерниях эти кровавые беспорядки уже начались. Нужно было и у нас искать выход, чтобы предотвратить эту угрозу.

Положение было критическое. Временное Правительство продолжало бомбардировать нас запугивающими телеграммами: «По полученным в Министерстве сведениям, говорится в одной из таких телеграмм, полученной как раз в это время, функционирующие в разных местностях Самарской губернии под наименованием Исполн[ительного] Ком[итета] Нар[одной] Власти уездные и волостные организации издают правила, определяющие порядок, способы и условия частного землепользования, дают предписания владельцам... Такие распоряжения названных Комитетов аннулируют и ограничивают право собственников и владельцев недвижимых имуществ и являются актом.... явно незаконным».

Телеграмма эта была прочитана на Съезде, однако никакого впечатления она не произвела на него. Настроение съезда настолько было решительное и бесповоротное, что участники съезда, игнорируя эту телеграмму, решили пойти против распоряжений Временного Правительства, но взять эту стихию в свои руки и придать ей организованные формы, чтобы не допустить в Самарской губернии аграрных беспорядков, «призрак которых уже носился над губернией». Сознание опасности чувствовалось всеми настолько остро, что оно сыграло решающую роль в решении судеб Самарской губернии. Все ораторы, около 40 человек, высказывались в одном направлении в том духе, что земля должна быть взята немедленно на учёт, если же этого не сделать — беспорядки в губернии неизбежны. Все крестьяне ждут только постановления съезда.

Об этом же и с такой же категоричностью говорили и все привезенные делегатами наказы с мест числом около двухсот штук, и которые до сего времени хранятся у меня как историческая ценность.

«Благоразумные речи товарища Игаева, — говорится в отчёте об этом съезде, тов. председателя гр. Панюжева — вызывали протест, — не действовали».

Даже резолюция Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, составленная в декларативно-напыщенной форме, не указывая прямого выхода из создавшегося положения, — не удовлетворила.

«Так нельзя было говорить, — продолжает тот же автор, — с губернией, где течёт многоводная Волга, где веет вольный дух Стеньки Разина, где исстари бродила вольница в вольных степях».

Для характеристики настроения съезда, приведу небольшие выдержки из речей некоторых ораторов.

«Я думаю, — говорит крестьянин Егоров, — что земля неразрывно связана со свободой... С землей нужно покончить сейчас же»...

«Если мы теперь не возьмём земли, — говорит другой крестьянин, — то мы можем в будущем её не получить. Социал-демократы — рабочие, нам

говорят, что мы должны ждать получения земли, сами поступают далеко не так — заработанную плату они теперь же увеличили, потому и мы не будем ждать».

Этот аргумент приводился потом многими другими ораторами и сыграл большую роль на крестьянском съезде.

Представители магометанства высказывались в том же духе. «Прошу обратить внимание — говорил Мухамет-Мустафиев, представитель Самарского татарства — и послушать о земле... Если мы сейчас земли не возьмём, то прощай наша земля и воля».

«...Деревня волнуется, — говорил представитель колонистов, — бросаются друг на друга. Если вы сейчас не разрешите этого вопроса — гибель будет».

И так все ораторы.

В приведённых речах ораторов, действительно сказалось общее настроение крестьянства Самарской губернии, сказался дух времени и знание народного быта: в них вылилась та страстная тоска о земле и боль, которые веками мучили русское крестьянство и давили его сознание; порой в них смешалось негодование и, пожалуй, гнев веками затравленного зверя-человека, но не было ни призыва к анархии, как многие потом говорили, ни отрицания государственности порядка.

Многие пытались потом объяснить постановления 2-го Съезда моим «дурным влиянием на крестьян и влиянием тов. Брушвита». «Если бы не они, говорили потом эти господа и даже люди партийные, этого бы не было».

Наивные люди, замечу я кстати. Как они просто разрешают такие сложные и великие вопросы! Если бы не было Климущкина и Брушвита — был бы Иванов, Петров, Сидоров и т. д, ибо и я, и Брушвит явились лишь простыми выразителями воли собравшихся, истолкователями того мощного движения, которое широкой волной поднималось из самых недр народа. Наша роль заключалась только в том, что мы, поняв неотразимость этой стихии, её

неорганизованность, вполне сознательно, отдавая себе отчёт и, руководствуясь глубокими принципиальными соображениями, встали во главе этого движения, и постаралась придать ему осмысленный, организованный и безболезненный характер. Заслуга ли в этом наша или вина — об этом скажет история.

Несомненно одно: вопрос этот гораздо сложнее нежели его представляют себе очень многие, и объяснять его развитие влиянием одного или двух человек значило бы не понимать законов истории.

Теперь рассмотрим, в какие же формы и выражения вылилось народное настроение, его запросы и требования в земельном вопросе на втором Крестьянском Съезде.

V. Временные правила пользования землей

Второй Крестьянский Съезд по примеру первого оставил после себя временные правила пользования землей до Учредительного Собрания.

Временные правила землепользования, выработанные съездом, имели колоссальное значение для жизни всей Самарской губернии. Они, можно сказать, сыграли историческую роль в её судьбах. В своё время вокруг них создалось столько шуму и борьбы, что Самарская губерния, благодаря им, заняла в глазах Временного Правительства и русского общества особое место, место в разряде сепаратистских губерний. Поэтому ограничиться кратким изложением этих правил, или просто упоминанием о них, было бы с моей стороны большим преступлением, постараемся остановиться более подробно на них.

Сущность временных правил можно выразить в следующих выражениях.

Общие положения

«В основу деятельности впредь до созыва Учредительного Собрания Волостные Комитеты и другие учреждения должны положить не интересы одного села или волости, а благо всего трудового народа и всего государства. С этой целью они должны руководствоваться следующими правилами:

Пункт 1-й. Немедленно должны быть прекращены всякие сделки по купле — продаже земель, а также торги и залоги их и вообще всякий переход земельной собственности из одних рук в другие и приостановлен выход на отруба.

В этом пункте ничего еще «антизаконного» нет. Такой же указ был издан и Временным Правительством.

Пункт 2-й говорит об организации дружин, товариществ и т. п. Ничего существенного в правовые отношения он не вносит.

Пункт 3-й. «Все заключённые до сего времени на землю контракты, договоры и условия, долгосрочные и годовые считаются не действительными и условия, долгосрочные и годовые считаются не действительными и никакой силы обязательства не имеют впредь до окончательного решения этого вопроса Учредительным Собранием.

Этот пункт, уже, как видим, вносит в земельные отношения деревни много нового, существенного. Им сразу же убиваются все существовавшие до сего времени обязательства и права собственников сводятся до минимума. Этим второй съезд, собственно говоря, сделал то, что по законодательным нормам, не отмененным пока еще, могло сделать только Временное Правительство, но отнюдь не самочинный съезд, как тогда его называли официальные органы.

Но всё же самое существенное, важное, нанесшее окончательный удар частной собственности, содержится в следующем 4-ом пункте.

Он гласит:

«Все земли частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские и церковные и вообще все земли, необрабатываемые собственным трудом, немедленно же поступают в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таковых нет, то Комитетов Народной Власти, которые и становятся от сего времени фактическими распорядителями их впредь до решения этого вопроса Учредительным Собранием. Поименованные земли составляют общий народный фонд, из которого и будут удовлетворяться потребности населения».

Этот пункт, как верно выразился один из участников съезда — «душа земельных правил». Им окончательно и, может быть бесповоротно, ликвидируются все права частных владельцев и их преимущества.

В начале, в редакции комиссии, в этот пункт были внесены и земли колонистов, отрубщиков и инородцев. Особенно сильное озлобление вызвали г.г. отрубщики, и руководителям съезда больших усилий стоило, чтобы исключить эти земли из этого пункта. В конце концов упорство крестьян было сломлено, и земли колонистов и инородцев были исключены; а относительно земель отрубщиков было вынесено компромиссное решение, в котором говорилось, что им оставляется их земель столько, сколько они могут обрабатывать силами своего хозяйства.

П[ункт] 7-й еще рельефнее и резче выражает мысль, высказанную в четвертом, и как бы дополняет ее.

«Владельцы поименованных в п. 4 земель, говорится в нём — совершенно устраняются от распоряжения принадлежащими им землями и сами обрабатывают только те земли и то количество, какое будет указано им земельными комитетами...»

В дальнейших пунктах говорится о том, как и между кем, распределяются эти земли. Существенного в них ничего не содержится и поэтому я не буду на них останавливаться.

Вкратце изложу сущность других отделов.

Об инвентаре

Весь инвентарь частных владельцев живой и мертвый берётся на учёт земельными комитетами и владельцам оставляется такое количество, какое им нужно для обработки засеянных ими полей; излишки поступают в распоряжение местных комитетов, которые и передают их на льготных условиях неимущему населению.

О лугах

Все луга, в чьём бы они раньше ведении ни находились, поступают в распоряжение местных общин, и распределяются между всеми гражданами не по числу человеческих душ, а по числу наличного скота в данном хозяйстве. Неимущим, главным образом солдаткам и вдовам, дабы дать им возможность обзавестись скотиной, дается лугов на одну корову и на одну лошадь.

Вот в кратких словах сущность этих отделов. Теперь ещё один пункт и «Временные правила» закончены. Этот пункт об арендной плате.

[Арендная плата]

«Арендная плата, говорится в пункте первом этого отдела, за пользование землями, поступившими в ведение местных комитетов — отменяется; все же государственные и земские налоги, лежащие на этих землях, обязано нести население, пользующееся поименованными землями, кроме лежащих на них недоимок».

В особенности большую ненависть проявили крестьяне к арендной плате. Когда участники съезда узнали, что земельная комиссия, выбранная ими для

разработки временных правил, вводит в свои правила арендную плату за частновладельческие земли, то они пришли в большое возбуждение.

— А-а..., вот они какие ... наши защитники-то — говорили крестьяне о руководителях съезда — на словах только хороши, ... а как до дела дошло, так за помещиков... Вон изменников..!

Нам было опасно показаться.

— Да как же... — старались уговорить их — ведь он платит земству, казне...

— Мы сами будем платить! в пять раз заплатим больше — только «не ему», довольно платили — кричали разошедшиеся мужички и сколько их ни уговаривали, не могли убедить в необходимости арендной платы.

Так арендная плата и была провалена.

Как видит, читатель, из краткого изложения этих правил, основной принцип их резко и отчетливо противоречил всем тем телеграммам и приказам, которые исходили в это время от Временного Правительства. В них дерзкой и смелой рукой сделано то, за что не решалась взяться верховная власть. Ими уничтожались все те права и преимущества частных собственников, которые так бережно оберегались старым Шингаревским Министерством, которые еще сохранялись постановлениями 1-го съезда.

Отныне Самарская губерния, благодаря принятым земельным правилам, становится в резкую оппозицию к Временному Правительству.

Отныне Временное Правительство смотрит на Самарскую губернию, как на губернию с уклоном к сепаратизму, как на губернию, стоящую на первом месте в разряде не благонадежных губерний в аграрном вопросе, стремящихся к разрешению этого вопроса путем захвата и насилия. «Самарская республика» становится ходячим выражением в кругах правительственных и буржуазных.

VI. Проведение в жизнь Временных Правил

Крестьянство встретило Временные правила с необычайной радостью. Вздох облегчения невольно вырвался из груди всей Самарской губернии. То напряженное состояние, которое нарастало в деревнях до второго Губернского Съезда, теперь с решением земельного вопроса начинает переходить в нормальные формы. Гроза, собиравшаяся над Самарской губернией и вспыхивающая было уже отдельными искрами, пронеслась над губернией бесшумно, не разразившись, оставив легкие следы согретой атмосферы. Взмолвленная деревня снова получила те крепкие и справедливые законы, без которых она так стремительно покатила было в пропасть.

«Деревня приняла ваши правила с необычайным энтузиазмом, — писал мне вскоре после съезда один учитель из Ставропольского уезда. — Началась новая осмысленная жизнь. Недоразумений не происходит...».

«Ваши правила встречены у нас сочувственно, — писал другой мой корреспондент, — фельдшер из Николаевского уезда. — Именно то, что нужно деревни... Может быть потому так и радуются, что угадали Вы их мысли.... Всё идет прекрасно. Ждут решения районного съезда...».

«Товарищ К., ... земное Вам спасибо от нас, — пишет один крестьянин мне из Бугурусланского уезда по поручению своих односельчан... — Вы прямо нас спасли от братоубийства».

Таких писем я получал очень много и мог бы привести целые страницы подобных выписок из них, но думаю, что достаточно и приведённых, чтобы дать понятие отношение деревни к временным правилам.

Десятки и сотни приговоров сельских и волостных сходов — говорится в том же отчете Совета Крестьянских Депутатов, который я не раз уже цитировал — поступившие с мест, ясно указали Совету, что правила самим народом властно проводятся в жизнь, и что только они одни способны предотвратить анархию.

Очень ценные сведения дают об этом представители уездных земельных комитетов, непосредственно принимавшие участие в этом движении и лучше, чем кто бы то ни было, знающие настроение деревни. Для того, чтобы полнее и всестороннее осветить отношение крестьянства и местных организаций к временным правилам, что имеет для нас весьма крупное значение, я постараюсь привести некоторые выдержки из их докладов.

«Бузулукский Уездный Земельный Комитет — говорит председатель Управы Сафонов — собравшийся 13 — 17 июня, всецело принял положения 2-го Крестьянского Губернского Съезда. — Предварительное обсуждение последних в общем и по пунктам привело почти к единогласному решению, что только таким путём, который наметило себе многочисленное крестьянство, можно придти к благоприятному решению вопроса, без крупных эксцессов, только таким путем можно сохранить спокойствие в населении уезда... Мало того, Бузулукский Уездный Земельный Комитет находить, что этот путь правилен, ибо идя по нему, крестьянство помимо того, что увеличит площадь посева на 1918 г., — удовлетворит также и нужды малоземельных и безземельных....»

В таком же тоне высказались представители и Самарского, и Николаевского, и Бугурусланского уездов.

Доклад представителя Новоузенского уезда, в котором он заявляет, что постановления 2-го съезда оказались для их уезда запоздавшими — я уже приводил, следовательно, иного отношения как доброжелательное в этом уезде и не может быть.

Представитель Бугульминского уезда заявил следующее: «Бугульминский уезд, как известно, не присоединился к постановлению 2-го Самарского Губернского Крестьянского Съезда, но при всех своих постановлениях Уездного Земельного Комитета, следуя требованиям жизни, не только имел в виду принципиальные решения этого съезда, но проводил программу съезда, не подчеркивая того».

После принятия земельных правил в деревне началась необычайно крупная деятельность по проведению этих правил в жизнь. Вся губерния была покрыта сетью районных или волостных съездов, на которых луга и земли распределились по общинам и рассматривались все возникающие между селами недоразумения. Жизнь забила новым горячим ключом. Но эта волна, бодрая, мощная, волна жизни и деятельности, не пугала деятелей Самарского крестьянства, ибо в ней они видели желанное творчество народного духа и его самодеятельность.

Вместе с тем недоразумения между селами и конфликты между общинами увеличились, ибо крестьянству впервые пришлось практически осуществлять великий и сложный вопрос. Десятки агитаторов и комиссаров Совета Крестьянских Депутатов выехали для мирного разрешения споров на места и для организации районных съездов. Конфликты были по большей части все несложные, происходящие или вследствие непонимания правил 2-го съезда, или вследствие неорганизованности еще крестьянства... Некоторые из них разрешались одними делегатами без созыва районных съездов, другие при помощи этих съездов. Но все без исключения были разрешены мирно, без кровопролития и вооружённой силы.

Чтобы не быть голословным и понятым неправильно, я приведу некоторый фактический материал, который удалось собрать мне в Совете Крестьянских Депутатов и Комитете Народной Власти.

Всего, в период со дня издания временных правил и по август месяц, приблизительно, конфликтной комиссией при Совете Крестьянских Депутатов разобрано 370 ходатайств и конфликтов между населением и владельцами земель. Для большой наглядности постараюсь разбить их по категориям.

I. Из этого количества дел 119 — ходатайств солдаток, вдов и вообще бедняков, не пользующихся земельными наделами, и теперь ходатайствовавших об удовлетворении их таковыми с обязательством засеять

эти наделы, в чём им, по каким либо причинам препятствовало, или не удовлетворяло местное население.

II. 45 дел — конфликтов между отрубщиками и общинниками. Причём, нужно заметить, эти конфликты были самые сложные и острые, нередко кончающиеся потравами и поджогами. Ненависть к отрубщикам так сильно сказывалась в среде крестьянской, что не спасали от эксцессов и временные правила. Особенно острый характер они носили в Бугульминском уезде.

III. 3 дела между целыми волостями.

Все конфликты между волостями возникали на почве распределения частновладельческих лугов. На одни и те же луга претендовало сразу несколько сел и ни одна из заинтересованных сторон не хотела уступить другой. Однако, с приездом делегированного Советом члена все конфликты улаживались мирно.

IV. 49 дел между помещиками частновладельцами и населением всегда кончавшиеся соглашением.

V. 2 дела между населением Самарской губернии и других: между Сызранской Городской Управой Симбирской губернии и населением Сызранских хуторов Самарской губернии из за лугов. Конфликты улажены примирением.

VI. 1 дело г. Самары и населения Чернореченской волости, Воскресенской и Лопатинской Самарского уезда об использовании принадлежащих частновладельцам пожней и Красноглинского имения. Этот конфликт как самый серьёзный, говорится в докладе конфликтной комиссии, — комиссия считает долгом осветить его более подробно. 25 июня с. г. согласно временных правил о землепользовании, выработанных 2 крестьянским съездом, по инициативе населения Воскресенской, Чернореченской и Лопатинской волостей в Засамарской слободе было созвано порайонное совещание, на которое были приглашены представитель Городской и Мещанской Управ, представители от Засамарской слободы, от Совета Крестьянских Депутатов, от

Продовольственного Комитета и владельцы пожней, на каком-то совещании и произошло распределение лугов.

При распределении совещание руководствовалось временными правилами о землепользовании 2-го съезда, т. е. предложило всем претендентам на эти луга представить удостоверения об имеющемся наличном скоте, но владельцы пожней и город, не признавая означенных временных правил, таковых сведений не представили, а потому и оказались при распределении обойдёнными.

Но когда они увидели, что могут остаться совершенно без сена, если не будут считаться с временными правилами, начали возбуждать ходатайство о выделении им лугов на их скот».

Что же это за конфликты и как они разрешались? Для некоторой характеристики приведу несколько таких наиболее типичных случаев.

1. Крестьяне с. Пестравки, Николаевского уезда, запахав свои земли и засеяв их рожью, постановили использовать еще земли частновладельческие. В силу ли старой привычки или придерживаясь постановлений Временного Правительства, Пестравцы обратились с предложением об отводе им участка к частновладельцу Сурошникову, который и согласился на это. На этот же участок претендовало и другое село, Колокольцовка, категорически запретившее сдавать земли без ведома их земельного комитета. Началось «дело» и тянулось целых две недели, кончившееся в конце концов самым мирным способом.

2. В Бугурусланском уезде есть прекраснейшее культурное имение А.Н. Карамзина, с конным заводом, с лесоразведением и засевом лучших семенных трав. Крестьяне окрестных сел, прельщенные барскими лугами, берут земли этого имения на учёт и оставляют помещику лугов столько, что оставленного хватит лишь на полгода. Из имения сыплются телеграммы, донесения. Снова едет представитель Совета на место и вопрос разрешается обоюдным соглашением.

По большей части такие донесения были значительно преувеличены.

3. «Три месяца тому назад, говорится в одном донесении, которое я почти целиком привожу — крестьяне нашего села, распропагандированные как следует безответственными ораторами большевистского толка, заявили скопом в недавно образованный поселок Березовку, избили (?) отрубщиков и потравили у них почти весь хлеб. После этого заперкинцы поделили между собой незасеянную землю, вспахали её и засеяли озимыми хлебами...»

4. «Между Марьинским обществом и Колокольцовским возник конфликт из-за лугов. И то, и другое село претендовало на один и тот же участок, ссылаясь, одно село на то, что эти луга к ним ближе, другое на то, что они издавна их снимают.

Конфликт грозил перейти в рукопашную схватку, но с приходом делегата разрешился самым миролюбивым образом: спорные дуга отвели и первому и второму обществу.

Как видит читатель из этого краткого обзора деятельности конфликтной комиссии, все недоразумения кончались мирным путем без кровопролития и без разгромов. Оговариваюсь, речь идёт только о периоде до сентября месяца. О дальнейшем — будет сказано в своё время.

Большую смуту в деревенские отношения вносили уездные комиссары и Комитеты Народной Власти. Почти все они были крайне удивлены радикальностью и резкостью решения 2-го съезда. Связанные служебным долгом и теми телеграммами, которые они получали от Министерства, большинство из них попыталось встать на формальную точку зрения и отделаться пустыми предписаниями о подчинении Времен[ному] Правительству и об исполнении его распоряжений. Попадая в деревню, эти телеграммы вселяли там, однако, большую тревогу и расстройство, разрушая подчас то, что было создано большими усилиями и продолжительной работой, и задерживая проведение в жизнь земельных правил.

Но были и такие комиссары, которые, оставаясь верными правительственным распоряжениям, оказывали самое энергичное и искреннее противодействие этим постановлениям. Не ограничиваясь только формальными разъяснениями, как это сделало большинство, они в каждом отдельном случае применения правил, становясь на сторону частновладельцев, отменяли их, и угрожали за проведение в жизнь вооружённой силой. Из деревень посылались тревожные вести, так что Комитет Народной Власти вынужден был обратиться ко всем уездам с грозным предписанием не препятствовать проведению правил 2-го съезда, в противном случае, к лицам, оказывающим таковые препятствия, будут применены суровые меры.

Как на пример такого противодействия можно указать на комиссара Николаевского уезда Медведева.

«Некоторая путаница — говорит представитель Ник[олаевской] Зем[ельной] Управы в своём докладе Земельному Комитету — при распределении получалась в силу разногласия между Уездным и Волостным Комитетами. Получилось такое положение в силу вмешательства Николаевского уездного Комиссара Медведева в намечающееся распределение земель..., но комиссар Медведев нашел действия в Земельном Комитете не законными и нетерпимыми, и слал свои предписания и грозил к ослушникам применить военную силу. Благодаря этому стороннему вмешательству произошла задержка в распределении и, следовательно, в запашках земли».

Это вмешательство Медведева вносило большую смуту в земельные отношения, так что Самарский Губернский Земельный Комитет вынужден был принять следующую резолюцию: «Самарский Г[убернский] Ком[итет], заслушав доклад члена Совета Крестьянских Депутатов гражданина Сидорова, а также заслушав предписание Медведева от 1) VIII — 1917 г. № 1678 на имя волостных организаций и Николаевского Комитета, постановил: обратить внимание г. Губернского Комиссара для принятия соответствующих мер, на то, что комиссар Медведев незаконно вмешивается в деятельность земельного

комитета и своими распоряжениями, далеко несогласованными с местными условиями, мешает работам земельных комитетов уезда».

Из уездных комитетов особенное противодействие пытался было оказать у[езд] Самарский, во главе которого стоял гражданин Голодковский. Не разделяя постановлений второго съезда, главным образом их радикальности в арендном вопросе, Самарский Ком[итет], по настоянию г. Голодковского, принял земельные правила Губернского Съезда лишь к сведению, постановив руководствоваться своими прежними. Для переговоров с председателем Голодковским, Советом Крестьянских Депутатов была назначена особая делегация, которая заявила, что если он и впредь будет вести такую же политику противодействия, то Губернский Комитет Народной Власти, не смотря на его высокое положение и выборность, вынужден будет не только устранить его от должности, но ещё и привлечь к ответственности как лицо, противодействующее революционному движению.

В конце концов, говорится в отчете Совета — жизнь победила, и ныне всюду в губернии земельный вопрос уладился вполне безболезненно: нет ни сожженных усадеб, [ни] расхищенных лесов и не было ни одной жертвы на почве дележа земли».

Большинство комитетов, как и комиссаров, осталось пассивно: ни содействовало, ни противодействовало. Но и эта пассивность, подчас ничем не объяснимая, приносила большой вред делу крестьянскому. Крестьянство, оставшись без ближайших руководителей и не получая от них никаких разъяснений, вынуждено было ощупью своими силами разбираться в этом сложном земельном вопросе. Отсюда происходило масса ненужных лишних недоразумений и конфликтов, которые при их горячем и энергичном участии могли бы не случиться. Дело организации крестьянства, таким образом, и проведение в жизнь земельных правил, тормозилось, хотя и бессознательно и помимо их видимого желания, самими местными революционными организациями.

Всю тяжесть работы по проведению временных правил принял на себя Совет Крестьянских Депутатов. Помимо того, что он нёс все письменные сношения со всеми волостями и уездами, на плечах Совета лежал и разбор всех конфликтов и споров и все практическое применение правил. Тотчас же по принятию временных правил и организации Исполнительного Комитета десятки агитаторов и советских комиссаров разъехались по деревням и принялись там за великую творческую работу по организации планомерного и безболезненного осуществления новых прав в земельном вопросе. Эта работа с таким напряжением продолжалась всё лето.

В самом Совете происходила не менее интенсивная работа. Каждый день заседала особая конфликтная комиссия и следила за всеми происходящими отклонениями от правильного понимания новых правил и спорами, посылая на место делегатов для улаживания.

И над всем над этим, как грозный страж, стоял Губернский Комитет Народной Власти, на разрешение которого и поступали все сложные и запутанные вопросы. Будущий историк и будущее поколение несомненно должны будут большое спасибо сказать этим двум организациям и в особенности Совету Крестьянских Депутатов за их великую, плодотворную работу, спасшую Самарскую Губернию от кровавых беспорядков.

Большую услугу делу аграрного движения в Самарской губернии оказал Губернский Земельный Комитет, организовавшийся значительно позже Совета Крестьянских Депутатов, и заставший в своей работе дело деревни уже налаженным, во главе которого встали старые испытан[ные] чл[ены] пар[тии] с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Поняв всю невозможность борьбы с народным движением и ту опасность, которая угрожала бы в случае его противодействия, Земельный Комитет присоединился к постановлениям 2-го Губернского Крестьянского Съезда, и стал проводить временные правила с такою же последовательностью и искренностью, как и Совет Крестьянских Депутатов, вдохновитель этой

политики. На одном из своих заседаний, от 17-го июля, им была принята следующая резолюция, которую можно считать программой действий комитета: «Самарский Губернский Земельный Комитет, читаем мы в протоколе за 17-е июля, сконструированный 28 июня 1917 года после того, когда населением Самарской губернии был усвоен общий план временного землепользования до Учредительного Собрания на основании правил, изданных 2-м Самарским Всероссийским Съездом в первую же сессию принял этот план в общих чертах к своему руководству для дальнейшей деятельности по урегулированию землепользования. Общего для всей страны закона о временном землепользовании, который отвечал бы властным требованиям русской жизни и исторически сложившемуся правосознанию народа, правительством не издано и до настоящего времени. Между тем разрешение возникающих на почве сельскохозяйственных отношений судебных споров на основании старых формально существующих, но отвергнутых жизнью и народным правосознанием законов в противоречии с общим планом землепользования, принятым в Самарской губернии, может причинить существенный вред делу продовольствия страны и несёт с собою лёгкую угрозу общественному спокойствию.

На основании вышеизложенного Самарский Губернский Земельный Комитет, принимая на себя охрану и проведению в жизнь общего — единого в пределах губернии плана временного до Учредительного Собрания, землепользования на началах постановления 2-го Крестьянского Съезда, на основании § 5 ст[атьи] VIII пост[ановления] Вр[еменного] Пр[авительства] об Учр[еждении] Зем[ельных] Ком[итетов], постановил:

«I. Изъять из ведения об[щих] судебных и мир[овых] учрежд[ений] все тяжбы и споры в пределах Самарской губернии, возникающие на почве земельных сельскохозяйственных отношений...».

Вместе с тем была послана телеграмма Министрам Вн[утренних] Дел и Земледелия, в которой также указывалось на целесообразность постановления

2-го съезда и на невозможность иным способом урегулировать создавшиеся земельные беспорядки, как только передачей всех земель в ведение Земельных Комитетов.

«Самарский Земельный Комитет, – говорится в телеграмме, – не имея возможности удерживать трудовое крестьянство губернии в его стремлении приближения к земле, считает необходимым немедленное издание декретом правительства временных правил пользования всеми угодьями земельного фонда. Трудовое крестьянство губернии в стремлении к уничтожению вековой несправедливости фактически на местах произвело распределение земельных угодий между нуждающимися. Земельный вопрос в Самарской губернии был на рассмотрении двух Губернских Крестьянских Съездов, которые ставили целью ввести крестьянское движение в более правильное организованное русло. Постановления второго Крестьянского Съезда по жалобам отдельных заинтересованных лиц товарищем Министра Внутренних Дел телеграммой за № 37411 на имя комиссаров отменено. Отмена на местах создаст серьезное волнение большинства трудового крестьянства...

После того, как справедливые требования жизни приведены на местах в исполнение, Губернский Земельный Комитет ходатайствует согласно пункта первого ст[атьи] 3 постановления о земельных комитетах, об утверждении постановлений второго Губернского Крестьянского Съезда, как уже вошедших в жизнь до Учредительного Собрания, и просит принять срочные меры к отмене телеграммы товарища Министра Внутренних Дел...»

С этого момента, с принятием Губернским Земельным Комитетом такой позиции, явно благосклонной к постановлениям 2-го съезда, дело организации аграрного движения становится на твёрдую почву. Узнав о состоявшемся решении такого авторитетного органа как Земельный Комитет, органа правительственного, а не самочинного, как говорили о совете и Комитете Народной Власти, Уездные Комитеты Народной Власти и комиссары, до сих пор продолжавшие ещё оставаться на формальной точке зрения, покорно

подчинились его постановлению и перестали препятствовать их проведению в жизнь, за исключением только Николаевского Комиссара гр. Медведева, который до самого большевистского переворота остался верен Шингаревским циркулярам. Всё движение отселе принимает вполне легальный и законный характер.

В заключение нужно заметить, что вся эта борьба за Временные Правила 2-го съезда происходила при полном не сочувствии не только буржуазии и класса собственников, но и значительной части городской интеллигенции.

Вся работа на местах и в Совете была выполнена скромной группой организаторов Совета и крестьянского движения, наиболее его интеллигентной частью, главным образом из партии соц[иалистов]-революционеров.

Об отрубам и переделах

Вопрос об отношении крестьянства к отрубам и переделам общинно-наделных земель имеет для нас большое принципиальное значение — не раз уже дебатировавшееся в русской печати.

В данном случае я не берусь рассматривать этого вопроса, именно с принципиальной стороны, ибо это не входит в мои задачи и не буду говорить о желательности или нежелательности отрубного хозяйства и его культурной или консервативной роли в области сельского хозяйства, что является также весьма спорным и проблематичным. Я коснусь лишь того отношения, какое проявили крестьяне нашей губернии к этому хозяйству за описываемый мною период.

Отношение крестьян к отрубам, как к крупным так и к мелким, лучше всего определилось на крестьянских съездах, на втором и на третьем. Как на том, так и на другом руководителям съезда больших усилий стоило удержать съехавшихся делегатов от постановления о передаче всех отрубных земель в распоряжение Земельных комитетов и, следовательно, от фактического уничтожения этих хозяйств.

Точно такое же отношение, но выраженное ещё в более резких формах, я наблюдал и на местах во время своих неоднократных поездок по уездам.

Тем не менее, несмотря на такое явно недоброжелательное отношение, к фактическим захватам отрубков приступать во многих местах остерегались. Считая этот вопрос для себя вполне решённым и решённым в отрицательном смысле для отрубков, ждали соответствующего об этом постановления Учредительного Собрания, и не сомневались в этом решении, не допуская даже и мысли, что Учредительное собрание может отнестись благожелательно к отрубным хозяйствам.

С мыслью о том, что Учредительное Собрание может отнять у них земли, примирились и сами отрубщики... «Ну что ж, — говорили они мне, — если постановит об этом Учредительное Собрание, мы протестовать не будем, как народ, так и мы, и мы не лучше других».

В некоторых уездах, в которых чувствовалась наиболее острая нужда в земле, вопрос об отрубках был разрешён, однако, ещё до созыва Учредительного Собрания; земли отрубщиков наравне с землями частновладельцев были отобраны в общий фонд, обслуживающий потребности всех безземельных, и распределялись между всеми, в том числе и между отрубщиками на равных условиях.

Результатом этого движения к концу августа создалась такая картина, нарисованная представителями с мест.

«Затрагивая вопрос об отрубках, — говорит председат[ель] Ставропольской Уездной Земской Управы, — можно утвердительно сказать, что отношения между общественниками и отрубщиками не изменились, остались старые.

В некоторых местах эти отношения хотя и обострились, но большого значения в общем итоге эти осложнения не имеют и коренного изменения во взаимоотношения населения не вносят».

«Переделы в нашем уезде, — продолжает тот же докладчик, — исключительное явление, но всё таки были. Земельная Управа рекомендует всем с переделами повременить».

Представитель Бузулукского уезда рисует приблизительно такую же картину — неопределённую, разнообразную.

«Переделы есть, — говорит он, — и вызываются они требованиями жизни, но отнюдь они не нарушают трудового хозяйства.

Переделы есть результат стремления к получению лучшего продукта труда с посевной площади, и большей производительности этого труда.

Совместные переделы отрубщиков и общинников производились в незначительных количествах. Эти переделы происходили по желанию самих отрубщиков, видевших в старом трехполье единственное средство борьбы с засоренностью своих земель».

Несколько иную более определённую картину рисует представитель Бугульминского уезда...

«Замечается по уезду явление — община втягивает неудержимо отрубщиков обратно, и совместные переделы общинной земли и отрубщиков, имеют рост, конечно, не обходится без протестов со стороны стародушников, получивших большие поля из наделов.

В уезде замечаются, — продолжает тот же автор, — обострённость отношений между отрубниками и общинниками...»

Самарский уезд

«Жителями селений, — говорит докладчик этого уезда, — в первую очередь сломаны отруба те, на которых не велось своего хозяйства; объясняется это тем, что это самый ненавистный элемент, который когда бросился на отруба, не считался с интересами общества...»

Теми же словами можно характеризовать и положение в Николаевском уезде.

Из нарисованной представителями картины, правда, очень неяркой и расплывчатой, мы уясняем себе одно, что отрубные хозяйства, выявившие большую живучесть, чем частновладельческие, обречены также на неминуемую гибель, как и последние. Крестьянство, проявившее свою неудержимую тягу к земле, высказало вполне определенно и ясно свое отрицательное отношение к ним и тем предрешило их участь.

VII. Отношение Вр[еменного] Прав[ительства] к Зем[ельным] прав[илам] 2-го съезда

Особенно упорную и продолжительную борьбу за земельные постановления пришлось выдержать местным организациям с Временным Правительством, отнесшимся вполне отрицательно к этим постановлениям.

Г.г. помещики, и главным образом Союз посевицков, поняв дух земельных правил, категоричность, с которой решался аграрный вопрос в них, — завалили Временное правительство и губернского комиссара телеграммами об анархии, о творимых самочинных захватах, о беспорядках и т. д. и т. д.

У Временного правительства создавалось такое впечатление, что в Самарской губернии происходит действительно нечто ужасное, кошмарное; обезумевшая деревня, получив экземплярчик временных правил, которые как будто развязывали ей руки, бросается на земли, расхватывает их без всякой организации и системы, и делает с ними, что хочет... Временное правительство, взяв Самарскую губернию под особый надзор, забило тревогу и земельные правила отказалось признавать.

Мало того. Спустя несколько недель после разъезда Крестьянского Съезда, губернский комиссар получил от князя Львова циркуляр, запрещающий всякие самовольные захваты, в том числе и такие, как наши Самарские,

совершавшиеся на основами постановлений. И, действительно, — планомерная работа по проведению в жизнь земельных правил несколько приостановилась.

В Совет и Комитет Народной Власти стали приходиться сотни просителей и поступать сотни телеграмм и писем с просьбой указать им, как быть... Положение в деревне было такое — луга и покосы были уже скошены на основании Временных правил, земля — распределена, и остановить это движение в таком положении — это всё равно, что остановить мчащийся поезд на всём ходу; кроме зла ничего из этого не получилось бы. Отлично понимая всю невозможность такого поворота, и то, что будет, если стоящий в центре этого движения Совет промолчит в такую критическую минуту, и откажется от руководства этим стихийным движением, Совет разослал по всей губернии свой циркуляр, в котором разъяснялось, что телеграмма Львова запрещает самовольные, беспорядочные захваты; правила же 2-го съезда вводят организованное использование земель, и сами запрещают самоуправства, а поэтому они должны быть исполняемы. Деревня успокоилась, и движение снова приняло планомерный и спокойный характер.

Вместе с тем немедленно, по получении телеграммы кн. Львова, в Петроград были посланы к правительству делегаты: т. Голубков и т. Горшков — разъяснить неизбежность такого порядка для Самарской губернии и просить об утверждении. Были они у Львова и Чернова, но оба министра в утверждении отказали, ссылаясь на то, что этот вопрос может быть решен только всем кабинетом и для всей России в целом, а не одной губ[ернии]. Министров главным образом пугала та мысль, что наши временные правила могут вызвать по губернии беспорядки и сокращение посевной площади. Когда же наши делегаты доказали им, что этого не будет, они успокоились и просили об одном — спасти от разгрома ценные имения и стремиться к увеличению посевной площади.

Вскоре после этого была получена еще одна телеграмма, от министра — социалиста Церетели.

В этой телеграмме прямо указывалось на постановления губернских и уездных съездов, которые также считались самочинными и незаконными. Телеграмма вызвала большую смуту в деревне, и заставила многих руководителей этого движения призадуматься. Но Советом и Комитетом Народной Власти было снова разослано, как и после телеграммы Львова, циркулярное разъяснение, что это к Самарской губернии не относится, и тревога улеглась.

В это время приехал от министерства земледелия делегат г. Аксель и снова поднял вопрос об изменении временных правил в духе приспособления их к положению о земельных комитетах... Часть Совета уже было согласилась с ним, но другая часть категорически воспротивилась этому, указав, что это может сделать только съезд, и предложение Акселя было провалено.

После него приезжал комиссар Временного правительства гр. Тоцкий, человек умный и дельный, главной задачей которого было выяснить истинное положение в Самарской губернии.

Он побывал всюду – в Совете Крестьянских Депутатов, у комиссара, в Земстве, у посевищиков и, наконец, пришёл к заключению, что хотя правила 2-го съезда и несовершенно, но время, чтобы начать новую ломку сложившегося землепользования упущено, переделы во многих местах уже сделаны, земли вспаханы, и обратно вернуть её владельцам нельзя.

Это, однако, мало успокаивало руководителей этого движения. Каждый день мы могли получить новую телеграмму с таким же содержанием, как и предыдущие, и надо было опять готовиться к новым смутам. Эта игра надоела руководителям и тяготила их. Нужно было добиться от Временного правительства окончательного ответа, все равно какого... Для переговоров были делегированы в Петроград два человека: я и тов. Брушвит.

Мы побывали в Совете Крестьянских Депутатов и во всех прикосновенных к этому вопросу министерствах; нами был поставлен вопрос ребром — мы везде добивались определенного ответа: или да или нет.

Скажите нам, — говорили мы министрам, — что Вы отменяете наши постановления, считая их вредными, и тогда мы, руководители и организаторы этого движения, подчинимся Вам, уйдём от аграрного вопроса, и всю ответственность тогда возлагаем на Вас». Но везде и всюду мы получили тот же уклончивый, неопределённый ответ, как и первая делегация.

В заключение в Министерстве Земледелия нам добавили, что этот вопрос не так прост, как мы в своём углу предполагаем. «Неоднократно мы вносили его на обсуждение Временного Правительства, — говорил нам тов[арищ] министра Вихляев, — но как только внесём его в кабинет, кабинет трещит и разлетается. Постарайтесь Ваши правила согласовать как-нибудь с законом о зем[ельных] ком[итетах], которым даются теперь, на основании новой инструкции Чернова, широкие полномочия или же, в частности, урегулируйте финансовую сторону этого вопроса. Раньше государство получало за свои земли известные налоги, а теперь, по Вашим правилам, оно этих доходов лишилось. Обеспечьте государству прежнюю доходность, и тогда Вы, быть может, и примирите его с собой...»

Нам ничего не оставалось делать, как только взять этот вопрос на свою совесть, и делать так, как подсказывает нам наш разум и наши чувства.

Так мы и сделали.

VIII. Значение постановлений 2-го съезда

Значение земельных правил 2-го съезда для Самарской губернии огромно.

Я не буду говорить о том, какую они роль сыграли как средство пропаганды, как шаг — закрепляющий наши революционные позиции, как этап, приближающий нас к социализации и т. д., и т. д. Это вопросы спорные, о них можно говорить бесконечно, и всё-таки не придти ни к какому определенному выводу.

Не буду говорить и об их предотвращающей роли тех беспорядков и ужасов, которые надвигались на Самарскую губернию накануне весенних разделов, о чём я говорил уже выше.

Я постараюсь рассмотреть с цифрами в руках их экономическое значение для Самарской губернии и, в частности, то влияние, какое они оказали на увеличение или уменьшение народных сбережений и посевной площади.

Главное, что пугало нашего обывателя в этом аграрном движении — это боязнь за то, что площадь посева благодаря этим правилам значительно сократится. Такую боязнь и, следовательно, глубокое невежество и незнание сельского хозяйства своей губернии, проявляли не только люди тёмные, необразованные, но и люди высококультурные, образованные. Меня такие страхи всегда приводили в весёлое настроение. Я думал: каково же будет удивление бедного обывателя, когда он в один прекрасный день проснётся и увидит, что площадь посева в Самарской губернии не только не уменьшилась, а значительно увеличилась. Как же это так — помещиков «уничтожили», инвентарь их забрали, а запашка всё-таки увеличилась.

Это положение было непонятно не только нашему обывателю, но даже и нашим министрам, и, в особенности, нашему «Союзу посевщиков», который все усилия употреблял для того, чтобы вбить эту мысль в голову бедного обывателя и запугал Временное правительство.

Нам больших трудов стоило во время своей поездки в Петроград разбить там это нелепое предубеждение. И только с цифрами в руках удалось рассеять министерские опасения.

Руководители аграрного движения были совершенно спокойны за судьбу Самарской губернии с самого начала. Те 140 — 200 тысяч десятин, которые засеивали раньше частновладельцы, не оставят Самарскую губернию без хлеба. На 4 — 5 миллионов, засеваемых всего в губернии, это лишь «капля в море», если так можно выразиться, и значительного влияния на колебание запашки это количество не окажет.

Это такое ничтожное количество, разделив которое на число дворов (337111) получаем всего лишь только по 1/2 десятины на двор. Неужели на полдесятины более не распашет каждый двор при новых условиях, — думали мы. И что же оказалось?!

Проезжая по Самарской губ. в августе месяце по самым отдаленным деревням Николаевского и Новоузенского уездов, и здесь, в Самаре, при встрече кого-либо из деревни, я спрашивал:

— Ну как... много запахали?

— И... и... — отвечали мне везде неизменно — столько... Чать и отцы-то не запомнят... Пахали — кому только не лень....

— А не сократится площадь... что вот помещику-то не дали...

— Что ты, что ты — махали на меня руками — голову даём на отсечение...

Эту мысль подтверждают и представители уездных земельных Комитетов.

«Постановления 2-го съезда, — говорит Председатель Ставропольской Земельной Управы в своем докладе Земельному Губерн[скому] Комитету — вызвали не сокращение, а скорее расширение площади посева».

«Для проверки действительного положения вещей, — говорится в докладе по Бузулукскому уезду — Уездная Земельная Управа разослала анкетные листы с вопросами об увеличении и уменьшении площади посевов в уезде, для сравнения посевных площадей [19]18 и [19]17 годов, включила в них все земли: банковские, казенные, частновладельческие и т. д.

Ответы получены из 31 волости, из общего числа 53 волостей уезда.

Результат — 20 волостей дали ответ положительный в смысле увеличения и 5 волостей — отрицательный, общий же массив 31 волости дает увеличение посевной площади на 22000 десятин против прошлого года»...

Представитель Самарского уезда: «Относительно площади посева можно сказать только одно: наделная крестьянская земля распахивается вся, а сколько её, пока невыяснено»...

Представитель Николаевского уезда: «Посевная площадь по Николаевскому уезду увеличивается сравнительно с [19]17 г... Из частновладельческих земель не запаханы лишь солонцы»...

Представитель Новоузенского уезда: «Цифровую величину, за отсутствием общей сводки по уезду, указать пока нельзя. На основании же поступивших сведений из многих волостей, цифра эта должна быть громадная, больше пашни [19]17 г. в три или в четыре раза, это касается в равной мере и озимых и вспашки под яровое».

Председатель Бугурусланской Уезд[ной] Зем[ельной] Управы: «Касаясь запашек должен отметить, что под яровое в некоторых местах подняли многолетние залежи и увеличение запашки под яровое в некоторых местах по уезду надо считать до 35%. Является опасность за обсеменение полей».

Однако это общее народное убеждение без цифровых данных было для многих мало убедительно. Нужны были статистические данные, подтверждающие это положение. И за последнее время эти статистические данные получены... Какие же выводы?

Просматривая статистику посева Самарской губернии за время от 1895 г. до 1916 г. мы видим, что за весь этот двадцатилетний период площадь посева ржи никогда не превышала миллиона ста тысяч десятин при самых благоприятных условиях. В средние годы она колебалась от 790 тысяч до миллиона.

Взглянув на статистику [19]17 г. вы увидите, что эта площадь поднялась сразу на небывалую высоту, несмотря на неблагоприятные условия. Приводимая ниже таблица доказывает это убедительнее.

Ржи было засеяно в тысячах десятин:

1895 г.	852,8	1908 г.	1069,3
1896 г.	1025,0	1909 г.	1055,0
1898 г.	726,2	1911 г.	859,1
1899 г.	843,6	1912 г.	968,0
1900 г.	1035,5	1913 г.	912,0
1901 г.	955,7	1915 г.	922,9
1902 г.	977,0	1916 г.	872,1
1907 г.	1142,0		

А в 1917 г. осенью на 1918 год под рожь запахано 1.305.086 десятин!... В какой из приведённых двадцати годов было посеяно такое количество!

Нужно ли делать еще какие либо разъяснения по этому доводу? Достаточно указать на то, что этот год, — 1917, несмотря на все неблагоприятные условия — неурожай и отсутствие рабочих рук, превышает своей площадью самый лучший год, 1907, на целых двести тысяч, другие же годы, с меньшей площадью, как 1895, 1902, 1911 г.г. — на 300 — 400 и 500 тысяч десятин.

Общая площадь запашки всех хлебов за эти годы колебалась от 2.750 тыс. до 4.385 тысяч в 1900 году. Средняя цифра — 3 миллиона шестьсот — семьсот тысяч. Для большей наглядности обратимся опять к цифрам:

в 1911 г.	4.199 тыс.
1912 г.	3.979
1915 г.	4.252
1913 г.	4.206
1914 г.	4.000

А в 1917 г. на 1918 только осенью распахано 3.600 тыс. десятин. (По данным Губ[ернского] Продов[ольственного] Комитета).

Весной производится распашка от 800 тыс. до 1.100 тыс. десятин. Полагая, что в этом году будет распахано среднее количество 900 тыс. десятин — мы получаем общую площадь посева на 1918 г. 4.400 — 4.500 тыс. десятин. Это такое количество, до какого не доходили ни в одном году еще за последнее пятидесятилетие.

По данным Сов[ета] Нар[одного] Хоз[яйства], напечатанным во втором номере «Известий», общая площадь равняется 6.386.000 десятин. Но эту цифру я беру под большое сомнение.

Мне на это некоторые возразят — засеют ли такое количество, о котором вы говорите? — вот вопрос. Распахать мало, нужно засеять....

Конечно, вопрос очень серьезный и основательный. Может быть и не засеют... Может быть и не засеют и половины той площади, которую я привёл здесь, — но разве в этом вина Временных Правил? Разве этому причиной будут те земельные отношения, которые создаются этими правилами? Нет, конечно. Причиной этому будут общие экономические условия и, главным образом, голод и расстройство нашего железнодорожного транспорта. Мы сейчас не говорим об этих причинах, нам в данную минуту важно выяснить, какое влияние оказали новые земельные условия на площадь посева в Самарской губернии.

Сравнивая 1918 год с последними тремя годами, предшествующими войне 1911 г., 1912 и 1913 г., запашка в которые совершалась при нормальных условиях, по старым земельным законам, мы получаем 300 — 400 тыс. десятин увеличения. Какое же количество мы получали бы, если бы последняя запашка производилась при лучших условиях?!

Еще поразительнее картина получается, когда мы сравним эту площадь посева 1918 г. с площадью последних трех годов войны.

По данным Губернск[ого] Продов[ольственного] Комит[ета] в 1916 г. пяти главнейших хлебов было засеяно 3.179.889 дес.

Допуская, что эта цифра несколько ниже действительной с остальными сортами хлеба — тысяч на двести-триста — мы все же получаем на целый миллион меньше, чем в [19]18-м году.

В 1915 г. — 4.252 тыс., меньше на 200 — 250 тыс. Теперь, заканчивая эту главу, подведем итоги всему сказанному.

В главе 1-й, делая обзор способам использования частновладельческих земель и существующим арендным ценам, мы тогда высчитали, что каждый год Самарское крестьянство за земли, арендуемые у частновладельцев и учреждений, выплачивало громадную сумму в 22 — 23 милл. рублей в виде арендной платы. Полагая, что в 1918 г. они выплатили бы столько же, несмотря на увеличение посевной площади, да в 1917 г. не менее — мы получаем крупную сумму в 44 — 46 миллионов рублей. Эта сумма при старых земельных порядках была бы в карманах лиц, ничего общего не имеющих с крестьянами, а теперь, как это и ни прискорбно для некоторых, она находится в грубом, грязном кармане крестьянина, которую он может употребить на другие цели — на улучшение хозяйства, на приобретение инвентаря, семян и т.д. 44 миллиона — сумма солидная, на неё многое можно сделать! Если эту сумму распределить по дворам, включая сюда только земледельческие дворы, то на каждый двор в среднем придется по 130 рублей.

Это ещё не все.

Из предыдущего мы видим, что и в 1917г. и 1918г. увеличение посевной площади против предшествующих лет было на круглую сумму в миллион десятин в два года.

Привыкнув к скромным цифрам, мы и на этот раз берём самое меньшее количество, какое могли дать эти два года при настоящих неблагоприятных условиях, но против предшествующего [19]16 г. — наиболее неблагоприятного, а против среднего за эти годы с 4.000-тысячным засевом, взяв вместо миллиона

500 тыс. десятин, считая средний урожай для Самарской губ. 50 пуд. на десятину мы получаем на 500 тыс. дес. — 25 мил. пудов лишних против прежнего. Продавая каждый пуд по твердой цене, установленной в октябрьское время, в 10 руб. — Самарская губерния должна получить 250 милл. руб. для собственного обихода сверх того, что она получала в обычное время.

И всё это наделали маленькие земельные правила, вынесенные 2-м Крестьянским съездом.

Оговариваюсь: мною взяты самые минимальные цифры, в действительности они должны быть значительно выше.

IX. Порубка леса

Леса в Самарской губернии за этот революционный период подверглись большому опустошению.

С первых же дней нашей новой жизни в Совет Крестьянских Депутатов и в Комитет Народной власти стали сотнями поступать от крестьян со всех концов губернии ходатайства и просьбы о разрешении произвести им порубку леса для надобностей своего хозяйства по установленной норме. Нередко такие ходатайства, исходящие главным образом от безлесных районов, передавались особым делегатам, которые подчас приезжали за десятки и сотни верст... Мне известна одна делегация, которая три раза приезжала только в Самару, ходатайствуя всё о разрешении, и два раза в Новониколаевск, находящийся в 120 верстах от их села. По большей части все эти делегации, как в частности и упоминаемая, уезжали, не добившись никакого определённого ответа.

Само собою понятно, что приехав домой, избранный делегат передавал своим односельчанам о всех своих мытарствах и о той бестолочи, которая царит в наших демократических организациях, и о том раздражении, которое накопилось у него по отношению к ним за этот период мытарств — и дело

кончалось обычно: неудовлетворенная деревня, не добившись порядка, разрешала вопрос по-домашнему.

Особенно сильно проявлялось это движение в южных уездах — в Николаевском и Новоузенском, и в части Самарского и Бугурусланск[ого], в уездах безлесных.

Эти первые два уезда с давних времен известны как уезды хлебородные, земледельческие, с крупным трудовым крестьянским хозяйством. Вполне понятно в большом трудовом хозяйстве и большой спрос на лесные материалы. Раньше до революционного переворота эти лесные материалы или приходилось покупать в соседних частновладельческих имениях или в казенных лесах, платя за каждую малость большие деньги. Это было обременительно для хозяйства. Освободившись от старой власти и от ига помещиков, не видя с их стороны сопротивления, крестьяне, в первую очередь, бросились удовлетворять свою главнейшую жажду в лесе, которая в некоторых местах была в буквальном смысле ужасающей, из лесов началась беспощадная вырубка всего ценного и годного материала.

Волна лесного движения развилась параллельно с аграрным земельным движением. В начале, в марте и апреле месяце, она носила безобидный, не внушающий особых опасений характер, но дальше больше с нарастанием революционного настроения, приняла ужасающие размеры. Особенный рост лесных порубок нужно отметить в два месяца: в сентябре и октябре, после полевых и домашних уборок.

В августе месяце 1 — 3 числа, когда полевые работы, благодаря неурожаю, приходили к концу, Начальник Управления Государственных Земельных Имуществ князь Сумбатов находил вопрос лесной в удовлетворительном положении. «Лесной вопрос, — заявил он на заседании Земельного Комитета 3 августа, — не так важен по сравнению с общим земельным вопросом, что же касается сохранности казенных лесов, то пока дело обстоит благополучно...»

Причин, вызвавших это движение, помимо указанных мной, очень много.

«По мнению Муравьева, — говорится в отчете Губернского Земельного Комитета от 28 — 29 октября, — здесь виноваты сами владельцы, которые стараются или запродать лес, или производить заготовку из него на свои нужды без разрешения Земельных Комитетов. Есть стремление также у крестьян считать вблизи лежащие леса перешедшими к ним и захватить их...»

Правда, таких хищников землевладельцев, вырубивших свои леса, было много, но всё же, по моему глубокому убеждению, не эта главная причина массовых порубок леса. Расследование лесных беспорядков на местах убедили меня, что эта причина играла не главную роль, она встречается не более двух, трёх раз в десяти случаях.

Причин этому много. «Лесные беспорядки, говорит другой докладчик из Ставропольского уезда, — возникают от незнания населением новых лесных правил, из-за позднего их издания и подстрекательства со стороны отпускных солдат... Худо относятся к своим обязанностям лесная стража и происходит неразбериха в районных комитетах, ведающих этим делом: комитет по топливу, лесоохранительном и пр[очими]...»

«Расхищен лес без особой надобности, лишь по зависти, и жадности», — говорит корреспондент из с. Романовки, Николаевского уезда, о своих местных порубках».

Главная причина этих хищений всё-таки кроется в той народной психологии, которая веками создавалась всеми условиями политического и экономического быта, в том непонимании народом истинных своих нужд, которое, в силу его малообразованности, ускользало от него и затемнялось мимолетными призрачными интересами.

Какие же размеры приняли эти порубки?

В лесных уездах эти порубки немногим превышали обычное годовое потребление. Посылаемые делегации от Совета Крестьянских Депутатов или от Комитета Народной Власти на места, где возникали подобные порубки, или

вокруг которых поднимался почему либо шум в печати, как например, о Тимашевском заводе, куда даже приезжал специальный комиссар от Временного правительства, привозили по большей части утешительные сведения.

Не то происходило в Николаевском, в Новоузенском, частью в Самарском и Бугурусланском уездах. Здесь, изголодавшееся по лесу крестьянство произвело ужасные опустошения всех лесных угодий.

Истреблены не только крупные, с хорошим строительным материалом лесные заросли — истреблены или полностью или в значительной части отдельные рощицы, молодые посадки.

В Самаровско-Кольцовской, Андросовско-Марьевском районе уничтожены даже отдельные деревья и мелкие кустарники. Проезжая по этому району, вы видите перед собой гладкое, чистое поле без единого сколько-нибудь значительного перелеска. Некоторые сёла дошли даже до такого сумасшествия, что истребили у частновладельцев прекраснейшие, великолепнейшие фруктовые сады. Правда, таких примеров очень мало, но всё же были.

«Граждане с. Романовки, — пишет наблюдатель из этого района, — и соседних с нею деревень вырубают мелкий тальник, принадлежавший раньше купцу Аржанову. На порубку текут жители и других соседних сёл. Есть опасность, что порубщики доберутся и до крупного леса, растущего по реке Чагре. Охраны нет. Расхищают лес без особой надобности, лишь по зависти и по жадности. На месте порубок дело доходит чуть ли не до драки. На порубку выезжают по несколько десятков человек, некоторые даже с ружьями. Криволучье-Ивановские граждане, по словам граждан поселка Пр., рубят лес из лесокультурной полосы Безенчукского имения. Вырубают ясень, березу, дуб, причём, не разбирая дорог, заездили даже озимые посева. Добрые уговоры не действуют».

Большому истреблению подверглись леса по реке Иргизу. Во время предвыборной кампании по выборам в Учредительное Собрание мне пришлось проехать по этой реке, начиная с её истоков и почти до самого впадения. Грустную картину производили села, расположенные в этом районе. Везде и всюду, без всяких исключений, я встречал одно и то же. Лучшие рощи, если не по обширности, то по качеству частновладельческих и казенных лесов, были истреблены или истреблялись, в некоторых местах дочиства, в других — с некоторыми остатками. Передо мной раскидывались громадные площади оставшихся от леса пней. По дороге почти сплошной вереницей везли деревья, кусты и другие лесные материалы. Дворы и огороды были завалены лесом и кустарником.

В одном селе, кажется, в Берёзовке, я застал полную тишину и безлюдье.

— Где же у вас народ-то? — спрашиваю подошедших ко мне местных властей.

— Лес рубить уехали, — отвечает он, несколько не смущаясь. — Все рубят, и мужчины и женщины. Рады, дорвались.

— Да зачем же это делают, — говорю я ему. — Ведь у вас в лесе нет нужды. Ваше село лесное. Всегда успеете срубить. Ваше будет...

— Когда успеешь, ... а теперь вали, пока можно.

В других сёлах — в Мостах, в Сестрах, в Ежовке — я встретил еще картину, поразившую меня до боли в самое сердце.

Двор и огороды были завалены мелким кустарником, а на улицах целыми грудями лежали громадные столетние дубы, вырубленные ими в экономии Шмидта. По улицам трудно было проехать, то и дело приходилось объезжать то одно, то другое дерево, откатившееся от общей груды. Улица с покосившимися маленькими домишками представляла из себя лесную пристань.

А лес все везли и везли.

— Что же вы делаете, — с болью говорю я крестьянам. — Ведь своё добро губите. Зря губите...

— Знамо зря, — отвечают мне совершенно спокойно и деловито крестьяне. — Нешто сговоришься с нашими дуботолками. Бестолочь... Вот придёт пожар — нужно будет — а его тогда негде будет взять. Пожалеют, небось.

— Вот видите, Вы сами сознаете, — горячился я, — а зачем же допускаете...?

— Да что ж ты сделаешь... Все равно порубят. Я не буду — другой будет, чем же они лучше меня.

— Кто же первый начал?

— А кто его знает. Один дурак начал, а за ним и другие...

Какие же меры принимались к защите лесов от подобных порубок местными организациями и губернскими органами власти...

Ещё в первые дни революции Совет Крестьянских Депутатов, как наиболее авторитетный орган для деревни, разослал по всем волостям циркулярное распоряжение, в котором говорилось, что порубки леса разрешается производить только с разрешения лесоохранительного комитета или земельного комитета.

Подобное же распоряжение разослал и Комитет Народной Власти. В постановлениях Губернских Съездов мы видим также самое категорическое запрещение самовольных порубок без разрешения. За такие порубки предлагается карать самым беспощадным образом.

Земельный комитет, Лесоохранительный Комитет и Уездные Комитеты и комиссары относились к этому не менее строго, а в грозных предписаниях недостатка, надо полагать, не было. Но не смотря на все эти предписания, волна лесного движения с каждым днём всё разрасталась и разрасталась, и осенью, после октябрьского переворота, как мы видим из предыдущего, достигает своего предельного, наивысшего пункта.

Местные организации, Комитет Народной Власти и Земельные Комитеты относились также отрицательно к самовольным порубкам.

На заседании Елховского Сельского Совета Крестьянских Депутатов 25-го Сентября, говорится в одном из донесений из уездов — рассматривался вопрос о расхищении леса. Лес, как находящийся в частной собственности, так и принадлежащий обществу с. Елховки, расхищается без разрешения Комитета. Предупредить жителей окрестных селений и землевладельцев Калашниковых, чтобы они без разрешения сельского Комитета не могли рубить леса. В случае же, если это постановление не будет исполняться, привлекать виновных к законной ответственности, согласно постановлений 2-го Губернского Крестьянского Съезда.

Следить за исполнение этого постановления поручить лесникам и милиционерам...»

Вот другое постановление Чернореченской волости, Самарского уезда, более радикальное и действительное.

«...Самовольную вырубку немедленно прекратить, нарубленный же лес описать и принять на учёт, оказавшийся излишним — реквизировать в пользу бедных». В случае неисполнения виновные подвергаются штрафу.

«В виду частых самовольных порубок леса, — говорится в одной корреспонденции, — в бывшем имении купца Аржанова граждане села Елани, ... постановили — назначить охрану, наняв для этого особого объездчика. С нарушителей этого постановления решено взыскивать штраф: в 1-й раз — 5 руб. с дерева, 2-й раз — 10 руб., 3-й раз — 15 руб. ...»

Однако, ни предписания губернских властей, ни постановления съездов, ни постановления местных организаций не остановили этого движения. Поднявшаяся волна мела их как пылинку. «Единственным средством борьбы, — говорит один из делегатов в Земельном Комитете, — это сосредоточить в руках участковых начальников милиции вооружённые отряды, немедленное привлечение к суду виновных лиц и пр[очее]».

Не знаю, насколько действительным оказалось бы такое средство, которое, правда, не было использовано ни одной организацией... Но, по моему, не использовано, к сожалению, и еще одно очень хорошее средство, которое дало бы, пожалуй, лучшие результаты, нежели предыдущее — это организованное распределение лесов среди нуждающихся, подобно земельному распределению. Этим путём, я уверен, все ценные и крупные леса нам удалось бы сохранить, а теперь и они погибли.

Подсчитать все эти порубки в десятинах, хотя бы приблизительно, пока не представляется возможным, да и вряд ли это когда-нибудь можно будет сделать при нашей неаккуратности и боязни крестьянства; но нужно сознаться, что площадь вырубленного леса, в сравнении с обычной порубкой, очень велика, убытки принесённые ею громадны.

Х. [Без названия]

Третий и последний период аграрного движения, совпавший как раз с октябрьским переворотом и демобилизацией армии, начинается вскоре же после уборки хлеба и кончается последними месяцами осени.

Характерный и основной его мотив, заставивший нас совершенно обособить его от остальных периодов — это полная ликвидация частновладельческого хозяйства и разгром всего того, что в той или в другой степени напоминало им об их прежних владельцах. Поднявшаяся погромная волна охватила как зараза всю Самарскую губернию, доминировала над всем остальным настроением, придавая этой эпохе свою специфическую окраску.

Описание сущности содержания этой волны, этого стихийного движения и его причин и будет составлять нашу задачу в этой последней главе.

С наступлением осени, после полевых работ, когда окончательно выяснилось, что Самарская губерния должна пережить голодный год, в деревне, в особенности там, где этот голод чувствовался с особенной силой,

стало нарастать какое-то озлобленное, нервное настроение; озлобленное и против Правительства, главным образом, в лице продовольственных комитетов, что оно не приняло никаких предупредительных мер, избавляющих их от голодного ужаса, и от тех жутких сцен, которые уже начались в это время там; и в особенности против тех, кто имея хлеб, старался запрятать его подальше.

Это настроение, в начале еле уловимое, в особенности начинает повышаться и выливаться в резкие формы с приходом в деревню солдат, возвращающихся с фронта или из города из запасных частей. Каждая такая новая волна, влившись в деревню с новыми свежими силами и с резко большевистским настроением, стремится выявить это настроение в каких-нибудь реальных, видимых формах и, в первую очередь, видимыми и доступными формами является погром «буржуев», где таковые остались, и частновладельческих имений.

Полное отсутствие собственного инвентаря в солдатских домах или его недостаточность, при полном отсутствии его на рынке, где бы таковые домохозяева могли его приобрести за недорогую, доступную для них цену, а также сознание полной безнаказанности за свои деяния — играло также большую роль в этих актах.

Местные органы власти, дезорганизованные к этому времени, не представляли никакой сдерживающей силы, и предотвратить или остановить эту надвигающуюся волну не в состоянии были. Одновременно с аграрным движением в это время по всей Самарской губернии двигалась другая волна — волна низвержения старых комитетов, избранных еще до прихода новых руководителей политической жизни, и замена их новыми, по большей части, солдатскими. Эта вакханалия смещения избранных Комитетов приняла в некоторых местах такие размеры, что во многих волостях вылилась в смешные, нелепые формы. Известны волости, даже целые районы, где местные органы переизбирались по два и по три раза в месяц.

В конце концов эти пертурбации создали такое настроение деревни, что люди самостоятельные, положительные, могущие оказать противодействие всякому бесчинству и самоволию, отказывались идти в органы власти, а шли люди, не пользующиеся общественным доверием, крикуны, для которых как раз такая обстановка безвластия являлась их атмосферой. Ясно, такие органы не могли справиться с таким могучим и грозным движением, как аграрное движение, с которым не справились даже и центральные органы власти, не только что местные.

Это, по моему, главные причины начавшейся стихии.

В некоторых случаях, и очень во многих, были и другие причины, вызвавшие в той или в другой форме погромное настроение.

Так, например, по словам Члена Сов[ета] Кр[естьянских] Деп[утатов] И.А. Жирнова, посланного для расследования одного дела вместе с помощником начальника Бугурусланской милиции, причины захвата имения Волконской гражданами с. Пилюгина были таковы: управляющий этого имения г. Саранцев, потравив все луга экономическим скотом, и, не имея других запасов, корма, стал распродавать культурный скот, главное богатство этого имения; вместе с тем он же без разрешения Волостного Комитета вырубил часть молодняка-осинника и продал его крестьянам.

Пилюгинское общество, учтя все те последствия, которые могут произойти вследствие такой распродажи леса и скота, и желая сберечь это имение для себя, как народное добро, постановило уволить из имения управляющего, его помощника и 3-х служащих, а имение взять в свое ведение и поставит в нем свою стражу.

Так благополучно окончилось это дело.

К сожалению, не все дела такого характера принимали такой безболезненный оборот.

Подобные распродажи леса и инвентаря, по моим расследованиям непосредственно на местах, имели место в очень и очень многих случаях и

вызывали погромы имений. Вот, например, разгромленное по тем же мотивам имение Шмидта, в Ник[олаевском] у[езде], который, поняв безнадежность своего положения, стал распродавать скот, инвентарь и всё, что только имело хоть некоторую ценность. Всё это, конечно, попадало сравнительно за дешевую цену деревенским кулакам и богатеям, что ещё более вызывало озлобление деревенского населения.

Для некоторой иллюстрации и подтверждения своих мыслей привожу полностью одну из корреспонденций из с. М. Черниговки, Никол[аевского] у[езда] от 11-го июля [1917 года].

Так, наш землевладелец Шумов продает весь инвентарь, скот, постройку и всё, что можно.

Землевладелец Субботин подумывает о том же, но пока что «пожертвовал» на армию сто голов быков сверх нормы.

У землевладельца Юрина идет распродажа сена, которого у него, по беглому подсчету, насчитывается больше, чем на 80.000 р. Этот господин и на армию нисколько не пожертвовал.

Барон Клодт продает и рубит «лишний» лес, также подумывал порубить лишний лес и владелец Пловотовский, да на его беду по соседству с его участком живут малороссы, они ему прямо сказали: «Голову порубаем, если ты будешь рубить лес», так он и боится.

Одним словом, распродажа в разгаре. Кто чего успеет продать, тот продаёт, кто что успеет увезти, тот увозит».

Подобные же сообщения поступали из всех уездов.

С подобными жалобами ко мне обращались и лично во время моей предвыборной поездки по Ник[олаевскому] уезду.

Помимо приведённых остаётся ещё одна очень серьёзная причина, игравшая также большую роль в разгромах не только частновладельческих имений, а иногда и общественных.

Во многих экономиях, по преимуществу как раз в тех, где было наибольшее количество живого и мертвого инвентаря, так привлекавшего и дразнившего аппетиты крестьян, имелись некоторые запасы хлеба, которые все были на учёте у Продовольственного Комитета; местный управляющий и местный Комитет, покорные воле Губернск[ого] Прод[овольственного] Комитета или Уездного, и, согласно их распоряжениям, держали этот хлеб под строгой охраной, отправляя по мере надобности и по мере спроса то в уездный, то в губернский города. Местные крестьяне, раздражённые против города неполучением мануфактуры и переживаемыми сценами голода, вначале относились к этому ещё терпимо, хотя и недоброжелательно, но дальше больше, переживая муки голода в то время, как рядом лежит хлеб, раздражались, и дело кончалось полным разгромом имений.

Такую психологическую предпосылку имел разгром имения Хохлачёва, происшедший ещё в начале сентября или даже в конце августа. Приехавший туда представитель Продовольств[енного] Комитета был избит и выгнан.

Ряд других исследований в Бугульминском и Ставропольском уездах, даёт такие же результаты, так что в общем очень трудно учесть, какая часть имений была разгромлена только вследствие известного психологического настроения, не вызываемого непосредственно ненормальностью в порядках данного имения, и вследствие вот таких, вызывающих и раздражающих действий самих владельцев или их управляющих.

По количеству разгромленных имений и по интенсивности этой волны, описываемый период можно разделить на два полупериода — первый полупериод до октябрьского переворота, и второй полупериод — после октябрьского переворота.

В первый полупериод, прошедший по большей части в полевых работах и домашних уборках, погромная волна была ещё слаба, и разгромленных имений насчитывается единицами. В Николаевском у[езде], например, в наибольшем по населению, и где эта волна началась раньше, чем в остальных уездах, к

этому времени было зарегистрировано всего четыре разгромленных имения, в других уездах в каждом в отдельности того меньше.

[Третий губернский крестьянский съезд]

Общее настроение масс Самарской губ[ернии] за этот полупериод лучше всего определилось на третьем Губернск[ом] Крестьянском Съезде, открывшемся 20-го августа.

Несмотря на то, что ряд делегатов, ездивших в Петроград к Временному Правительству с ходатайством об утверждении Временных Зем[ельных] Правил 2-го съезда, говорил о непризнании этих правил Временным Правительством и о его отрицательном отношении к ним, никто не хотел и думать об их изменении. Всякая попытка только обсуждать возможные изменения или дополнения к постановлениям 2-го съезда встречалась недоброжелательно, с какой-то враждебной подозрительностью. Ни о каких уступках или смягчениях не могло быть и речи. Произнесённые речи ораторов крестьян говорят о том, что крестьянство, вставшее на 2-м Съезде на революционный путь разрешения аграрного вопроса, ни в коем случае не сойдёт с этого пути и вторично признает этот путь самым правильным.

Вынесенная инструкция Волостным Земельным Комитетам снова утверждает Временные Правила для Самарской губернии законом.

«Волостные Земельные Комитеты, говорится в п. 6 этой инструкции, распределяют имеющийся в их распоряжении в районе волости земельный фонд между нуждающимся населением на основании временных правил 2-го Губернского Съезда, причём при распределении земли под яровой посев 1918 г. волостные земельные Комитеты принимают к своему руководству в развитие таковых нижеследующее.

Дальше говорится, какие именно земли должны поступить в распределение и какие должны быть при этом соблюдены условия.

В особенности я обращаю внимание на следующий пункт:

е) Имея на учёте все земли в районе волости, Волостные Земельные Комитеты обязаны охранять хозяйства, имеющие для государства и народа особенно важное значение, а именно:

1. Породистый скот (конские заводы, племенные быки, коровы, овцы, свиньи и т. д.) без различия, в чьих бы руках они ни находились, не позволяя с одной стороны частным владельцам распродавать таковой на сторону, а с другой стороны, оставляя владельцу необходимое количество пашни и луговой земли для обеспечения в хозяйстве скота.

2. Хозяйства, имеющие общекультурное и общественное значение, как-то хозяйства земств, сельскохозяйственных товариществ, сельскохозяйственные фермы, кумысолечебницы и т.п.

3. Поля, засеянные многолетними культурными травами.

4. Существующие сады, огороды, свеклосахарные плантации, лесные питомники, так наз[ываемые] культурные посадки, а также и не препятствовать разведению новых.

5. Не следует нарушать севооборотов в высококультурных хозяйствах, стараясь передавать таковые целым группам лиц и засеять те поля, которые предназначены под пашню в данном году, а также соблюдать тот или иной севооборот на всех землях, дабы не истощать и не засорять почвы.

В этих немногих пунктах ясно обнаружилось вполне сознательное отношение крестьянства к земельному вопросу. В них видно: с одной стороны стремление оградить все культурные ценности как от руки помещика, так и от захватных стремлений крестьянства, и с другой — непоколебимая воля, направленная к полной ликвидации частновладельческого хозяйства. Пункт первый окончательно разбивает те остатки прав и привилегий, которые еще сохранялись за частновладельцами в отношении к постройкам и живому инвентарю правилами 2-го Съезда.

Пункты 2, 3, 4 и 5 с убедительной ясностью говорят о том, что крестьянство, представленное на третьем съезде, вовсе не стремится к абсолютному уничтожению всего не принадлежащего трудящимся массам, всего того, что является заманчивым и ценным для его хозяйства. Наоборот, в этих пунктах ясно сказывается его непоколебимое стремление к сохранению всего культурного и ценного. Оказалось ли в действительности так — это мы увидим дальше.

Постановления по земельному вопросу 3-го Съезда, закончившегося 1-го Сентября, большого значения для деревни не имели; поэтому останавливаться на них подробнее не буду. Не внося ничего существенно нового и дополняя лишь постановления 2-го Съезда, они поэтому прошли в деревне совершенно незамеченными, не оставив после себя сколько-нибудь заметного следа.

Историческая роль их заключается в том, что они как акт законодательной воли крестьянства, вторично выразили непреклонное стремление деревни к трудовому хозяйству и к уничтожению нетрудового — капиталистического. В этом их вся заслуга.

Погромного настроения, которое впоследствии проявилось во многих деревнях, на третьем Съезде нельзя было заметить. Все были уверены, что в Самарской губ[ернии], где решение аграрного вопроса попало в надежные крестьянские руки, обойдется без эксцессов, захватов и тех разрушений, которые происходили в других губерниях. Происходящие в это время отдельные захваты рассматривались как несерьезное и не заслуживающее беспокойства.

Волна захватов и разрушений, о причинах которой я говорил в начале этой главы, началась вскоре после Съезда, а в некоторых местах и немного раньше. Высочайший подъём этой волны совпадает как раз с демобилизацией армии, начавшейся вскоре же после октябрьского переворота.

С этого момента начинается второй полупериод.

Раньше всех это движение проявилось в Николаевском уезде, наиболее всех деморализованном, благодаря присутствию большевистского гарнизона в Николаевске.

Первое из разгромленных имений было имение Хохлачёва, о котором я говорил уже выше, потом — Шмидта, Устинова — громадная культурная экономия с множеством скота, инвентаря и проч. Все эти три имения разгромлены ещё до октябрьского переворота.

Начавшееся движение отдельными эксцессами разрасталось с каждым днём всё сильнее и сильнее, так что Николаевский Исполнит[ельный] Комитет Народной Власти, состоящий преимущественно из крестьян, вынужден был прибегнуть к чрезвычайному средству. Взвесив все те последствия, которые могли произойти вследствие таких захватов и тот колоссальный убыток от них, который понесёт Николаевский уезд — Комитет постановил взять все частновладельческие имения в своё ведение... Немедленно же было создано особое Бюро, которое и должно было взять в своё управление все до одной конфискованные экономии, поставив в каждую из них своих комиссаров или заведующих.

Вначале этому мероприятию самых решительным образом воспротивились все Губернские Учреждения: и Комитет Народной Власти и Совет Крестьянских Депутатов и Земельный Комитет, которые вынесли такое постановление: Считать постановление Николаевского Комитета преждевременным, толкающим крестьян лишь на захват и посему принять все меры к недопущению проведения его в жизнь. Но потом, спустя месяца полтора, видя нарастание этих захватов и недействительность всех остальных средств эти организации, признали такой способ единственным, могущим спасти все ценности.

Первым пришел к такому заключению Губернский Земельный Комитет, ближе всех стоящий к этому вопросу. Им была принята соответствующая

резолуция, которая вошла потом отдельным пунктом в постановления 4-го Губернского Крестьянского Съезда.

[Четвёртый губернский крестьянский съезд]

Этот пункт гласит: «Все частновладельческие — крупные и мелкие (хуторские и отрубные, превышающие трудовую норму, казенные и банковские хозяйства — промышленные предприятия с оборудованием, находящийся в хозяйствах весь сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, а также постройки (промышленные, хозяйственные и жилые) для правильного использования их в общенародных интересах, впредь до решения этого вопроса в Учредительном Собрании — берутся на учёт и под контроль Губернского Земельного Комитета.

Принятые на учёт Земельным Комитетом хозяйства и промышленные предприятия передаются в ведение и под контроль Земства. Ближайшее ведение хозяйства поручается Земствам и владельцу данного имения или особо избранной администрации из местных людей».

Но было уже поздно. За те полтора месяца, которые потребовались им, чтобы убедиться в неизбежности такого шага, движение приняло такую силу и такие размеры, что остановить его или предупредить какими-либо организованными выступлениями, невозможно было. Это движение застало Губернские власти и уездные совершенно не подготовленными. Они были бессильны бороться с ним. На местах не было ни органов, ни лиц, которые бы тотчас же, как только они замечали поползновение крестьян захватить данное имение, могли бы взять его под своё покровительство, объявив народным достоянием, как это сделало Пилюгинское общество.

К слову сказать, и Губернский Земельный комитет, как и другие Комитеты, дальше этого словесного постановления в вопросе о предотвращении разграбления имения не пошёл. Чем это объяснить, я не знаю,

но факт остается фактом. Вынеся такое постановление, Комитет, как видно из обзора его деятельности, не принял никаких мер к действительному проведению в жизнь своего постановления. В этом его большая ошибка.

[Разгром помещичьих имений]

Чтобы дать читателю хоть слабое представление о силе и размерах этого движения, прокатившегося волной по всей Самарской губернии, я привожу список разгромленных крупных имений Ставропольского уезда и других.

1. Борковская экономия и Рязанская — графа Орлова-Давыдова.
2. Имение А.Н. Наумова в с. Головкином — рассадник крупного рогатого скота и лошадей. Все развезено, растащено.
3. Н.М. Наумова — имение с конным заводом. Разграблена и обстановка.
4. Татарина — в с. Войкином, Чердакл[инской] волости.
5. Шапроне Де-ля-ре — Архангельской вол[ости].
6. Д.Н. Масленникова — в с. Сосновке, Архангельской вол[ости].
8. Марковых — в с. Мулловке
9. Тресвятского — в с. Бригадировке — все разграблено и сожжено. И ряд мелких незначительных имений.

Если читатель внимательно просмотрел этот список, то он, вероятно, заметил, что все эти девять разгромленных экономий группируются в 3-4 волостях, не более. Распространив эту область на весь уезд, мы должны будем это число по меньшей мере утроить и, пожалуй, учетверить.

Бугурусланский уезд — в Ключевской волости:

1. Имение Буянова — все развезено, растащили
2. « Неклюевой тоже
3. « Карпова «

В этом районе хищничество достигло таких размеров, что растащен не только инвентарь живой и мертвый, но и домашняя и кухонная утварь.

Растащены столы, стулья, зеркала и т. д. Одной женщине досталась карета и она эту карету превратила в курятник... Быков распродавали для зарезу.

В Богородско-Кабановской волости

1. Имение Аржанова — было большее хозяйство со скотоводством.
2. Имение Курлина — тоже.

В этой волости был такой случай. Крестьяне одного села, соблазненные помещичьим богатством, задумали разгромить его, но крестьяне другого села, большего, вооружившись, пошли на них, и не дали им громить, а в конце концов разгромили сами.

В некоторых из этих сел часть разграбленного инвентаря была отобрана и возвращена или прежним владельцам или местным организациям.

Самарский уезд

1. Хутор Рассыпного близ села Лопатино.
2. Хутор бывш. Осоргина — близ с. Домашкино.

В Николаевском уезде кроме четырех, приведённых мною раньше, имеются сведения ещё об одном — об имении Ященко близ с. Марьевки.

И в этих уездах, как и в Ставропольском, все эти разгромленные хозяйства группируются на небольшом пространстве — на пространстве двух, трех волостей. Допустив такой же подсчёт и ко всем остальным 330 волостям мы должны будем получить грандиозную цифру — в 300–400 имений.

Однако такой метод подсчёта разгромленных имений по отношению ко всей губернии не может быть допущен, ибо он привел бы к совершенно ложным выводам. Есть не только волости, но и целые районы, включающее в себя несколько волостей, как, например, район Кошко–Шламско–Липовский, которых эта стихия совершенно не коснулась и прошла мимо них, не тронув ни одного помещичьего домика. Можно указать целый ряд таких районов.

Из уездов наименее всего пострадал от этой стихийной волны — Новоузенский уезд, самый многоземельный и обеспеченный. Там до самого последнего времени сохранились такие частновладельческие хозяйства, в

которых они по-прежнему являются полными хозяевами своих земель и засевают на тех же условиях, как они засевали и раньше.

Сказать о степени движения в других уездах в данное время за отсутствием нужных материалов не представляется возможным. Об этом будет сказано мною в другом томе, если к тому времени удастся собрать соответствующие документальные данные.

XI. Заключительный аккорд

Результатом работы над аграрным вопросом за весь год революции, прошедшей через столько последовательных этапов крестьянского движения, выявившего нам вполне идеал его стремлений в аграрном вопросе, получилась полная ликвидация частновладельческого хозяйства и частновладельческого землевладения, как крупного, так и мелкого.

Большинство частновладельческих имений, существовавших с помощью крестьянского наемного труда, были «ликвидированы» самими крестьянами, способами, о которых мы говорили в предыдущих главах;

Другая половина, уцелевшая от этих разгромов деревня, мощной волной прокатившихся по всей Самарской губернии, была ликвидирована Советской Властью, через свои особо созданные ликвидационные при Советах Комиссии.

Инвентарь этих имений, не растащенный ближайшими деревнями, был роздан частью беднейшему крестьянству, частью рабочим, работавшим раньше в этих хозяйствах... Все приведено к одному знаменателю, и если где и сохранились частновладельческие хозяйства, то это большая и необычная редкость, за исключением, как я уже сказал, Новоузенского уезда, где до сих пор еще уцелели в некоторых местах частновладельческие хозяйства.

Вместе с тем, с ликвидацией частновладельческого хозяйства, в Самарской губернии нарождается новый тип хозяйства, небывалый ещё до сих пор в нашей жизни, тип общинного, коммунистического хозяйства...

Это течение, очень слабо и робко проявившееся до сего времени, зарождается в самых низах народа без всякой посторонней помощи и без пропаганды каких-либо социалистических организаций. Побудительным мотивом к созданию такого коллективного хозяйства, по моим наблюдениям, явилось сознание личной выгоды для себя такого способа обработки перед всеми остальными — значит, мотив чисто эгоистический.

В некоторых хозяйствах с очень крупной площадью посева при значительном количестве рабочих было очень мало живого и мёртвого инвентаря, которого не могло хватить и на половину работавших там. Значит ясно, делить его нельзя, а оставаться без инвентаря не улыбалось также никому — оставался один исход, к которому рабочие и прибегли: вести хозяйство сообща, используя хозяйский инвентарь совместно теперь уже для собственных выгод.

Как много таких хозяйств по всей Самарской губернии — мне неизвестно. Из данных по аграрному вопросу, которыми я располагаю, я знаю о четырёх таких хозяйствах, возникших на месте бывших прежних частновладельческих: одно в Николаевском уезде, одно в Новоузенском и два в Бугурусланском.

Характер и направление этих общин лучше всего определяется их уставом, выработанным одной из таких общин «Либерия». Чтобы остаться совершенно объективным в оценке этого вновь нарождающегося явления, и как материал, имеющий историческую ценность — я привожу некоторые выписки из этого «Устава».

1. Цель Общины

« ... Создать большое земледельческое хозяйство с участком земли до трёх тысяч десятин на началах общинного владения, где бы земледельческий труд каждого члена общины облегчён был посредством распределения работ и применением усовершенствованных орудий и машин, и где бы материальная и

духовная жизнь каждого члена была улучшена и обеспечена посредством содержания на средства общины и своего труда».

12. «Все постройки, орудия производства, машины, инструменты, живой и мертвый инвентарь, все предметы потребления и продукты продовольствия, полученные от производства в общинном хозяйстве, мастерских и предприятиях и приобретенные на средства и оборотные капиталы общины, состоят в общинном владении и распоряжении общины».

Из этих двух пунктов мы ясно видим социалистический дух этих общин. Явление безусловно новое в нашей жизни и, к сожалению, не новое в истории европейской жизни.

Дальнейшие пункты говорят об организации работ и управлении этими хозяйствами.

п. 16. «Все работы в отделах общинного хозяйства, мастерских и предприятиях производятся обязательно всеми трудоспособными членами общины...

п. 22. «Ни один трудоспособный член не имеет права отказываться от выполнения работ в общинном хозяйстве и предприятиях и нести службу по выборам общего собрания».

п. 26. Труд каждого рабочего члена в хозяйстве, мастерских и предприятиях ежедневно по выполнении работ вписывается в его личную книжку «Труд» руководителями работ и оплачивается по числу выполненных работ и расценки труда.

п. 30. Жилое помещение на каждую отдельную семью члена выстраивается на средства общины распоряжением общего собрания и предоставляется для пользования бесплатно во все время состояния в общине.

п. 36. Ликвидация общины допустима лишь только в том случае, если все правомочные члены будут согласны на это. При несогласии хотя одного члена ликвидация не допустима.

Не желая обременять излишним балластом и без того уже растянувшуюся статью, я не буду делать комментарии к этому уставу, очень характерному и ценному для нашего времени, а лишь добавлю, что тяга к такого рода общинам, по данным последнего времени, все разрастается и разрастается. Может быть это движение одно из тех стихийных искусственных увлечений, которых так много было за этот революционный период, но оно во всяком случае характерно потому, что указывает нам в какую сторону совершается уклон крестьянской мысли.

П. Климущин

Из биографии латышского крестьянина Ивана Брушвита

Иван Михайлович Брушвит родился в 1879 году в Курляндской губернии в семье крестьянина-латыша. До 10 лет пас скот, выполнял сельскохозяйственные работы. С детства настойчиво стремился получить образование. С большими трудом ему удалось устроиться в местное уездное училище. Во время обучения подрабатывал няней. Затем стал телеграфистом. Работая на телеграфе, накопил денег для поступления в Реальное училище. Закончил учебу весьма успешно. Позже, на свои же средства, поступил в Горный Институт в Петербурге. Одновременно помогал родителям и брату, тоже стремившемуся получить высшее образование, справляться с финансовыми затруднениями.

Членом партии социалистов-революционеров стал в годы ученичества. В 1916 году добровольцем ушёл в армию, в том числе и с целью быть ближе к народу для партийной пропаганды.

События русской революции (март 1917 года) застали его в Самаре, в тыловом гарнизоне. И.М. Брушвит был избран членом Совета военных депутатов, новой организации офицеров и солдат Самарского гарнизона. К лету 1917 года он стал популярен не только среди солдат и младших офицеров, но и среди депутатов губернского Совета крестьянских депутатов. Тогда же, участвуя в подготовке Самарским Советом крестьянских депутатов II-го губернского крестьянского и губернского Всесословного съездов, познакомился с П.Д. Климушкиным,

Крестьянским съездом Брушвит был избран в состав Земельной комиссии. На основе 200 крестьянских наказов, привезённых в Самару крестьянами из волостей и уездов, комиссия составила проект «Временных правил землепользования в Самарской губернии до Учредительного собрания». В нём была выражена воля самарского крестьянства о земле и пользовании ею

до Учредительного собрания. Брушвит стал одним из авторов-составителей временного крестьянского губернского земельного закона – земельных правил. Подобные правила были приняты в мае 1917 года в России лишь в Казанской, Пензенской и Тамбовской губерниях.

На Всесословном губернном съезде (28 мая – 6 июня 1917 г.) Брушвит был избран в состав нового губернского Комитета народной власти, а 14 июня 1917 года, в первом заседании нового исполкома, стал его председателем. В сентябре-октябре 1917 года он был избран гласным Самарской городской думы, в ноябре – членом Учредительного Собрания от Самарской губернии.

Во время Октябрьского переворота в Самаре открыто выступил против власти советов, последовательно отстаивал идею перехода власти к демократически избранным земствам и думам – губернским, уездным, волостным и городским. Решительно возражал против разгона большевистской властью Учредительного собрания, роспуска земств и дум в волостях, уездах и губерниях, был страстным противником большевистского Брестского мира.

За резкие выступления против антидемократических акций самарских большевиков, начавших вооружённую борьбу против губернских демократических крестьянских съездов, Совета крестьянских депутатов и Комитета народной власти, земств и дум, в январе 1918 года И.М. Брушвит был арестован и несколько месяцев содержался в губернской тюрьме.

Воспоминания Брушвита о событиях демократической революции в Самаре и губернии в 1917-1918 годах, свидетелем и активным участником которых он являлся, воспроизводятся в предлагаемом издании по тексту сборника «Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии» (Самара, 1918).

К весне 1918 года ему удалось освободиться из большевистского заточения и он вновь, только осмотрительнее, включился в борьбу за демократию на Волге. Мужественная, решительная деятельность выдвинула его в лидеры будущего Комитета членов Учредительного собрания. 4 июня 1918 года он стал руководителем одного из Ведомств Комуца, провозгласившего

себя Временным правительством Российской Демократической Федеративной республики (РДФР).

После поражения Комуча вместе П.Д. Климушкиным, ближайшим соратником по борьбе за демократию в России и на Волге, Брушвит оказался в эмиграции в Чехословакии.

О его деятельности в эмиграции к настоящему времени известно немного. Но это немного заставляет уважительно вспомнить его имя. Брушвит был создателем пользовавшейся среди российских эмигрантов большой популярностью общественной организации Земгор. Временный главный комитет Всероссийского союза городов был организацией эмигрантского самоуправления. Основным руслом его деятельности была благотворительность. Брушвит также известен как один из инициаторов создания известного Пражского архива. Значительная часть фондов этого архива была составлена из материалов и документов, собранных и сохранённых Земгором. Брушвит входил в состав Временного Совета Русского Заграничного исторического архива (РЗИА). Председателем Совета был А.А. Кизеветтер, членами – Е.Ф. Шмурло, П.Б. Струве, В.А. Мякотин, П.Н. Милюков и другие видные русские учёные и общественные деятели. Благодаря их заботам был создан уникальный исторический архив, содержащий ценнейшие сведения о борьбе за демократию в России, о патриотической деятельности эмигрантских организаций за рубежом. Многие фондообразователи завещали передать документы в Россию, но лишь «после свержения Советской власти» или «по установлению в России законного порядка». Вышло, однако, иначе.

Вопреки воле создателей, Пражский архив стал достоянием гитлеровской, а затем – коммунистической власти. Зимой 1945 года коммунистическое правительство Чехословакии передало архив в дар Академии наук Союза ССР. Решение о режиме его использования принималось, конечно, не учёными. Документы были переведены в режим специального хранения, то есть закрыты для свободного доступа, а фонды разбросаны по разным архивным

учреждениям. Современные источниковеды констатируют, что «это великолепное собрание мемуаров (более 500), различных документов, книг, ... подверглось нещадному хищению». (См.: Источниковедение. М., 1998. С. 658.)

В 1945 году в Праге, освобождённой от германо-фашистской оккупации, И.М. Брушвит был арестован СМЕРШем. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР по ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР 24 сентября 1945 года был приговорён к 5 годам тюремного заключения. Умер в заключении (Владимирская обл.). Реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ в 1992 году¹⁶².

Литература и источники

1. Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. Самара, 1917.

2. Протоколы заседаний 3-го Самарского губернского крестьянского съезда [с 20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского Всесословного съезда [с 22 по 26 августа 1917 г.]. Самара, 1917.

3. Владимирцев Н.И. Документы Пражского архива о русской эмиграции в Чехословакии. Обзор фондов организаций социалистов-революционеров // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований Фонда Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 14-15 августа 1995 г. Сб. докладов. Часть 2. Прага, 1995. С. 561 и др.

4. Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 20 и др.

¹⁶² Авторы благодарны профессору Л.В. Храмкову (Самара), обратившему их внимание на источник, позволивший уточнить информацию о последних годах жизни И.М. Брушвита.

5. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д. Климушкина, З.М.Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918. С. 75-85.

6. Словарь активных участников (партийных и общественных деятелей) революции 1917 — 1918 г.г. в Самарской губ. // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии / Сб. ст. под ред. члена Учредительного собрания П.Д. Климушкина, З.М. Славяновой-Смирновой и др. В двух томах. Т. 1. Самара, 1918. С. 152-160;

7. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 451.

И.М. Брушвит. Воспоминания и размышления

[Заря свободы за тюремной решеткой]

...Заря второго года русской свободы проникла ко мне сквозь тюремную решетку. Мрачный туман окутал землю и силился бороться с рассветом. Но свет медленно и уверенно делал своё дело борьбы с мраком, все яснее и яснее вырисовывалась застывшая в холодных цепях Волга, вынырнули из серого моря массивы Жигулей и оттуда брызнул первый луч веселого, яркого солнца. На минуту душа заныла при мысли о том, что там, за тюремной оградой, люди будут, ликую, славословить лучезарное солнце свободы, в то время как здесь жестокие решётки мешают даже обновлённым близостью весны лучам солнца проникнуть в каменный мешок... Но только на минуту.

Я вспомнил, что свободы нет, что не хватает уже имён, чтобы крестить умирающие и вновь появляющиеся, как бабочки однодневки — газеты, что есть проект использовать кадры безработных для постройки новых тюрем, что забитый обыватель крадётся понурый, испуганно оглядываясь, нет ли по близости кого-нибудь с «мандатом» об обыске, аресте или прочих иных «мерах пресечения».

Я вспомнил, что душа народа, как прекрасная пленница Волга, окована ледяными цепями разочарования и разбитых надежд, что кругом ядовитая серая мгла сомнений и отчаяния скрывает от глаз народа зарю будущего.

Всё это я вспомнил, и серый мой каземат стал как бы приветливее, и радостней, я смотрел на освещённый солнцем Восток.

Уединение способствует восстановлению воспоминаний и возобновлению переживаний прошлого, и я, как, вероятно, многие в этот день, пробегал мысленно все этапы пройденного годового пути, переживал вновь все

светлые и горестные моменты исключительного по своей исторической важности года.

Сейчас, после вихря разнообразных переживаний и ощущений, трудно выделить в памяти наиболее рельефное, наиболее сильное. Всё кажется необычайным. Как бы в сказочном кинематографе мелькают самые неожиданные, самые захватывающие картины.

Переживая вновь все настроения радостной весны, расцвета работы и борьбы с приступами тяжкой болезни, мне хотелось бы остановиться на некоторых, наиболее сильных и рельефных моментах.

Из области переживаний чувств я остановлюсь на двух: на встрече солдатами бабушки русской революции и на отправке первых революционных маршевых рот из Самары на фронт. (Как раз на долю моего полка выпала честь и тяжёлая обязанность такой отправки).

[Бабушка Русской революции в Самаре и солдаты]

Сведения в полку о проезде бабушки через Самару были получены как раз во время заседания полкового комитета. В комитете в это время шла лихорадочная работа по переустройству внутренней жизни полка и по укреплению взаимной связи между солдатами и офицерством. Все прекрасно сознавали, что если разлагающим силам не удастся вбить клин в слабое место армии, место спайки командного состава и солдат, то армия окажется стойкой, окажется стойкой и обновлённая свободная Россия. Как только получились сведения о проезде бабушки Брешко-Брешковской, немедленно был послан оркестр и делегация от солдат и офицеров для встречи её. Сведения оказались неточными, — проезжала не бабушка, а первая партия возвращающихся политических амнистированных. В переполненном, битком набитом народом вокзале, встретились впервые серые солдаты с теми, которых когда-то расстреливали как своих прямых «внутренних» врагов; и тот, кто был там,

помнит, какова была эта встреча нашедших друг друга после бесконечной разлуки, братьев. Это была настоящая русская радость — радость со слезами.

Как потом выяснилось, проезд бабушки задержался длительными остановками в пути, и такая же остановка предвиделась в Самаре. К встрече её стали усиленно готовиться. Я был всецело поглощен работой в полку и не знаю тех приготовлений, которые делались в городе; по той же причине я не мог присутствовать там, так как мне было поручено приветствовать бабушку от имени 130 полка. В полку к тому времени было около 12000 человек.

Появившиеся во всех газетах отрывочные сведения из биографии бабушки вызвали в солдатской массе живейший интерес к ней. Все мало-мальски осведомлённые и интеллигентные силы всеми мерам старались ознакомить серую крестьянски-солдатскую массу с героиней их мечтаний и поборницей их интересов. Наконец, в штаб полка сообщили о дне и часе приезда дорогой гостью.

Бесконечными рядами выстроились шпалеры серых шинелей по пути следования от саперных казарм до Трубочного завода. Около офицерского собрания 130 полка назначена была остановка и приготовлен был завтрак налегке. Весь командный состав полка налицо. Торжественно напряженное ожидание. Наконец слышатся звуки оркестра и раскатистое мощное «ура». Все взоры сразу впиваются в дорогу и оттуда выезжает — нет, не бабушка, а сама русская революция, на русской тройке, окружённая тысячами горящих глаз и пылающих сердец. Как странно... я улыбался, когда читал, что семидесятилетнюю старуху в сибирской тайге охраняли шесть надежнейших жандармов. Но когда я увидел, какой огонь загорался в тысячах глаз при приближении этого символа русской революции, как, в свою очередь, этот огонь отсвечивал в ясных еще, не померкших от старости и гонений ясных глазах народной героини, я понял, что самодержавное правительство поступало мудро, посадив этот неугасимый светильник революции в далёкую тайгу, под надёжную охрану жандармов.

Сани остановились, и я должен был сказать приветствие от имени полка. Но подавляющая торжественность и величие обстановки душили слова и в результате получилось, что революционные внуки и революционная бабушка на радостях встречи — плакали.

Во время завтрака молодёжь, главным образом, офицеры с жадностью ловили каждый звук еще бодрого и звучного голоса стойкого борца за землю и волю.

Врезался мне в память один характерный эпизод.

Во время общего разговора, кто-то из сопровождающих бабушку, бросил фразу, что революция вспыхнула неожиданно, что мы оказались к ней неподготовленными. Внезапно голос её изменился, стал суровым, глаза засверкали, и нам пришлось выслушать внушительную нотацию за наше маловерие. Она как раз подчеркивала, что на своём пути ей не раз приходилось слышать подобные слова и, чтобы показать, что молодая революция оказалась на высоте, она рассказала, как она немедленно приказала собираться и тронуться в путь, как только пришли первые вести о творящихся в Петрограде событиях.

— «Я знала, что это должно произойти, знала, что этот момент наступит, и я со всею серьёзностью к нему готовилась, и меня он врасплох не застал».

Поражала всех бабушка своей бодростью и энергией, несмотря на утомительное путешествие.

По выходе из собрания солдаты, собравшись необозримой толпой около саней, просили сказать что-нибудь им на память. И тут, о жестокая гримаса судьбы... она с такой силой говорила об Учредительном Собрании, говорила о том, что Учредительное Собрание устраивает судьбы родины не на десятки, а, может быть, на сотни лет; что к нему нужно готовиться со всей серьёзностью и торжественностью; она закончила, полушутливо, полусерьёзно угрозой, что «бабушка — ворчунья и что будет очень журить внуков, если они не сумеют дать и поддержать Учредительное Собрание».

Когда старушку бережно усадили в сани, когда лихая тройка нетерпеливо прокладывала путь через серое людское море, — думалось, что уезжающий на этой тройке отрывок русской революции незримыми, нерушимыми связями спаян с окружающей массой, незримой цепью страданий, самопожертвования и чаяний.

Сани медленно двигались по направлению к Трубочному; играл оркестр; кричали ура, и, казалось, от всех уезжает всем родная, всем близкая бабушка, от которой, неведомыми путями, к каждому перешла искра святого огня, который никогда не гаснет.

Счастливые воспоминания и ужасная действительность... Снова тюрьма... снова гнёт, и бабушка, до нравственного облика которой не дерзали дотрагиваться шпионы и провокаторы царского самодержавия, в глазах народа, которому она отдала всё, превращается в изменницу революции, народу и правде — по уверениям товарищей, весной прошлого года одинаково взволнованных бабушкой...

[Отправка на фронт первого революционного эшелона]

Воскрешая в памяти светлые моменты весны русской революции, не могу не вспомнить об отправке на фронт первого революционного эшелона. Хотелось бы со всей беспристрастностью и правдивостью описать это событие, чтобы читающие могли составить себе истинное представление о том, как разлагалась армия и кто причина тому, что мы из «Великой России» стали «Великороссией».

Всем памятли последние шаги царского правительства, направленные к поголовной мобилизации и увеличению состава армии. Беспристрастный историк, конечно, даст правдивую оценку тех безумных мероприятий, которые толкали России к экономическому краху, а армию превратили в колоссальные,

бесцельные скопища людей. Но может быть, не все знают, что такое были запасные полки того времени...

В 130 полку по спискам числилось свыше 12000 человек. Пополнять он должен был первую Сибирскую стрелковую дивизию, которая численностью, вероятно, была меньше этого полка; но когда на долю полка выпадала тяжелая обязанность отправлять на фронт очередные маршевые роты, то из этих 12 тысяч людей с трудом можно было набрать 5-6 рот нормального состава (по 250 чел.). В списках значились калеки, больные, которые не только были негодны к несению военной службы, но вряд ли были пригодны к обыденной жизненной деятельности. Понятно, что при таких условиях, значительная доля вины будет возложена на тех, которые из запасных резервуаров боевых сил сделали какую-то богадельню.

Но я смело утверждаю, что эта причина не была достаточна, чтобы испортить в солдате солдата и многие из русских обывателей грешат по отношению к русской армии, приравнивая её целиком к тем оборванным типам, которые превращались в сомнительных маркитантов, наводнявших улицы шелухой подсолнуха, а толкучку — казенными вещами. Всего было. Но армия в своём большинстве крепилась и долг свой исполняла, и понадобилась большая разлагающая сила, чтобы армия дошла до того состояния, которое привело Россию к Брестскому позорному столбу.

Как доказательство того, хочу привести именно отправку первых после переворота маршевых рот из Самары. К этому времени уже злонамеренная клевета делала свое растлевающее дело. Говорили про бесчисленное множество дезертиров с фронта; говорили, что сибирские эшелоны будто бы, по дороге занялись бесчинствами и грабежами. Наступал период полевых работ, — страшная проблема, кому ехать на поле смерти и страданий, а кому — на родные нивы и луга. В полку были роты уже вполне приготовленные к отправке, были и роты уже обученные, но еще не подвергшиеся медицинскому и военному осмотру.

Не помню точно число, но, кажется, в конце марта, согласно полученного распоряжения, роты должны были быть отправлены. Я был тогда товарищем председателя полкового комитета, и на мне, как на солдате, лежала вся тяжесть обязанности улаживания недоразумений с солдатской массой. В таких недоразумениях недостатка, конечно, не было. Пришлось сплошь переосвидетельствовать все роты и оставить всех неспособных к несению военной службы, каковых, кстати сказать, в уже подвергнувшихся медицинскому осмотру ротках оказалось до 30%. И это без преувеличения, без послабления со стороны врачей. Осмотр производился в присутствии членов полкового комитета, и освобождали только действительно неспособных к походу. Несмотря на сильное, благодаря вторичного осмотра, поредение в первом эшелоне из пяти рот было около 1200 человек. Особенно много трудностей было в улаживании трений между кадровыми и солдатами, между которыми накопилось много серьезных недоразумений за время самодержавного режима.

Наконец наступил тревожный момент посадки. До переворота маршевые роты отправлялись под сильным конвоем, чуть ли не на положении арестантов. Но нельзя же конвоировать свободных граждан, идущих защищать свою свободную родину.

Солдаты, почти все уже эвакуированные, идущие на фронт во второй, даже третий раз, и это в то время, когда сосед уезжает на пашню.

После, бесчисленного количества мелких недоразумений, после множества более или менее крупных трений, наступил знаменательный день.

Извещены об уходе вновь сформировавшиеся демократические организации и город готовит соответствующие проводы. Полк, насколько мог, предпринял всё, чтобы торжественно проводить своих товарищей. Над каждой ротой развевалось красное знамя с надписями, соответствующими моменту; множество красных флажков на руках у солдат. Полк выстроен на площади; туда же прибыли представители демократических организаций, Трубочного

завода и других профессиональных организаций со знаменами и оркестрами. Роты своевременно выстроились: отслужили напутственный молебен, произнесли речи.

Настроение радостно-серьёзное. Уходящие товарищи в последний раз обнимаются с остающимися, раздается команда, и рота за ротой, стройно, с развевающимися знаменами, выступает к вокзалу.

По пути присоединяются делегации и оркестры от 143 полка и запасной артиллерийской бригады и народу, народу без конца.

Благодаря разливу полой воды, движение стройными колоннами невозможно и роты направляются к вокзалу вольным строем, смешавшись с провожающими.

На вокзале первое испытание — сколько отставших по пути. Переключка — все налицо.

Рассаживаются по вагонам; произносятся речи; непрерывно играют оркестры; наконец, под взаимные приветственные клики и прощальные пожелания, поезд трогается в путь. У всех, и отъезжающих, и остающихся ещё общая вера в конечное торжество революции и России.

Через некоторое время вернулся начальник эшелона и доложил, что доставил его прямо в окопы. Из 1200 человек оставшихся по дороге было 10 человек и то сданных комендантам станций, как заболевшие.

Вот какое было в то время настроение в солдатских массах и вот насколько справедливо общее мнение обывателя, что армия превратилась в беспорядочную банду. Нет, понадобилось дружное усилие множества лиц, не знавших ни духа, ни внутреннего содержания армии, что бы привести её к интернациональному позору.

Тут нужно сознаться, что в народе, с праздничным настроением весны свободы, начинали уже проявляться симптомы нарастающей опасности. Массы не поняли существа происшедшего; не поняли, что единственным хозяином, к которому можно предъявлять требования, были они сами, — стремления к

переустройству личной жизни, как девятый вал затопили все, что такой лёгкой ценой дала революция.

Вслед за проведением в жизнь восьмичасового рабочего дня, стали нарастать требования об увеличении заработной платы. Солдаты, отчасти по непониманию, отчасти под влиянием растлевающей агитации, стали предъявлять ряд аналогичных требований насчёт улучшения своего положения, между прочим требование, о доведении солдатского жалованья до 15 рублей в месяц.

[Деревня, многомиллионный сфинкс]

Деревня, многомиллионный сфинкс, которая была поставлена перед «землей и волей» не как перед боевым лозунгом, а как перед очередной задачей, еще молчала, но и оттуда стали поступать сведения, что сфинкс этот начинает пошевеливаться. Что родится из этого движения — стремление к новым формам народного труда или тоже стремление к удовлетворению узких эгоистических помыслов, — вот вопросы, тревожившие всех, которым дороги были результаты революции.

Для всех сознающих положение было ясно, что народ коснеющий во мраке, разъединенный и политически аморфный, поставлен перед разрешением небывалой мировой задачи, которая может оказаться ему не по плечу. И всем также было ясно, что единственное орудие, которое может направить народ на рельсы разумного творчества, — это организация масс: организация, которая должна русскому народу заменить недостающее историческое воспитание, организация, которая часами должна была создать то, что другие, исторически более счастливые народы, создавали годами. Организация, которая из аморфной народной массы должна была создать стройные ряды трудовой армии, которые стойко могли бы противостоять надвигающимся разрушающим силам. За эту организацию и взялись с лихорадочной поспешностью.

В Самаре, как и в большинстве крупных центров, немедленно же создались советы рабочих и солдатских депутатов. Первый совет рабочих депутатов был в большинстве своём чисто явочный, а совет солдатских депутатов был избран весьма несовершенно и был составлен в количественном отношении весьма неудовлетворительно.

Совет крестьянских депутатов, хотя и был сформирован на первом крестьянском съезде, но был настолько малочислен, что фактически роль, которую он играл, была весьма незначительна.

Лично мне пришлось принять живейшее участие в формировании совета военных депутатов и совета крестьянских депутатов и на этих двух моментах революционно-организационного творчества в Самаре мне хотелось бы остановиться.

Главный недостаток совета солдатских депутатов был, как я уже упомянул, его недостаточная численность и несоответствие соотношению между численностью представителей крупных и мелких частей, с значительным преобладанием в пользу последних. Самым же крупным недостатком следует считать зарождение сразу двух советов — солдатских и военных депутатов, первого без, а второго — с участием офицеров. Такая конструкция совета сразу выдвинула и как бы подчеркнула разнородность интересов офицерства и солдатских масс, — положение, которое должно было быть во что бы то ни стало устранено для сохранения целостности и однородности армии. Благодаря малочисленности, совет военных депутатов первого состава, несмотря на героическую работу, не сумел пустить корни в солдатских массах, а [информации] о деятельности его до масс доходило весьма мало. Поэтому неоднократно делались попытки созвать гарнизонное собрание, но все такие попытки, как плохо организованные, терпели неудачу.

Наконец, по возникшему почти одновременно во всем гарнизоне стремлению, начались предварительные организационные заседания представителей частей, которые выработали схему организации будущего

совета военных депутатов. Эта организационная комиссия и созвала гарнизонное собрание уполномоченных от воинских частей, которое стало учредительным собранием для самарского гарнизона.

Не стану вдаваться в подробности и функционирование конструкций совета военных депутатов, я скажу одно, что участники могут с гордостью вспомнить о той стройности, с которой эти два учредительных заседания прошли, несмотря на то, что в первую же очередь перед собравшимися вырос такой колоссальной важности вопрос, как вопрос восьмичасового рабочего дня на фабриках. Собрание с ним справилось и вышло с честью.

Результатом организационных заседаний было утверждение состава совета военных депутатов, с пропорциональным представительством от крупных частей и обеспечением права голоса мелким гарнизонным единицам. Перед советом немедленно же выросли такие громадные вопросы, как распределение и отправка солдат на полевые работы, охрана речного и железнодорожного транспорта, которому пришлось выдержать безумный натиск хлынувших со всех сторон солдатских масс и сохранения в рядах войск разумной необходимой дисциплины. В Самаре могут с гордостью сказать, что по организованности гарнизона вряд ли были равные ей города, по крайней мере в Казанском военном округе.

Наряду с организацией гарнизона выдвигался вопрос об организации власти в губернии и в связи с этим, вопрос об организации крестьянства.

Нужно сказать, что власть в Самаре была в довольно своеобразном положении. В сознании масс стихийно возникло понятие о «народной власти», как о чем-то естественно верховном.

При разрешении разных вопросов в самых разнообразных комбинациях термин «комитет народной власти» фигурировал как последняя цитадель права, справедливости и принуждения.

На самом деле положение с этой властью было довольно своеобразное, наверху был губернский комиссар — представитель временного правительства,

им назначенный; властью популярной для масс, был Комитет, Народной
Власти.

Этот последний, как и всё в начале, явочный, был потом сформирован из
представительства разных групп — рабочих, крестьян, горожан и солдат.

Недостатки первых советов отразились и на Комитете Народной Власти.
В общем, и комиссар и комитет были оторваны от народных масс.

Все сознавали, что власть только в том случае может сыграть
подобную ей роль, если она будет опираться на широкие народные массы.
Из этого непосредственно вытекало следствие, что она должна быть теснейшим
образом связана с крестьянством, как самым многочисленным классом,
которому, несомненно, в конечном итоге, суждено будет сыграть решающую
роль.

В силу таких соображений и был созван второй крестьянский съезд,
который потом должен был войти в общегубернский всеобщий съезд с
целью конструирования общегубернской всенародной власти.

Вполне понятно, что, по техническим условиям, нельзя было такую
власть сконструировать по именной формуле и для начала поневоле должны
были довольствоваться компромиссом — куриальным представительством от
крестьян, рабочих и солдат и отдельная курия от горожан.

Крестьянский съезд был созван весьма многочисленный - от 300
чел[овек] населения один представитель; крестьяне явились на съезд в полном
числе.

Съезду этому суждено было сыграть большую экономическую и
политическую роль. Экономическая сторона состояла в возможно
целесообразном разрешении аграрного вопроса, который, в особенности, в
Самарской губернии, стал подниматься во всей своей остроте и величине.
Разрешение его требовалось в двух направлениях — в сторону возможного
увеличения площади посева и в сторону сохранения народного богатства от
стихийного уничтожения.

Политическая сторона заключалась в том, чтобы создать на съезде прочную крестьянскую организацию, которая могла бы занять положение, соответствующее роли крестьянства для государства.

Я был делегирован на съезд от партии с-р. и с не малой тревогой смотрел на него. Действительно, — впервые приходилось политической партии встретиться лицом к лицу с разрешением тех вопросов, которые разрабатывались всегда в значительной мере в целях пропаганды. Приходилось стать перед представителями того русского крестьянства, около которого билась вся лучшая политическая мысль, не только России, но в значительной мере и Запада.

Тревожила мысль — удастся ли из этой тысячной толпы непривыкших ни к коллективным действиям людей, ни к подчинению партийной дисциплине, создать организованное стройное собрание или это будет общегубернская сходка.

По моему глубокому убеждению крестьянство этот экзамен выдержало и экономически и политически.

Собрание, сначала бурное и стихийное, постепенно входило в рамки парламентаризма и с течением времени президиум с ним справлялся не хуже, чем во многих европейских парламентах.

Решение, принятое на этом съезде, представляет несомненно крупный исторический интерес и история сделает несомненно свою оценку в смысле роли, которую они сыграли в общем ходе собраний (вероятно, опечатка. По-видимому, вместо «собраний» должно быть «событий». – Сост.). В ответ на многочисленные нападки, которые мне, как одному из руководителей съезда, приходилось выслушивать, я могу сказать одно: в то время, когда в потерявшей здоровую ориентацию городской массе начались стихийно развиваться узко-эгоистические стремления, нельзя было подавляющее большинство России убажывать разговорами о спасении родины, о жертвах. Разговор из плоскости

этики должен был быть переведен в плоскость экономики, — по возможности зоркой.

Крестьянин должен был получить уверенность, что все те жертвы, которые он несёт в форме людей на фронте, в виде продуктов по твёрдым ценам, необходимы для защиты родины, которая из родины самодержавия и крестьянского обнищания должна стать родиной воли и земли.

И крестьянство, получив уверенность, что ход событий развивается в направлении его давних чаяний, показало, что оно способно усваивать общее положение. Кто был на съезде, помнит те трогательные сцены, которые разыгрывались на съезде при появлении делегатов Первой Сибирской стрелковой дивизии, приславшей звать своих товарищей на мировые баррикады в окопы.

Та отзывчивость, с которой крестьяне губернии, которой угрожал полный неурожай, отнеслись к докладам продовольственного комитета, та исправность, с которой поступали и продолжали поступали продовольственные наряды из Самарской губернии, — показывало, что крестьянство способно к пониманию общегосударственных задач. Дальнейшие 3 — 4 съезды меня вполне убедили, что крестьянство вполне пригодный сырой материал для того, чтобы из него лепить будущую русскую государственность...

За последнее время усиленно стали разыскивать Мининых и Пожарских. Не знаю как насчет Пожарских, но насчет Минина я могу вполне уверить, что он найдется в лице русского крестьянства.

В заключение мне хотелось бы остановиться на конструировании власти в Самарской губернии, считая губернию, где 80% населения составляют крестьяне, по производству почти исключительно земледельческой, в орган власти которой крестьянство должно было получить достойное место.

При правильно построенной демократической народной власти крестьяне, конечно, играли бы доминирующую роль. Но так как Комитет Народной Власти по идее своей должен был являться властью временной,

служащей связующим звеном между центральным правительством и народными массами, то о строго пропорциональной конструкции её по техническим соображениям говорить не приходилось.

Даже чтобы вместе было и достаточно авторитетно и достаточно народно по обще обоюдному согласию, комитет был составлен из представителей крестьян, рабочих, солдат и горожан, с небольшим преобладанием крестьянского представительства над отдельными группами.

Как отрадный факт, не могу умолчать о том, что крестьянство охотно шло навстречу идее пополнения совета крестьянских депутатов интеллигентными силами.

Главной задачей этой власти должно было быть проведение мероприятий, принятых на первом всеобщем губернском съезде. Как это ему удавалось, с какими трудностями ему при этом приходилось бороться, равным образом про ту борьбу, которую ему приходилось вести против разрушающих сил после переворота 25 октября, я постараюсь передать в другом месте.

Теперь лишь скажу, заканчивая, что, по моему глубокому убеждению, работа эта пошла не даром. Под толстым налётом пепла разрушения имеется еще одна организованность народовластия и, когда настанет время, освежающим ветром пепел сдуется, и вспыхнет опять огонь народного творчества.

Много ли придётся великой Волге, воплотившей в себя всю ширь русской скорби впитать в себя русских слёз, а, может, быть и крови, этого сказать не могу. Одно знаю, что загорающаяся за Жигулями заря нового года русской свободы есть заря действительно свободного народного жизнетворчества.

Брушвит

Самарская тюрьма. Март 1918 г.

П.Д. Климущкин. Борьба за демократию на Волге

1. Задача Комуча

Приступая к обзору деятельности Комитета Членов Учредительного Собрания я, прежде всего, позволю себе поставить один предварительный вопрос: в чем был пафос борьбы на Волге? Что составляло, так сказать, основную сердцевину программы Комуча, во имя которой он начал восстание против большевиков и вел её впоследствии на два фронта? У большевиков, как нам известно, пафос борьбы давал лозунг — диктатура пролетариата. Во имя этого лозунга была построена вся борьба с Временным Правительством и со всеми правительствами, возникавшими впоследствии на территории России. Во имя этого лозунга рабочие шли на подвиги, на смерть и на преступления. им были зажжены сердца измученных, отчаявшихся классов русского народа, во имя его рабочий пошёл против своего брата крестьянина...

Основой белого движения было стремление создать военную диктатуру. Что же этим двум диктатурам — справа и слева — было противопоставлено волжским движением? И ещё одно. В чем Комуч видел свое главное задание — в борьбе ли с Германией, или в борьбе с большевизмом?.. Этот вопрос я ставлю не без основания, ибо, как мне известно, даже между нами — участниками волжского движения — до сих пор нет единства мнения по этому, кардинальному и основному для нас вопросу.

Одни говорят, что главная и основная задача волжского движения, дававшая пафос и внутреннюю силу ему, заключалась в борьбе с Германией. Германия, с её движущимися полчищами внутрь России — вот был наш главный враг, на борьбу с коим мы и призывали весь русский народ. Другие, наоборот, утверждают, что главная и основная цель волжского движения была

борьба с большевиками, а борьба с Германией составляла лишь привходящий элемент, выдвинутый последними событиями русской жизни.

Поставленным вопросом я особенно усиленно занимался в последнее время. Не полагаясь ни на свои личные впечатления, ни на свою память и на своё отношение к волжскому движению, я исследовал целый ряд материалов: приказов, речей, деклараций, и результаты этой работы я и представляю вниманию читателя.

Чтобы ответить объективно на поставленный вопрос, мы обратимся к указанным мною материалам. Так, в воззвании Комуча, в первом его акте, говорится: «Власть, предавшая немецкому штыку, опозорившая страну перед всеми народами своим предательским сепаратным миром, заклеившая родину позорным именем изменников, позорно, с лакейской угодливостью, исполняющая все немецкие приказы, штыком и насилием захватившая власть в стране, вопреки воле народа, посягнувшая на эту волю в лице Учредительного Собрания, теперь сметена тем же оружием Переворот, совершенный нами благодаря подходу к Самаре доблестных чехословацких отрядов, совершен во имя великого принципа народовластия и независимости России».

И дальше. В приказе № 1, о принятии власти Комучем, от 6-го июня, т. е. написанном за два дня до взятия Самары, в конце говорится: «Призываем всех граждан сплотиться вокруг великого и всенародного Учредительного Собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть Учредительному Собранию. Вот лозунги и цели новой революционной власти». Я обращаю внимание на одно выражение — «единая Россия». Это слово «единая» Россия будет употребляться в дальнейшем во многих приказах.

Таким образом, оно употреблено не случайно. Чрезвычайно ясно и ещё более отчетливо, чем в предыдущих строках, определяет свою позицию и пафос борьбы Комуч в обращении к союзникам. Там, между прочим, говорится: «Комуч своей ближайшей задачей ставит укрепление власти Учредительного

Собрания. Создание национальной армии для борьбы с внешним врагом. В области внешней политики Комитет Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы Брестского мирного договора».

Настроение руководителей волжского движения отчетливо выявилось в обращении к крестьянам Самарской губернии, подписанном Брушвитом, Климушкиным и Фортунатовым, тремя членами Комуча, т. е., в сущности, значительным большинством его первоначального состава: «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание, — говорится в этом документе. — Да здравствует защита родины от жадных иноземных полчищ, руководимых Вильгельмом и его приспешниками. Да здравствует великий русский парод. Да здравствуют наши союзники в борьбе против германского насилия. Да здравствуют наши кровные братья чехи, словаки, сербы и все славяне. Долой насильников. Да здравствует свобода, равенство и братство». Наконец, если мы проследим все дальнейшие официальные документы Комуча, как-то, приказы, воззвания и декларации, выпущенные в августе месяце за подписью уже свыше тридцати лиц, то и в них мы найдем те же самые мотивы, даже ту же страстность в выражениях, что и в приведенных. Но, это, возразят мне, официальные документы, отражавшие, естественно, главным образом, мнения, настроения и позицию официальных органов, в данном случае «Комуча». Но как подходили к заданиям момента другие деятели Комитета и другие группировки, поддерживавшие Комуч в его борьбе за демократию?

Минин, влиятельный член Учредительного Собрания, на митинге 20-го июля в Самаре, говорит: «Очередная задача момента — это возрождение России — национальное возрождение». Гендельман, член ЦК ПСР, на том же митинге к словам Минина добавляет: «Свержение большевиков есть одновременно переход на военное положение с Германией». П.Д. Климушкин, в своем обращении к Самарскому Союзу Женщин, говорит: «Молодая Народная Армия, созданная для защиты истинного народовластия и для борьбы

с германо-большевизмом, несет уже великие жертвы». Веденяпин, член ЦК ПСР (но не член Комуча), в письме на имя Редакции Вестника Комуча, пишет: «Основная задача партии является борьба за восстановление независимости России и возрождение ее национального государственного единства».

Особенно выпукло, не оставляя никаких поводов к кривотолкам, Комуч выражает свою позицию в обращении к Донскому казачеству: «Сорганизовавшийся в Самаре Комитет Членов Учредительного Собрания, — говорится в этом обращении, — выкинул стяг возрождения России для борьбы с большевиками и немцами». Союз Инженеров и Техников гор. Симбирска в своей резолюции по текущему моменту говорит: «Все должны объединиться в единую партию — спасения России, которая поставит себе целью, совместно с славными союзниками, изгнать из России германские войска и честно довести войну до почётного мира». Войска были мобилизованы, конечно, для борьбы в первую очередь с большевиками. В манифесте, объявляющем мобилизацию, говорится ясно: «Именем народа, именем Учредительного Собрания, призываем для борьбы с предателями России, Свободы и Революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности объявляется диктуемый государственной необходимостью призыв в ряды Народной Армии».

Но борясь с большевиками, Комуч неизбежно переходил на военное положение с Германией. Несомненно, однако, что главное ударение нужно сделать всё же на первом моменте, на борьбе с большевизмом, хотя бы уже по одному тому, что, не победив большевиков, нельзя перейти на активную борьбу с Германией.

Правда, реально вопрос борьбы с Германией не стоял в то время перед нами, т. е. реально в том отношении, что мы не должны были посылать сейчас же свои войска на немецкий фронт, но это, однако, нисколько не ослабляло и не ослабляет наших принципиальных позиций.

Из цитированных документов мы ясно видим, что Комуч всё же эту задачу ставил в свою программу, видел её перед собою и готовился к ней.

Правда, мир с немцами был заключен, фронт был сорван, войска распущены. С другой стороны, однако, сама жизнь и создающаяся политическая обстановка выдвигала на очередь второй пункт нашей основной программы. Нужно иметь в виду, что германская опасность была не мифом в то время, а действительностью.

Немцы, захватив Украину, начали понемногу продвигаться уже и вглубь центральной России. Не имея под рукой достаточно информации, русское население в Поволжье смотрело на это продвижение с некоторой преувеличенной испуганностью. Например, у нас, в Самаре, говорилось, что немцы подходят уже к Царицыну и, не сегодня-завтра, может быть, появятся близ Самары.

Эти планы в то время казались вполне возможными и естественными. Всем было известно, что Германия, истощённая 4-летней войной, крайне нуждается в продовольственных запасах. Волга, с ее не вычерпанными ещё складами хлеба, представлялась для немцев весьма крупной ценностью.

Таким образом, продвижение немцев к Волге приобретало в наших глазах вероятность. С другой стороны, нам было ясно, что большевики не будут признаны союзниками, как в силу их внешней политики, так и внутренней. Германия же, заключившая с большевиками удачный договор и тем выведшая Россию из боя, постарается во что бы то ни стало поддержать их, хотя бы только на время войны с союзниками. Создавался, таким образом, неизбежный союз.

Поэтому распространяемые слухи о продвижении немцев к Волге, как для собирания хлебных запасов, так и для возможного оказания вооруженной поддержки большевикам, казались естественными и правдивыми. Этим, как мне думается, и объясняется то напряженное отношение к немцам, какое мы видим в среде всех слоев русского населения, и то, что, ставя своей целью борьбу с большевиками, Комуч одновременно считает неизбежным и переход на военное положение в отношении Германии.

2. Основная линия Комуча

Итак, в предыдущей главе мы указали, что главной задачей борьбы на Волге являлась борьба с большевиками, как с внутренним врагом, и восстановление борьбы с Германией, как с врагом внешним. Но, борясь с этими врагами, внутренним и внешним, что же Комуч противопоставил во внутренней политике демагогии большевиков; как себе мыслил Комуч всю свою остальную деятельность, свое государственное творчество? Постараемся ответить на этот вопрос при помощи официальных данных, кои в настоящее время имеются в нашем распоряжении.

Прежде всего необходимо сделать одну оговорку, весьма существенную и весьма много нам объясняющую. «Комуч», взяв на себя тяжесть организации противобольшевицкой борьбы, за все время своего существования, как в первый период, так и во второй, считал себя властью временной, не призванной разрешать основных проблем государственной жизни России.

Хозяином земли русской, призванным разрешать все эти проблемы, поставленные историей России, должно явиться, по его мнению, Учредительное Собрание. Ему, и только ему одному, принадлежит это право. Все правительства, где бы они ни были, как бы они ни были созданы, имеют право лишь на временное разрешение тех или других вопросов, хотя бы по существу и весьма важных и крупных для России.

Этим и объясняется то, что Комитет во всех своих приказах и декларациях всегда подчеркивал, что «впредь до Учредительного Собрания», «впредь до разрешения вопроса будущими государственными органами» постановляется то-то и то-то. Этим объясняется и то обстоятельство, что Комитет вместо законов издавал приказы, вместо министерств создал ведомства и вместо министров — управляющих ведомствами. Всем этим

Комитет хотел подчеркнуть, что он считает как себя, так и все свои деяния лишь временными, преходящими.

Как на свидетельство, доказывающее правдивость моих утверждений, можем сослаться на автора далеко не сочувствующего Комучу, как организации эсеровской, с его точки зрения, а именно на Майского.

В своей книге «Демократическая контрреволюция», изданной в Москве, после его перехода к большевикам, он также пишет: «Комитет с самого начала рассматривал себя, как временное, в первую неделю существования — даже, как на очень кратковременное учреждение». Такое положение, само собой понятно, не располагало к созданию вполне продуманной и законченной программы. Этим также, мне думается, объясняется и то обстоятельство, что Комитет разрешает вопросы не в той их последовательности, в какой следовало бы это сделать при других обстоятельствах, выдвигая иногда на первый план вопросы, менее значившие для жизни государства, чем другие, и отодвигая назад такие вопросы, кои, казалось бы, заслуживали наибольшего внимания и наискорейшего разрешения.

Также, как мы это видим по датам приказов, вопросы разрешаются с большими перерывами, в некоторой бессистемности, как бы от случая к случаю. Это с одной стороны. С другой стороны, Комуч работал в обстановке военных боев. С полным основанием и в буквальном значении этих слов, можно сказать, что Комуч работал на передовых позициях, ибо вся территория Комуча в первые несколько недель определялась городом Самарой и его ближайшими окрестностями, радиусом в 20-30 верст. Изю дня в день приходилось ждать натиска врага, готовиться к отходу и, быть может, к бегству, и, понятно при такой неуверенности в завтрашнем дне не создавалось благоприятных условий и импульсов для постановки в программу дня большой, законченной платформы государственной деятельности.

Кроме того, в первые два месяца, наиболее значимые и интенсивные во всех отношениях, работало в Комуче, по существу, всего лишь 2 1/2 человека,

что, конечно, не могло не отразиться, как на качестве работы его, так и на количестве. Поясним это несколько детальнее. Как известно [...], первоначальный состав Комуча состоял из пяти человек: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров, Фортунатов. Из них Фортунатов всё время, дни и ночи, проводил на фронте, появляясь в Самаре лишь изредка, на два-три часа, для разрешения опять-таки некоторых вопросов, выдвигаемых фронтом. И. П. Нестеров с первых же дней волжской борьбы занялся казачьими делами и так же всё время был в отъезде — то в поезде в Уральск, то в поезде в Оренбург; И.М. Брушвит, в качестве нашего присяжного дипломата, большую часть времени в первые дни проводил в разъездах и переговорах то с чехословаками, то с сибиряками, то с местными общественными и финансовыми кругами, отдавая внутреннюю работу Комуча лишь на половину.

Таким образом, вся внутренняя работа Комуча — законодательная, организационная, политическая и даже техническая — легла в первый момент всюю своею тяжестью, по преимуществу, на плечи двух членов Комуча — на В.С. Вольского и П.Д. Климушкина. Как бы ни были талантливы и энергичны названные лица, всё же справиться им со всею работой было чрезвычайно трудно. Это обстоятельство, как я сказал уже выше, также отразилось на продуктивности и систематичности в работе Комуча.

С другой стороны, сама жизнь выдвигала иногда такие вопросы, кои необходимо было во что бы то ни стало, если не разрешить, то так или иначе на них ответить.

Так, например, не разрешив аграрного вопроса, нельзя было рассчитывать на какое бы то ни было участие крестьянских масс. Комитет в своей деятельности, опирающейся по преимуществу на крестьянство, или, во всяком случае, желающий на него опираться, должен был подойти к разрешению этого вопроса. Вопрос об отношении к советам рабочих и крестьянских депутатов также был выдвинут самой жизнью, и на этот вопрос Комуч должен дать также свой ответ. И таких вопросов, требующих разрешения, было не мало.

Наконец, еще одна необходимая оговорка. В мемуарах некоторых правых авторов указывалось, что Комуч в своей деятельности руководствовался исключительно интересами партии большинства и все вопросы разрешал в зависимости от того, как они были предрешены партийными постановлениями, ни на йоту не желая поступиться программными решениями партии во имя интересов государства. Это утверждение также не соответствует действительности.

Конечно, программу Комуча в значительной степени предрешала вся предшествующая деятельность как Учредительного Собрания, так и Временного Правительства, и многие постановления партии, но вместе с тем Комуч, при решении целого ряда вопросов исходил не из того, что постановила партия, а из того, что в данный момент диктовалось ему государственной необходимостью, требованиями момента и обстановкой. Как один из участников и руководителей этого движения, категорически утверждаю, что ни в одном из своих решений, ни в одном из своих заседаний, Комитет, ни отдельные члены его, никогда не мотивировали свои решения решениями съездов или ЦК партии; наоборот, в чрезвычайно многих заседаниях и совещаниях неофициального характера, члены Комитета с полной откровенностью шли иногда на конфликт с постановлениями партии.

Мы понимали, что теоретические постановления партии не всегда могут согласоваться с запросами жизни и что обязанность политического деятеля не заключается в том, чтобы рабски копировать или детально проводить в жизнь постановления партии, а, беря их за основу, корректировать в соответствии с требованиями жизни. Если и не было в наших постановлениях принципиальных отклонений от позиции партии, то именно потому, что Комуч считал необходимым разрешить вопрос именно так в силу сознания, что это вызывается интересами государства, а не партии. Сделав эти оговорки, мы можем перейти к выяснению программы Комуча.

Основные пункты программы были выявлены Комитетом в первых же его приказах и воззваниях. Так, в цитируемом нами воззвании Комуча к гражданам Самары говорится, что «переворот совершен во имя великого принципа народовластия и независимости России». Далее, в приказе № 1 — о принятии власти Комучем — уже устанавливается целая программа Комитета: «Во всей полноте своих прав — говорится в нем — восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления; все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются, и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов. Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинным народно-демократическим принципам, упраздняется, и восстанавливается народный окружный суд. Единая, независимая, свободная Россия! Вся власть Учредительному Собранию! Вот лозунги и цели новой революционной власти».

Итак: Учредительное Собрание, восстановление органов самоуправления, непризнание Брестского мира и борьба с Германией, воссоздание армии и воссоздание России — таковы, по существу, основные цели Комуча, воодушевившие его и зажегшие на столь ответственное перед страной дело. Иначе говоря, диктатуре слева и справа была противопоставлена «демократия». Эти несколько строк отчетливо и ясно говорят нам о характере новой власти и о том направлении, по какому она пойдет в своей деятельности.

Вкратце, эту программу можно охарактеризовать, как революционную программу демократии, как отрицание тех принципов, кои были выдвинуты большевицкой программой. Не случайно Комуч, в первый же день своей власти, выбросил над своим зданием красный флаг. Большинство населения отнеслось к этому акту его с недоумением, обвиняя Комуч в большевизме и в тому подобных грехах. Некоторые даже встретили появление красного флага очень грубыми выкриками, вроде: «Долой эту красную тряпку!» Но Комитет и в этом вопросе проявил большую настойчивость.

Комуч полагал, что то, что делали большевики, разогнав Учредительное Собрание, отбросив свободные выборы, подавив свободу слова и печати, есть, по существу, контрреволюция. Борьба Комуча есть борьба за возвращение народу его свобод и, следовательно, есть по существу борьба революционная. Символ революции — красное знамя. Вот почему именно красное знамя мы выбросили на своих зданиях. Этим фактом мы хотели подчеркнуть как перед своими друзьями по идее, так и перед своими врагами, характер нашей власти и нашей деятельности и характер всей дальнейшей нашей революции. Начиная борьбу с большевиками, на какие же силы мы делали ставку? Вот вопрос, на который необходимо ответить, прежде, чем приступить к детальному выяснению программы Комуча.

Мы отлично понимали, что от установления этого основного положения зависит весь дальнейший характер нашей работы. Совершенный нами переворот не был поддержан активно рабочими, исключая, конечно, те немногочисленные группы, которые шли вместе с Комучем. Значительная часть рабочих осталась вне сферы нашего влияния, не оказывая нам ни активного сопротивления, ни активной поддержки. Даже та часть рабочих, которая находилась под влиянием, в то время нам весьма сочувствовавшей, партии социал-демократов меньшевиков, относясь к нашему начинанию сочувственно, всё же держала, как в то время считалось выражаться весьма модным, нейтралитет. Ясно из сего, делать ставку на рабочих мы не могли, ибо рабочие не тот авангард, не те силы, которые могли быть брошены нами в бой против большевицкой диктатуры; с другой стороны, рабочие всё же та сила, с которой приходилось считаться и каковую небезопасно было иметь своим противником. Необходимо было, выражаясь военным языком, обезопасить свой тыл [...] от возможности активного выступления рабочих против новой власти. Говоря проще, необходимо было, считаясь с рабочими, как с силой, сделать всё возможное, чтобы из нейтральных друзей не сделать активных врагов.

При создании своей рабочей программы мы должны были с этим считаться, учитывать это, и соответствующим образом разработать свою рабочую программу, рассчитанную если не на вовлечение их в активную борьбу, то, во всяком случае, на нейтрализацию их. Вторая сила — крестьянство. В начале, бесспорно, крестьянство встретило самарский переворот с большим сочувствием и даже воодушевлением, выявив это во многих местах активно. Оно было настроено антибольшевицки и готово было оказать нам всяческую помощь, включительно до вооруженной борьбы.

Весь Заволжский район был охвачен крестьянскими беспорядками, направленными против советской власти. Казачество, — по существу, то же крестьянство, — вело уже эту активную борьбу; так что у нас имелись в то время все основания утверждать, что крестьянство, при создании некоторых благоприятных условий, могло бы принять активное участие в антибольшевицкой борьбе. Считая крестьянство основной базой, основной силой в борьбе с большевизмом, мы должны были уделить все свое внимание этой силе и разработать крестьянскую программу так, чтобы она, не противореча общегосударственным интересам, отвечала основным насущным запросам деревни. Этим и объясняется, что земельный вопрос был разрешён одним из первых и разрешён самым радикальным способом, на какой, может быть, Комуч, как власть временная, и не имел формальных прав.

Наконец, третья сила — военные круги и интеллигенция. Не вдаваясь в анализ ни значения, ни весомости, ни численного количества этой группы русского населения, я формулирую лишь вкратце наше тогдашнее отношение к этой группе. Мы полагали, что эта организующая сила, этот командный кадр, имеет значение постольку, поскольку он отражает и возглавляет движение, поддерживаемое широкими массами. Сам по себе этот командный состав, с нашей точки зрения, не может иметь большого значения. Поэтому на военные круги и интеллигенцию мы смотрели, как на подсобный материал, как на кадры, кои могут лишь возглавить движение, руководить им, но отнюдь не

составлять его основную силу, массу, способную противостоять большевицким массам. Роль интеллигенции и военных кругов должна быть служебная, подсобная, если так позволительно выразиться. Не выявляя своих групповых интересов в разрешении государственных вопросов, эти кадры должны идти с массами, поскольку требования этих масс совпадают с интересами государства в целом.

Требования, выставленные русским крестьянством и частью трудовой интеллигенции, нам думалось, находятся в полном соответствии с интересами государства. Что касается специальных военных кругов, то, придавая большое значение офицерским группам и считаясь с ними, как с активной и весьма весомой группой, мы, вполне естественно, как социалисты и как государственники, ставившие на первое место интересы государства, а не группы, конечно, делать ставку на эту группу, как бы ни была она активна и как бы в данный переходный момент ни была весома; все же подчинить интересы масс, в данном случае основного пласта — крестьянства — мы, конечно, не могли.

Но и здесь, и в этом, несомненно, наша ошибка, мы старались найти, как это увидим впоследствии, при обозрении деятельности Комуча, такой компромисс, который давал бы возможность сотрудничества с ними. Таким образом, наше горячее устремление было направлено к тому, чтобы в этой борьбе с единым и общим врагом, большевизмом, были объединены все группы, русского населения. Мы отлично понимали, что большевизм можно преодолеть лишь общим объединенным фронтом. Борьба будет выиграна только тогда, когда в войне будут участвовать все классы и все группы русского населения, нейтрализуя тыл, т. е. те группы, кои не могли участвовать на фронте. Мы старались, иногда идя даже на компромиссы, бросить на фронт все живое, всё способное к активной борьбе с большевиками. Сложение сил — вот наш лозунг в практической работе по созданию антибольшевицкого фронта.

Исходя из вышеизложенных основных своих предпосылок, Комитет в первые же дни своей работы употребил все усилия к тому, чтобы вовлечь в процесс жизни и в создание разрушенных большевиками учреждений широкие массы русского населения. Как метод этого вовлечения, он избрал те же съезды, рабочие конференции и тому подобные организации, существовавшие до большевицкого переворота.

Так, например, распустив советы рабочих и солдатских депутатов, созданные большевиками, он в тот же день спешит заявить, что в ближайшее же время будет созвана рабочая конференция для организации и избрания нового совета рабочих депутатов. Считая советы принципиально пережитком первых революционных дней, утратившим реальное значение, [...] Комуц считал необходимым этот «пережиток» сохранить и на дальнейшее время. Не для защиты, конечно, политических прав рабочих, ибо для этого имелись более сильные организации, а именно политические партии, и не для защиты профессиональных интересов, ибо для этого также существовали соответствующие организации — профессиональные союзы, но именно, как рабочую трибуну, где широкие массы, не имея возможности непосредственно участвовать в управлении государством, могут участвовать в творческой работе уже тем, что, критикуя власть и ее деяния, они тем самым становятся соучастниками деятельности этой власти. Критикуя и исправляя деяния этой власти, они неизбежно вовлекутся и в самый процесс творчества и ответственности. В действительности это и было на Волге.

Собираясь в начале на съезды или конференции, рабочие и крестьяне начинали с резкой оппозиции к тем или другим деяниям власти, а потом, постепенно втягивались в обсуждение интересов текущей жизни. Мы не только не боялись этой открытой трибуны, но сами, сознательно, с полной искренностью шли на организацию таких съездов и конференций. В каждом городе, освобожденном от большевиков, немедленно же, по нашей инициативе, или по инициативе идейно-близких нам организаций, созывались в первую

очередь крестьянские съезды и рабочие конференции. На этой почве нам пришлось выдержать борьбу, как с правыми организациями, так и с военными кругами, в особенности с последними. Этот метод наш вовлечения широких масс в процесс жизни и тем самым в борьбу с большевиками они называли «керенщиной» и «совдепщиной».

Представители военных кругов и, в частности, нашего военного ведомства, не раз заявляли, что они не могут смотреть спокойно на эту совдепщину, опять начинаемую нами сызнова по примеру 1917-го года. «Пора кончить с этим. Довольно этой болтовни». Повторяем, мы и сами понимали, что эта, так называемая «болтовня», не может, конечно, помочь в деловой части практической работы, каковой особенно большое значение придавали, как буржуазные, так и военные круги (а мы созывали и устраивали крестьянские съезды и рабочие конференции). Но именно она, так называемая «совдепщина», и только она, может успокоить широкие народные массы в их отношении к новой власти.

Так называемая Самарская рабочая конференция началась с горячих оппозиционных речей, а после целого ряда наших выступлений и разъяснении, кончилась вынесением резолюции о поддержке и доверии к Комучу. И для того времени — времени подозрений ко всякой новой власти, еще неизвестной им, оперировать так было неизбежно. В период широкого недоверия, в особенности крестьянских масс, ко всяким политическим акциям, после большевицкого «пуча», после такого грубого разгона Учредительного Собрания, нужно было быть особенно внимательным и осторожным к настроениям этих масс. Народные массы вправе были с недоверием следить за всякими новыми политическими акциями, и чтобы успокоить и устранить это недоверие, мы не видели никакого иного метода, как только предоставить этим массам широкое участие в обсуждении политических событий и деяний власти. С своей стороны, идя всячески навстречу народным массам, мы старались дать самую

подробную информацию, как о своей прошлой, предшествующей выступлению, работе, так и о своей текущей деятельности и о будущих планах.

Мне думается, именно благодаря этому мы в самый незначительный срок сумели преодолеть скептицизм широких масс и внушить к себе большое доверие и готовность поддержать нас. Как увидим из дальнейшего, все съезды, и крестьянские и других групп, кончались тем, что выносили резолюцию, приветствовавшую новую власть и благословляющую ее на дальнейшую борьбу с большевизмом. Таким образом, вовлекая народные массы в политическую жизнь, нам удалось сделать то, что мы считали необходимым для успешности борьбы с большевиками, а именно: заручиться положительными и неоспоримыми симпатиями крестьянства и обеспечить себе благожелательный нейтралитет в среде рабочих.

3. Конструкция власти

Еще приступая к организации восстания, мы, группа инициаторов волжского движения, неоднократно задавали себе вопрос: как сконструировать власть после свержения большевиков? Кто эту власть имеет право организовать и от чьего имени она должна действовать? Нам казалось, что, несмотря на факт разгона Учредительного Собрании, мы можем действовать только от имени этого Учредительного Собрании. Неважно, что нас немного, но авторитет Учредительного Собрании с нами, и только члены этого разогнанного Учредительного Собрании, нормального господина земли русской, могут представлять в данное время на каждом клочке русской земли законную власть.

Считая вопрос с созывом Учредительного Собрании для себя ясным и бесспорным, считая также неоспоримыми и права членов Учредительного Собрании на руководство противобольшевицким движением во имя восстановления Учредительного Собрании, мы в то же время полагали, что Учредительное Собрание первого состава, треть членов коего вышла из состава

его, не может претендовать на полноту власти. Его роль должна заключаться в том, что оно, доведя борьбу до конца, назначает новые выборы и расходится. Но так как нет ни органа, ни учреждения, которые были бы в праве распустить Учредительное Собрание, то мы считали, что только само Учредительное Собрание может и правомочно это проделать. Посему Учредительное Собрание первого состава, по нашему мнению, должно было быть создано. Оно издает избирательный закон, назначает новые выборы, и с этим распускается.

В этом желании во что бы то ни стало созвать Учредительное Собрание первого состава многие наши политические противники видели какой-то ловкий маневр, — чуть ли не шантаж. Дескать, вот, созовут Учредительное Собрание, захватят власть в свои руки, назначат своих министров, а потом и не разойдутся, а как большевики, объявят себя полновластным хозяином земли русской и будут продолжать управлять страной. Тогда и борись с ними!..

Конечно, в той нездоровой обстановке, в которой нам приходилось в то время работать, возможны и, пожалуй, законны, были такие подозрения. Всякие уверения и клятвы в противоположном казались тогда ловкой игрой, ни к чему никого не обязывающей. Так было тогда, но теперь, когда эти страсти улеглись, когда борьба закончена и клочок русской истории, именуемый гражданской войной, канул в вечность, можно говорить с полной объективностью и искренностью, не боясь, что тебя заподозрят во лжи или в политической игре.

Посему позволительно на этот вопрос, игравший чрезвычайно большую роль в политической жизни Поволжья и Сибири, ответить со всей искренностью и правдивостью. Я, как один из самых активных участников волжского движения, бывший в курсе всех переговоров и намерений, со всей категоричностью заявляю, что ни у кого из членов Комуча, ни из членов ЦК партии, таких макиавеллевских настроений и планов не было.

Все мы, как члены Учредительного Собрания, так и члены ЦК партии, были искренно убеждены, что Учредительное Собрание первого состава не

может претендовать на доверие всего русского народа, и посему, во имя интересов государства, должно быть распущено и, если мы не соглашались на объявление этой ликвидации немедленно, то не потому, как многие думают, что мы хотели кого-то обойти, кого-то обставить, а потому, что на такой роспуск, теперь же, немедленно, без согласия самого Учредительного Собрания, никто не имел права.

Роспуск власти, избранной всем народом, даже совершенно авторитетными группами и партиями, убил бы в народных массах всякое доверие к Учредительному Собранию и всякое уважение к юридическим нормам. Таким образом, наша позиция в вопросе о конструкции власти формулировалась весьма ясно: в будущем — созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

В данное время верховную власть представляет Учредительное Собрание данного состава, в лице Комитета членов Учредительного Собрания. Правительство, как деловой аппарат, может быть создано только по соглашению с ним. Этой точки зрения держались не только мы, но и большинство других демократических партий и городских и земских самоуправлений.

Так, например, чрезвычайный съезд земств и городов в Самаре, в резолюции по текущему моменту, говорит: «В виду невозможности созыва нового Всероссийского Учредительного Собрания должно быть создано единое всероссийское правительство по соглашению Комуча с областными правительствами». Нас упрекали и упрекают еще до сих пор в том, что мы, захвативши власть в свои руки на Волге, не хотели будто бы поделиться ею ни с кем из других политических партий, занимая все ответственные места членами Учредительного Собрания и членами партии социалистов-революционеров. Это утверждение не соответствует действительности. Оставаясь верными своему основному принципу вовлечения широких масс русского населения и стремясь к собиранию сил, Комуч в первые же дни своей

власти обратился с предложением ко всем существовавшим в Самаре партиям принять участие в создаваемом им правительстве.

Эти переговоры об участии во власти были поручены пишущему эти строки, как руководителю, выражаясь политическим языком, ответственному за внутреннюю политику Комуча. В первую же очередь, я опять начал переговоры с социал-демократами, с которыми, как мне казалось, мы можем скорее всего договориться. Развив им вкратце нашу программу деятельности, наши основные тактические и политические принципы, я спросил, могут ли они теперь, когда борьба вооруженная с большевиками началась, принять активное участие в деятельности Комуча и на каких условиях и когда? От социал-демократов вели со мной разговор председатель губернского комитета Лепский и Кабцан.

Оба они, примерно, ответили то же, что ответили при первых переговорах, когда я приглашал их к организации борьбы с большевизмом, а именно: оставаясь на тех же позициях, т. е. признания неизбежности вооруженной борьбы с большевиками, они, однако, за свой страх не могут разрешить этого вопроса, до тех пор, пока не получат инструкции от центра или же от высшей местной инстанции, от областного комитета. В ближайшем будущем, заявили они, состоится областной съезд партии, и этот вопрос будет подвергнут там обсуждению. В зависимости от постановления этого съезда, они и будут действовать в данном конкретном случае. Областной съезд или областная конференция социал-демократов состоялась 16-го августа, в городе Самаре, и на нём была вынесена следующая резолюция: 1) Принимая во внимание, что в настоящий момент перед революционной демократией стоит задача спасения страны и воссоздания единой демократической России, настоятельно требующая максимального сплочения её сил под знаменем Учредительного Собрания, 2) что эта цель легче и полнее может быть достигнута на почве положительной работы по восстановлению нормальной экономической жизни страны, 3) что один из важнейших моментов подобного

восстановления является урегулирование отношений между трудом и капиталом, чтобы, при гарантии свободного развития производительных сил, интересы трудящихся были всемерно охранены методом широких социальных реформ, осуществимых в рамках капиталистического строя, 4) что политика Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания до сих пор, в общем, соответствовала указанным выше заданиям — спасению революции и воссозданию единой демократической России и задания, по заявлению его ответственных представителей, обещают остаться таковыми и в дальнейшем, 5) что при таких условиях долг и обязанность социал-демократов оказать всемерную поддержку Комитету членов Всероссийского Учредительного Собрания в стоящей перед ним грандиозной творческой государственной работе, — Областной Комитет РСДРП территории Всероссийского Учредительного Собрания постановляет санкционировать занятие тов. Майским предложенного ему Комучем поста управляющего ведомством труда»...

Таким образом, как мы видим, социал-демократы, в конце концов, формально приняли участие в гражданской борьбе, санкционировав участие в министерстве Комуча их товарища Майского. Они тем самым идейно разрешили всем членам своей партии участвовать в борьбе против большевиков. Нет сомнения, что эта резолюция с.-д. имела для нас большое значение, не только в области моральной, но и практически-деловой. С принятием ее социал-демократы становились окончательно на путь активной поддержки антибольшевицкого движения. До ее принятия очень многие, весьма ценные социал-демократические работники отказывались идти на работу к Комучу, многие союзы отказывались давать добровольцев в Народную армию и содействовать в перевозке военных материалов; газеты занимали какую-то неопределенную позицию и т. д., и т. д. Теперь произошла значительная перемена. Среди партийных работников, к которым мы обратились с

предложением принять участие в активной работе, мы нашли полный отклик, а голос с.-д. печати стал чище и определеннее.

Но в общем, нужно всё-таки отметить, что, несмотря на принятие вышеприведенной резолюции, в поведении самарских с.-д. в отношении Комуча замечалась какая-то двойственность или, вернее сказать, невыдержанность. Одна часть работников, используя формальное разрешение, немедленно же вступила в сотрудничество с Комучем (Преображенский, Майский, Кунин, Белов и др.), другая часть, несмотря на это формальное разрешение, всё же продолжала оставаться в стороне от политической жизни и от борьбы с большевиками. Мне думается, что это обстоятельство объясняется тем, что в среде с.-д., очевидно, не было единства во взгляде на гражданскую борьбу и на отношение к большевикам. Очевидно, часть с.-д. до последнего времени продолжала еще занимать позицию, согласованную с ЦК партии, т. е. отказа от гражданской войны и изживания большевизма мирным, эволюционным путем. Не преувеличу, если скажу, что значительная часть самарских с.-д., высказывая принципиальные симпатии волжскому движению, тем не менее как то старались держаться в стороне от активного участия в повседневной жизни, как бы считая это дело для них чужим и неподходящим. Что касается рабочих социал-демократов, то они и после вынесения резолюции областной конференции остались при прежних своих воззрениях и настроениях; сочувствуя вооруженной борьбе, они всё же сами не принимали в ней активного участия.

Активное содействие было оказано Комучу лишь верхами с.-д. организации, по преимуществу интеллигенцией. Из видных работников приняли участие в работах Комуча лишь 5-6 человек, а именно: Майский, Преображенский, Белов и Кунин. Остальные работники, как Кабцан, Лепский и целый ряд иных видных руководителей с.-д. организации, остались в стороне, оказывая содействие лишь идейное, пассивное, а не активное. Одновременно с переговорами с социал-демократами, я вступил в переговоры также с

представителями к.-д. От них, как и в первый раз, вёл переговоры председатель губернского комитета, присяжный поверенный Подбельский. Получив от меня всю нужную информацию, он сейчас же поставил этот вопрос на обсуждение губернского комитета и, явившись через три дня, заявил, что их комитет согласится вступить в переговоры об участии их в правительстве только при одном условии, если Комуч немедленно же откажется от своей позиции в земельном вопросе, т. е. немедленно же издаст приказ, приостанавливающий действие прежде изданных приказов о переходе земли к крестьянам. Я обращаю внимание читателя на то, что речь шла не об условиях вступления в правительство, а об условиях, при которых могут быть начаты лишь переговоры об этом вступлении. Это обстоятельство Подбельский подчеркнул несколько раз с особенной силой, и добавил, что до тех пор, пока не будет издан таковой приказ, приостанавливающий действие земельных наших распоряжений, не может быть никаких разговоров об условиях совместной работы с Комучем.

Выслушав такое заявление, я спросил его: «А как же быть с землей, которая фактически уже находится в руках крестьян? Отбирать её у них, или оставить в их владении, и вообще, какой позиции в этом вопросе должен был бы держаться тогда Комуч? Значит, землю необходимо отбирать обратно?» — спросил я. «Зачем? — ответил Подбельский, — нет в этом никакой необходимости. Пусть остаётся всё в том положении, в каком оно есть в настоящее время. Мы не требуем, чтобы вы немедленно же начали отбирать у крестьян обратно землю, и проводить какую то иную политику, мы только настаиваем на том, чтобы этот фактический переход земли во владение крестьян не был вами узаконен и предрешен. Пусть вопрос остается открытым впредь до созыва Учредительного Собрания. Как разрешит его Учредительное Собрание, так тому и быть. Но до того момента, с нашей точки зрения, никакая власть не правомочна его решать. Что касается вашей ссылки на принятие закона в первом заседании Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го

года, то мы её считаем несущественной, ибо самое это постановление, принятое наспех, при ненормальных условиях, под давлением вооружённых солдат, мы не считаем закономерным. Но мы не можем не только участвовать, но и вести переговоры с правительством, которое санкционирует этот анархический захват»...

Само собой понятно, что после такого ответа представителя к.д. не могло быть и речи о дальнейших переговорах об участии к.-д. в правительстве. То, что для них казалось неправомерным захватом, и то, что им казалось, как закон, принятый Учредительным Собранием, незаконным постановлением, — нами считалось основой всей нашей социально-экономической политики.

Я уже сказал выше, что основной базой, из которой мы надеялись черпать все наши силы для вооружённой борьбы с большевиками, считалось крестьянство и, чтобы привлечь крестьянство к активному участию, необходимо было гарантировать ему немедленный переход земли в его владение, и теперь, приняв закон Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го года как основу нашей земельной политики, вдруг отказаться от этого закона и идти на путь урезывания завоеваний деревни — значило бы немедленно же восстановить против себя всю деревню и толкнуть её, наверняка, в объятия большевиков.

Но, помимо этих чисто тактических соображений, мы не могли принять предложения к.-д. и по причинам принципиального значения. Переход земли в руки крестьянства — это одно из самых основных требований нашей программы, каковое выставлялось нами, как членами партии с.-р., в течение долгих лет. Отказаться от него, это значило бы отказаться от самих себя и повторить ошибку Временного Правительства, медлившего с разрешением этого вопроса. Словом, предложение к.-д. настолько было неприемлемо для нас, что в дальнейшем мы не делали уже никаких попыток, чтобы сговориться с ними о совместной работе. Точно также и к.-д., очевидно, расхождение между нами считали настолько серьёзным и глубоким, что также не делали ни одной

попытки, чтобы на чём-то договориться, как то вклиниться в происходящие события и принять активное участие в повседневной государственной работе. Больше того, начиная с первых же дней к.-д. занимают определённо оппозиционное положение в отношении Комуча. Их орган «Волжский день» начинает вести ожесточенную критику не только по отношению к отдельным лицам Комуча, к отдельным его деяниям, но и против самого принципа власти, отрицая за Комучем какие бы то ни было юридические права на создание всероссийского правительства. Расхождение, как видим, получилось и в этом вопросе коренное.

Вначале их критика велась в довольно мирных и терпимых тонах, но чем дальше, чем успешнее развивалась борьба на Волге, тем критика становилась ожесточённое, непримиримее и страстнее. В конце концов, она вылилась в такие формы, что на неё обратили внимание даже на фронте, и управляющий ведомством охраны счел необходимым вызвать редактора «Волжских Дней» и просить или о прекращении такой ожесточённой критики, или о ведении ее в нормах, приличествующих русской прессе.

Дальше стало известным, что часть членов губернского комитета к.-д., во главе с Соловейчиком, секретарем комитета, Богоявленской и Коробовым, организовали комитет по отправке офицеров с Волги в Сибирь. Мне лично было также известно еще и то, что местные кадеты ведут интенсивные переговоры с кадетами сибирскими, но сущности этих разговоров нам не удалось узнать. Кадеты, сочувствуя идейно антибольшевицкой борьбе, в действительности от этой борьбы не только уклонялись, но и сделали все зависящее от них, чтобы подорвать это движение и обессилить его. Насколько эта тактика были верна и соответствовала их планам, не берусь судить, ибо это не входит ни в мои задачи, ни в мои планы. В дальнейшем, как нам всем хорошо известно, к.-д. стали партией государственного переворота и оправдали идеологически как арест Директории, так и все белое сибирское движение, называемое колчаковским.

Чрезвычайно характерна была позиция в отношении Комуча самарских промышленных кругов. Эту позицию лучше всего выявил Г. Неклютин, председатель самарского союза промышленников. Разговоры с ним велись при случайной встрече, полушутя, полусерьёзно, но тем не менее и Неклютин, и мы понимали, что они имеют большое принципиальное и для него и для нас значение и являются до некоторой степени обязывающими. Встречались мы с Неклютиным в купальне Яхт-клуба, где бывали и он и мы (я и Вольский) почти каждый день. Полушутя, полусерьёзно, мы ему сказали, что почему это промышленные круги так слабо нас поддерживают и финансами и участием в работе наших государственных учреждений. «Неужели вы не понимаете, — говорили мы, — что с провалом волжского фронта восторжествует снова большевизм, и тогда уж большевики будут действовать более решительно, чем они действовали до сего времени. Рассчитывать на сожительство частного капитала с государственным во время власти большевиков не приходится. Нам думается, промышленники это и сами сознают; с другой стороны, большевиков могут победить только социалисты, и с падением власти большевиков, власть может быть только социалистической и никакой иной. Отсюда ясно, что промышленники должны выбирать из двух зол меньшее. Наши позиции вы знаете. Являясь социалистами, мы всё же в данное время сохранение частной промышленности считаем в интересах самого же социализма и в интересах государства необходимым»... На это Неклютин, чрезвычайно умный и образованный человек, впоследствии бывший министром торговли и промышленности в правительстве Колчака, так же, как бы полушутя, полусерьёзно, отвечал: «Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не успокаивает. Лучше умереть совсем, чем ходить недорезанным. Кроме того, мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции; вы, как мне кажется, подрубаете дерево и под собой. Долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившись

назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы будем до поры до времени вас немного поддерживать, немного вас подталкивать, а когда вы своё дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму. Словом, нам невыгодно с вами связываться. Работайте уж вы одни, мы вам мешать не будем, но обессиливать себя, участвуя в вашей борьбе, нам тоже не резон»...

Несмотря на то, что эти разговоры велись в шуточных тонах, с взаимным смехом, тем не менее мы понимали, что в них кроется настоящая психология промышленного класса. Промышленники, — не говорю о всех российских, а о поволжских, — искренно были убеждены в чём я убедился потом из разговоров с другими лицами и целыми группами, что начавшееся обратное движение, как они говорили — контрреволюционное, — не задержится на социалистах, а покатится дальше, если не к монархистам, то, во всяком случае, к представителям священной собственности и твёрдой власти. Они были глубоко уверены, что устранившись от происходящей борьбы между социалистами и коммунистами, они делают весьма умное, даже гениальное дело. Это положение они характеризовали весьма грубой, но меткой, русской поговоркой: «Две собаки дерутся, третья не приставай», а кость то, говорили они, достанется нам.

Мы знали эту их упрощённую позицию, насколько это можно было, пытались её разбить, но большого значения участию промышленных групп в гражданской войне мы не придавали, на помощь их сил мы не рассчитывали, и поэтому не только серьёзных, но и вообще формальных разговоров никогда не вели с ними. Не вели ещё и потому, что были уверены в безнадежности этих переговоров, ибо слишком уж велико было противоречие между ними и нами, и согласовать их не представлялось никакой возможности. Если я и позволил себе привести частные разговоры с Неклютиным, то лишь для характеристики

той позиции, какую занимали в отношении Комуча ответственные круги промышленников.

Конструкция власти была проста. В центре Комуч, т. е. Комитет членов Учредительного Собрания, как верховный орган управления всей территорией и как законодательная власть. Для управления делами и ведения практической политики был создан совет управляющих ведомствами или совет министров. На периферии — губернские уполномоченные и уездные. Личный состав правительства был весьма однороден. Из 13-ти управляющих ведомствами было только 3 человека, не принадлежавших к партии социалистов-революционеров. В свое время правая печать видела в этом какое-то преступление с нашей стороны и упрекала в том, что мы сознательно не допускали к участию в правительстве никого из других партий, стараясь всюду и везде ставить своих однопартийцев.

Это было не совсем так. Значительная часть ответственных мест были, действительно, заняты членами партии с.-р., но вины в этом Комуча не было никакой. Из предыдущего мы видели, что только одна партия с.-р. пошла на активную борьбу с большевиками безо всяких оговорок, предоставив в распоряжение Комуча все свои наличные силы. Остальные крупные партии или совсем устранились от борьбы и участия в работе, как, например, партия к.-д., или принимали участие наполовину, как с.-д., или, сочувствуя в принципе, старались уклониться от активной работы в учреждениях Комуча, как это делали представители промышленников и вообще буржуазных кругов.

Из кого же, из каких кругов должен был выбирать Комуч своих сотрудников на ответственные места, включая до постов министров? Кого же было назначать, кроме с.-р., да частично с.-д.? Ведь, не назначать же было кадетов, кои не только не разделяли позиции Комуча, но всеми средствами старались дискредитировать его политику? Неужели можно винить правительство только за то, что оно не назначало на ответственные посты для проведения своей политики лиц, не сочувствовавших ему по существу?

Мы и стремились занять все посты представителями тех партий, кои, разделяя основные наши политические положения, готовы были вести борьбу с большевиками во имя тех принципов, ради которых мы сами начали движение. Когда, например, с.-д. согласились принять участие в названном движении, то из их среды немедленно же были привлечены в учреждения Комуча целый ряд лиц, на самые ответственные посты, включительно до постов министров. Народные социалисты были также привлечены к работе и занимали у нас довольно крупные места. Социал-демократическая организация «Единство», в Самаре весьма слабо представленная, также была привлечена к участию в борьбе. Если и можно нас упрекать, то как раз в обратном, в том, что мы, взяв всю ответственность на себя за волжское движение и возглавив его в центре, не постарались о том, чтобы и на местах, вплоть до самых низших служащих, были люди, преданные нам и разделяющие наши позиции. К сожалению, весьма многие учреждения, многие должностные места, в практической жизни много значащие, как, например, места начальников полиции, комендантов городов, были заняты людьми, нам враждебными, так, например, начальником города Уфы был поручик, всё время себя называвший беспартийным, в действительности же оказавшимся весьма правых настроений, и после переворота Колчака самым ярким нашим угнетателем.

Падение Временного Правительства, разгон Всероссийского Учредительного Собрания, объяснялись широкими кругами слабостью, безволием и отсутствием твердости в проявлениях партий, ответственных за деяния этих органов. Успех большевицкой палки, успех большевицкого метода действий, вызвали в массах жажду во что бы то ни стало твердой власти. В твердой власти видели все без исключения спасение от всех бед, постигших несчастную Россию. В ней одной, и только в ней, видели ключ к избавлению от большевиков и от анархии. О твердой власти мечтали, вкладывая, конечно, различные понимания, все круги, как буржуазные, так и социалистические.

Комуч, в лице его первого состава, неоднократно уже упоминаемой мною пятерки — также поставил себе задачу — создание «твёрдой власти». Об этом говорилось и на собрании офицеров, созванном на второй же день после падения Самары, и на собрании квартирных советов, и т. д. «Наша первая задача, — говорил, между прочим, на указанном собрании квартирных советов, Иван Михайлович Брушвит, — будет создание твёрдой власти, не останавливающейся ни перед чем в достижении своих целей. Уроки прошлого нас обязывают». «Власть должна быть твёрдой, железной, — говорил член Учредительного Собрания Фортунатов на собрании офицеров, — действующей со всей доступной ей решимостью». Как на первом, так и на втором собрании, это заявление о твёрдой власти было встречено громом аплодисментов.

О твёрдой власти говорил Комитет и в своем обращении к союзникам, хотя не в таких решительных выражениях, как на митингах: «Для достижения своих целей Комитет будет действовать со всей, доступной для него, энергией, — говорится в этом обращении, — решительно, не останавливаясь ни перед какими мерами, вызываемыми требованиями текущего момента». Стремление к созданию твёрдой власти чувствуется и в ряде приказов, изданных Комучем.

Так, в приказе № 1, не раз уже нами цитировавшемся, между прочим, говорится: «Охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия». Особенное тяготение к твёрдой власти было в военных кругах.

Твёрдая власть для большинства из них была каким-то кумиром, которому они готовы были служить всеми своими помыслами, всей своей жизнью. Кроме твёрдой власти, «железной власти», как говорили они, военные люди ничего не хотели знать и видеть, и ради создания её они готовы были выбросить из общественной жизни все завоевания революции, все гражданские и личные свободы, причём, как увидим ниже, твёрдость власти понималась ими весьма своеобразно, не так, как нами.

На этой почве, о чём будет сказано ниже подробнее, возникало между Комучем и военными кругами много недоразумений и столкновений. Твёрдая власть военными кругами понималась весьма упрощённо. Твёрдая власть, с их точки зрения, должна немедленно упразднить все свободы, запретить все собрания и митинги, не допускать никакой критики действий власти, большевиков расстреливать без суда и следствия, действовать огнём и мечём, расстреливать и вешать направо и налево. Если власть к этим методам не прибегала, тем более, если она допускала собрания и митинги, да еще свободное обсуждение своих действий, то это уже не твёрдая власть, а «керенщина».

Наше понимание твёрдой власти было другое. Твёрдость власти для нас, прежде всего, заключалась в том, чтобы, поставив себе какие-либо цели, идти к достижению их, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, применяя при проведении их все имеющиеся в её распоряжении средства. Поставив, например, своей задачей немедленный переход всей земли в руки крестьянства, мы шли к этой цели всеми доступными нам путями, не останавливаясь перед тем, что проведение этого закона вызовет недовольство в среде некоторых кругов русского населения и оттолкнёт их от нас.

Поставив своей задачей создание армии, мы в проведении этого постановления не останавливались и перед тем, чтобы уклоняющихся от этой мобилизации заставить силой оружия идти на выполнение нашего распоряжения. В случае необходимости, мы не останавливались и перед применением вооруженной силы, не боясь в этом отношении ни нареканий масс, ни посрамления чистоты своих социалистических перчаток. Объявив, например, в первые же дни восстановление свобод, мы отлично понимали, что проведение этого принципа во всей его широте в обстановке гражданской войны было бы просто наивностью или глупостью. Поэтому, мы не могли допустить свободы большевицкой печати, свободных собраний коммунистических организаций и т.д.

В этом отношении упрек г-на Майского, автора книги «Демократическая контрреволюции», совершенно справедлив. В период гражданской войны мы не задавались целью установить абсолютную свободу и абсолютное равноправие. Такие устремления при тех условиях, при которых мы вели борьбу, были бы излишни и нелепы. Власть Комуча по своему происхождению — власть народная, власть, в полном смысле этого слова, демократическая, в тот период действовала методами, по условиям военного времени, кои в корне отрицают принципы демократии, т. е. прибегала и к лишению свободы слова, печати, к внесудебным арестам, к расстрелам и вооруженным экзекуциям и т. д., и т. д.

Итак, в заключение мы можем сказать, что Комитет действительно стремился создать твердую власть, понимая, однако, эту твердую власть по своему, по демократически, как особый метод управления страной, как особую систему практической политики, но не как метод своеволия и репрессий. Удалось ли ему создать эту твёрдую власть — об этом скажем особо.

4. Отношение к органам местного самоуправления

Поставив своей задачей собирание сил, Комуч не мог, конечно, не уделить значительного внимания в первую очередь органам местного самоуправления. Наше отношение к органам местного самоуправления было ясно: мы считали, что в данное время власть сможет быть сильной только при том условии, если она опирается на всё население и, в первую очередь, на органы местного самоуправления.

Не имея на местах своего аппарата, Комитет, естественно, стремился значительную часть государственной работы переложить с своих агентов на органы самоуправления. Это делалось не только по соображениям практической необходимости, не только в силу того, что административный аппарат губернской власти был дезорганизован и разрушен, а потому, что принципиально мы считали органы местного самоуправления органами и

государственной власти. Задачей власти было скорейшее восстановление всех отраслей хозяйственной, политической и местной жизни. Чем скорее власть это сделает, тем большие симпатии она завоеует у местного населения; чем скорее будет восстановлен порядок во взаимоотношениях, тем прочнее будет власть, содействовавшая этому восстановлению порядка в стране.

Сознавая это, мы все усилия употребляли на то, чтобы как можно скорее восстановить органы местного самоуправления. Посему уже в приказе № 1 Комуч говорит: «Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления». В своем обращении к органам местного самоуправления, от 17-го августа, Комуч еще яснее определяет свое отношение к местному самоуправлению: «Восстановление самоуправления на территории освобожденной России и скорейшее восстановление их работы в полном объеме представляет одну из важнейших задач текущего момента».

Комуч смотрел на органы местного самоуправления не только, как на органы хозяйственной жизни, но и как на органы, составляющие основу демократической республики, как на органы, выявляющие волю самого народа и, следовательно, действующие его именем. П.Д. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел, в своей речи, произнесенной им при открытии собрания Самарской городской Думы, говорил: «В недалеком будущем на органы самоуправления будет возложена широкая государственная работа. Прошло время, когда эти органы были в загоне, когда они противопоставлялись центральной власти. Органы местного самоуправления должны быть и органами государственной власти. Нами уже сейчас передано в руки самоуправления много функций государственного характера».

О том, что Комитет придавал чрезвычайно большое значение органам самоуправления, свидетельствует и автор уже цитированной нами книги «Демократическая контрреволюция» г-н Майский. «Чрезвычайно крупное

значение, — говорит он на стр. 20, — Комитет придавал местному самоуправлению, которое он считал основой демократической республики».

Подходя к органам местного самоуправления, как к органам государственной власти, Комитет с первых же дней своего управления начинает принимать меры к тому, чтобы из этих органов сделать действительно органы государственной власти не по форме, а по существу, стремясь всеми силами восстановить в них нормальную работу и поддержать финансами. Во всё время своей деятельности Комуч стремится вступить в самый теснейший контакт с ними и, как мы видели из первого приказа, вначале даже предполагалось ввести в состав Комуча и представителей от органов самоуправления. Не дожидаясь создания центральной власти и коренного изменения в системе политического управления страной, Комитет своей властью начинает часть своих функций передавать органам местного самоуправления.

Так, в ведение органов самоуправления было передано дело социального обеспечения, продовольственное дело и земельное дело. Была совершенно исключена на время из ведения органов самоуправления одна лишь функция, чисто административная и охранительная. Делая это, Комитет исходил из того соображения, что в период гражданской войны, когда органы власти должны быть чрезвычайно подвижными и быстро действующими и быстро выполняющими предначертания свыше, органы местного самоуправления не смогли бы выполнить этих функций. Для таких функций, казалось нам, они слишком неподвижны и громоздки.

Поставив своей задачей скорое восстановление органов самоуправления, Комитет предпринимал в этом отношении и некоторые практические шаги. Комитет, нуждаясь сам в средствах, и подчас, отказывая своим учреждениям, оказывал большую материальную поддержку органам самоуправления, выдавая им ссуды на самых льготных условиях. Так, за 3-4 месяца после падения Самары, Комитет выдал ссуды только по двум губерниям, Самарской и

Уфимской, и частично Симбирской, свыше 10-ти миллионов рублей. Для того времени и для той территории, которую занимал Комуч, это очень большая сумма.

Словом, с полным основанием можно охарактеризовать отношение Комуча к органам местного самоуправления, как отношение действительно демократической власти, рассматривающей органы самоуправления как часть государственного аппарата, как основу республиканской системы.

5. Организация народной армии

Для чего создавалась Народная армия? Этот вопрос необходимо выяснить, ибо, к сожалению, до сих пор еще существуют некоторые разногласия, даже среди самих участников волжского движения.

Некоторые из них до сих пор утверждают, что Народная армия создавалась исключительно для борьбы с внешним врагом, т. е. с Германией, а не для борьбы с внутренним врагом, т. е. с большевиками. Для борьбы, де, с большевиками организовывались особые отряды, так называемые, добровольческие части. Утверждают, будто бы, Комуч, объявляя призыв за два года, так и заявлял об этом.

Другие утверждают, что Народная армия создавалась для борьбы с большевиками и только, и ни о какой борьбе с немцами тогда не приходилось думать. В действительности, дело обстояло так.

В начале своей статьи, говоря о целях волжского движения, я уже сказал, что Комуч, начиная борьбу на Волге, поставил перед собой две основных задачи или, вернее сказать, — единую цель: борьбу с большевиками и восстановление единства России. Борясь с большевиками, мы неизбежно вступаем в конфликт с Германией, в то время большевиков весьма поддерживавшей, и, желая бороться с Германией, мы в первую очередь должны, конечно, устранить свое внутреннее зло, препятствовавшее этому

движению, т. е. большевиков. Таким образом, эти две задачи являлись нераздельными. Народная армия и создавалась в первую очередь для борьбы с большевиками, а затем для борьбы с Германией.

Об этом Комуч, в приказе № 64 от 30-го июня, говорит определённо: «Именем народа и именем Учредительного Собрания, для борьбы с предателями России, свободы и революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности, объявляем диктуемый государственной необходимостью призыв в ряды Народной армии».

Как видим из этого приказа, ни слова не говорится в нём о том, что призыв объявляется для борьбы с Германией, но ясно и определённо говорится, что «для борьбы с предателями России и революции». В постановлении о георгиевских ленточках вместо кокард, Комуч заявляет: «Воины-добровольцы, принявшие на себя обязательство защищать свободу и родину от насилия, являются выразителями идеи беззаветного мужества». Таким образом, говорится опять-таки о защите свободы и родины от насилия.

Словом, нет никаких оснований заявлять, что Народная армия организовывалась исключительно для борьбы с Германией, но все основания есть к тому, чтобы утверждать, что Народная армия организовывалась для борьбы, в первую очередь, с большевиками.

Но, помимо этих официальных документов, можно сослаться и на настроения большинства Комуча, стремившегося организовать Народную армию в первую очередь для борьбы со своим внутренним врагом. Во время организации Народной армии мы все без исключения, члены пятерки, находились под большим впечатлением от чешской армии. Чешская армия с ее демократическим укладом управления, с ее братскими взаимоотношениями между солдатами и офицерами, являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чешской армии, но видели её стройность, её демократичность, и в то же время, её дисциплинированность, её подвижность, и восторгались ею. Под этим

впечатлением очарования и восторга перед чешской армией мы и приступили к созданию русской Народной армии.

Мы полагали, что в основу создания Народной, армии должны быть положены совсем иные принципы, нежели при создании дореволюционной армии. Переживаемый нами период гражданской смуты, взаимного недоверия, повелительно диктовал нам применение других методов и управления и построения армии. «В период строительства Народной армии, — писал в «Вестнике Комуча» полковник Н., — особенно необходимо, чтобы все, кто призывается в ряды в качестве руководителей, были проникнуты единоклубным, непоколебимым стремлением вступить в армию, крепко спаянную в одно прочное целое правильным пониманием назначения армии и тех великих задач, которые возложены на неё. Необходимо, чтобы каждый, вливающийся в ряды армии не только добровольцем, но и по призыву правительства, не только знал, но и веровал в лозунги, долженствующие стать светочем всех наших помыслов, всех наших стремлений». Построить армию по принципу старой царской армии нам казалось невозможным и нецелесообразным.

Армия гражданской войны, ставящая своей задачей совсем иные цели, чем общегосударственные, должна быть построена, по нашему мнению, по принципу некоторого отбора. Прежде всего, из неё должны быть исключены все те элементы, кои являются определёнными противниками поставленных нами целей. Помимо того, каждый солдат, или, но крайней мере, большинство солдат должны отчетливо знать, для каких задач и целей они призываются, за что они борются, и для этого с солдатами должна быть проделана подготовительная работа по их политическому воспитанию. Больше того, солдат, призванный в армию, должен чувствовать себя частью того народа, за интересы которого он борется, и еще больше — он должен сознавать, что ведя борьбу с внутренним врагом, он борется за свои интересы и за интересы своих близких. Если у него этого сознания нет, то не поможет никакая дисциплина,

никакая палка. При первом же случае таковой солдат убежит из полка и, может быть, сделается даже вашим врагом. Исходя из этих положений, Комуч стремился построить армию так, чтобы в ней солдат не чувствовал себя ничего незначащей пешкой, коей распоряжаются другие, вопреки его желаниям, чтобы он чувствовал себя гражданином всего народа, ведущего общими усилиями единую борьбу с единым врагом. Отсюда и требования Комуча к офицерству были совсем иные, чем в царской армии в дореволюционное время.

Нам казалось, что офицеры должны были в отношении солдат быть их старшими братьями, их руководителями и воспитателями, в политической жизни равными им. Солдат только до тех пор является солдатом, пока он в казармах. Вне казармы — он гражданин. Но, с другой стороны, необходимо создать армию дисциплинированную, хорошо обученную и, вместе с тем, знающую, куда она идёт и к чему стремится.

В основание организации Народной армии были положены следующие принципы: § 3. Основной принцип строения армии: Армия должна служить всему народу, нации, и потому совершенно беспартийна. (Беспартийность армии заключается в том, что армия служит не отдельным партиям, а всему народу). Вхождение военнослужащих в политические партии совершенно недопустимо. § 4. Народная армия как бы олицетворяет весь народ, а потому ее организация должна содействовать общему культурному уровню народа, степени его гражданской зрелости и национального самосознания. § 6. Необходимость дисциплинированной армии побудила ввести дисциплинарные взыскания... § 7. Военнослужащие Народной Армии разделяются лишь на начальников и подчинённых... Вне службы — они равноправные граждане... § 8. Распорядок внутренней жизни Народной Армии направлен к тому, чтобы сблизить между собою офицеров и солдат. Для достижения этой цели офицеры должны жить в казармах. § 11. Вооружённая защита нации может быть создана, если будет влит в народную толщу и солдатские массы энтузиазм и

национальное воодушевление... К достижению этого должны быть направлены все наши усилия».

К сожалению, создать армию по типу, представляемому нами, нам не удалось. В этом надо признаться без всяких оговорок. На самом деле, как теперь мне кажется, мы поставили себе невозможную задачу. Хотели влить в старые меха новое вино. Призвав к организации армии старый, дореволюционный офицерский аппарат, мы возложили на него задачу, которая по самому существу своему в корне противоречила всем тем навыкам, всем тем пониманиям, какими они жили и руководствовались десятки лет.

Офицерство, воспитанное в школе дореволюционной, царской, мы призвали к созданию новой, народной, демократической армии. В своей массе офицерство, конечно, осталось чуждым нашим заданиям и нашим принципам построения Народной армии. Армия начала организовываться по старому принципу, на тех же основах, как и царская, дореволюционная. Так же была введена дисциплина, титулование.

Порядки, введенные в Нар. армии, в общем, ничем не отличались от порядков, существовавших в царской армии. Исключением являлись лишь некоторые добровольческие части, где взаимоотношения между офицерством и солдатами были совсем иные. Офицерство, видевшее в нашей затее большевизм наизнанку, всеми силами саботировало создание армии по нашему типу. Галкин, управляющий военным ведомством, проявляя внешне в отношении Комуча лояльность и обещая употребить все усилия на создание народной демократической армии, в действительности, как выяснилось потом, не сделал в этом отношении ровно ничего, чтобы демократизировать офицерский состав, призванный к организации Народной армии.

Наша ошибка заключалась в том, что мы в деле создания Народной армии положились исключительно на военные круги, предоставив им в этом полную свободу действий. Если и можно упрекать в чем-то Комитет, то именно в том, что он слишком мало, не только мало, а совсем не вмешивался в дела военные.

К такому заключению приходил и не раз уже цитируемый нами большевицкий автор о волжском движении, г-н Майский. На стр. 153-ей он пишет: «Организация офицеров была «беспартийной», на самом деле она была переполнена черносотенцами и монархистами... Эта организация сыграла роль кадра при формировании «Народной Армии»... Все командные места в частях Народной армии он (Галкин) заполнял офицерами старого закала, отливавшимися всеми цветами монархической окраски. Наиболее ответственные места были даны махровым черносотенцам, не перестававшим мечтать о возвращении царских времен»... На стр. 163: «Они отдали без боя эту огромную силу в руки монархистов и тем самым подготовили свою собственную гибель»...

Таким образом, все дело организации Народной армии было сосредоточено в руках дореволюционного офицерства, по своей психологии и навыкам чуждому демократизму вообще и, в особенности, в делах военных. Точка зрения военных специалистов на организацию армии была проста: дисциплина, дисциплина и дисциплина! Солдат должен, как машина, безоговорочно, без рассуждений выполнять приказания своего начальства, а чтобы заставить выполнять приказания начальства, необходимы репрессии, репрессии и репрессии. Этим исчерпывалась вся мудрость наших специалистов в военном деле. Ни крах войны с Германией, ни уроки гражданской войны, ничто не изменило их подхода к созданию армии в данной гражданской войне. Сколько мы ни пытались доказать им, что солдат гражданской войны это нечто иное, нежели солдат войны с внешним врагом, убедить их в этом нам так и не удалось.

Словом, в этом вопросе наши стремления находились в коренном противоречии с стремлениями тех, кто был призван к фактическому созданию Народной армии.

6. Состав народной армии

Народная армия, организованная на Волге, по праву и в полном смысле этого слова, может называться «народной», в отличие от Южной и Сибирской, состоявших по преимуществу из офицерства и учащейся молодежи. Это название дано ей не случайно, не из моды и не из пристрастия к некоторым демократическим названиям, а вполне обдуманно, после довольно продолжительного и всестороннего обсуждения. Этим названием мы хотели подчеркнуть не только демократический ее состав и происхождение, но и её назначение — служение народу, не одному какому либо классу или группе, как бы ни была мощна и значима эта группа или класс, а всему народу, в целом и в русском понимании этого слова, т. е. низам, — трудовому народу.

Народная армия начала создаваться снизу, если так позволительно выразиться, стихийно, на поле битвы — в сёлах, в деревнях, уездных городках. И главными организаторами её были сами большевики. Для иллюстрации моей мысли возьмём первый период волжского движения и проследим его в этой плоскости.

Еще задолго до выступления чехов, на Волге, в том районе, о котором я пишу, то там, то здесь происходили крестьянские выступления, достигавшие иногда довольно значительного размаха. Эти выступления, однако, не имея ни поддержки, ни единого командования, ни руководителей, быстро большевиками ликвидировались. С выступлением чехословаков эта волна революционного движения снова оживает. Например, сызранцы, по преимуществу рабочие и железнодорожные служащие, узнав о продвижении чехословаков, вооружились, свергли большевицкую власть и организовали демократическую. В критические моменты для города, они вооружались и защищали город наравне с частями армии. То же повторилось и в Иванщеникове и в ряде других пунктов. Когда эти пункты оставались Народной армией, то такие добровольцы присоединялись к армии и, следуя с нею, составляли уже её часть.

Такие добровольческие отряды особенно сильны и многочисленны были в районе по линии Самара — Балаков — Хвалынский — Вольск. Одно время отряд, оперировавший на этом фронте под командой полковника Махина, насчитывал свыше 3.000 человек, состоя по преимуществу из крестьянской добровольческой молодежи. Из этих добровольческих частей и создались потом, по оставлении Самары, батальон Учредительного Собрания, насчитывавший одно время до 1.500 человек, конный отряд Фортунатова и чешско-русские батальоны. Довольно большое количество таких добровольческих крестьянских отрядов, по нашим подсчетам, не менее 3.000 человек, оперировало в Новоузенском уезде Самарской губернии, — в области, очень удаленной от центра, т. е. Самары, но эти отряды, благодаря дальности расстояния и плохому сообщению, так и не удалось присоединить к Народной армии и вообще связаться с ними. Весьма интересное явление происходило на Ижевских и Воткинских заводах Екатеринбургской губернии. Ижевские и Воткинские заводы — большие промышленные центры.

Рабочие эти заводов представляют весьма любопытный тип полурабочего, полукрестьянина. Работая на заводе, они в то же время продолжают вести еще своё крестьянское хозяйство в деревне: или же один член семейства работает на заводе, а остальные работают на земле. Естественно, и в том, и в другом случае, такая семья чувствует свою непосредственную связь с землей и дорожит этой связью.

Когда началось движение на Волге, то и в Ижевских заводах настроение стало подниматься и, в конце концов, вылилось в форменное восстание, возглавленное «Комитетом членов Учредительного Собрания Прикамского района». Большевики, конечно, не могли оставить без ответа выступление ижевцев, началась борьба, продолжавшаяся почти пять месяцев, пока не подошли к ним чешские и сибирские части. В «мирное время», т. е. когда большевики были далеко от заводов и не беспокоили населения — воткинцы и ижевцы работали на заводах, выполняя всю ту работу, которую они выполняли

и в обычное время, но как только большевики приближались к заводам и начинали угрожать их спокойствию, так рабочие, по первому же тревожному гудку завода, бросали свою работу и шли «в армию», достигавшую иногда до 60.000 человек: в Ижевских заводах до 40.000 человек и в Воткинских до 20.000 человек.

Во главе армии стояли главнокомандующий со штабом, во главе полков — командиры полков и т. д., словом, как полагается в каждой хорошей армии. Это была, поистине, народная армия, вышедшая из самых недр народных и созданная самим населением. Когда затем была арестована Директория, то ижевцы борьбу прекратили, и часть из них разошлась по деревням, часть ушла к большевикам, часть, около 15.000 человек, ушла в тыл, в Сибирь, и впоследствии составила основу так называемой каппелевской армии, совершившей знаменитый ледовый поход через Сибирь. Так начала создаваться Народная армия Комуча. Но такая армия, несмотря на многие ее достоинства, не могла удовлетворять Комуча.

Несмотря на свою многочисленность, беззаветную храбрость и преданность делу, на стойкость и упорство в борьбе, все же строить свою борьбу на таких добровольческих отрядах было невозможно. Для нас слишком очевидны были недостатки этих отрядов: недисциплинированность и неустойчивость и, в связи с этим, невозможность подчинить их выполнению определенных военных заданий.

Попробуйте, например, один из таких отрядов перебросить в другой район, и вы увидите, что из этого получится: отряд или откажется выполнить ваше распоряжение, или же разбежится, чему примеров было не мало. Словом, для нас, членов Учредительного Собрания и руководителей военного ведомства было ясно с самого начала, что без мобилизации или призыва, правильной, дисциплинированной армии не создать.

Вопрос заключался не в том, нужно ли производить мобилизацию или не нужно, а в том, когда и как удобнее это сделать. Мы сочли необходимым

сделать это немедленно же, в первый день своего управления. «В срочном порядке, — говорится в приказе Комуча № 2, от 8-го-го июня, т. е. в первый же день по свержении большевиков, — приступить к формированию дисциплинированной и сильной армии». 30-го июня, приказом № 64 объявляется и самый призыв родившихся в 1897-м и 1898-м годах.

Необходимо отметить, что объявлен был призыв, а не мобилизация уже служивших в армии. С первого момента это действие кажется непонятным; на самом деле, почему это призывались новички, ещё совсем не бывшие в армии, не умеющие и ружья взять в руки, а не молодые солдаты, уже побывавшие в армии, коих не надо было ни обучать владеть ружьём, ни муштровать, а можно было бы сейчас же бросить на фронт. Основания к тому у нас были такие. Кого мобилизовать? Старые годы не пойдут, запротестуют и скажут, почему не мобилизуете более молодые годы, а мобилизовать молодые годы — не надежно, это тот самый элемент, который больше всего дебоширил и большевизанил в армии; мобилизуйте, и на следующий же день будете иметь «второй октябрь».

Оставалось одно — произвести очередной, традиционный призыв новобранцев, еще не захваченных большевизмом. При этой комбинации возникала одна угроза, а именно: пока мы мобилизуем новобранцев и обучаем их, на что потребуется не менее 2-3 месяцев, большевики могли оправиться, собрать свои силы и уничтожить нас. Эту возможность мы предвидели, но мы знали наверное, что этого в течение 2-3 месяцев не может случиться.

Разбитые и физически и морально, большевики в течение этого времени не смогут оправиться настолько, чтобы угрожать нам серьёзно, для отпора же их очередных и обычных набегов у нас имеются добровольческие отряды, представлявшие в то время довольно серьёзную силу. Кроме того, мы учитывали ещё и то, что чехи, при всем их искреннем желании поскорее пробраться на восток, всё же в течение 2-3 месяцев не смогут уйти с Волги, а пока они на Волге, их действия неизбежно должны сливаться с действиями

Народной армии. Всё это и давало нам основание создавать Народную армию не на основах мобилизации, а на основах призыва новобранцев.

И наши расчёты, необходимо сейчас же отметить, оказались, как увидим дальше, правильными как в отношении большевиков, так и в отношении чехов.

Набор новобранцев, начатый в первую очередь в Самарской губернии, наиболее освобождённой от большевиков, прошёл, пожалуй, неудовлетворительно. Я не могу дать точных цифровых данных, определяющих успех или неуспех этого начинания, но могу привести, с речательством за точность каждой фразы, доклад начальника Воинского Присутствия, старого и опытного в этом деле человека, служившего по этому же отделу лет двадцать при царском правительстве. Его доклад сводился, примерно, к следующему: Набор прошёл не везде одинаково, но, в общем, удовлетворительно, по его мнению, для данного момента; явилось на призывные участки 65-70% призываемых, т. е. лишь на 20-15% меньше мирного времени. Даже в царские времена, говорил он, никогда не являлись все 100%, а нормально — 85-90%. Крестьянство отнеслось к призыву, в большинстве своём, сдержанно, не проявляя ни большого энтузиазма, ни враждебности: на призывные участки шли, скорее, по инерции и по привычке выполнять распоряжения начальства, нежели по идейным побуждениям. Высота процента явившихся стояла в прямой зависимости от расстояния данного пункта от центра и от фронта, т. е. Самары, и чем он ближе к фронту, тем меньшее количество являлось на призывной фронт, и обратно. Этот его доклад, представленный мне тотчас же по окончании всех призывных операций, т. е. еще в 1918-м году, совпадает и с моими теперешними выводами, сделанными мною как на основании моих личных наблюдений, так и на основании изучения имевшегося в моём распоряжении материала (за исключением оценки его «удовлетворительно», в то время, как, по моему, неудовлетворительно).

В своей докладной записке Управляющему Ведомством Внутренних Дел, т. е. пишущему эти строки, чиновник для особых поручений г. Петровский,

объехав, по моему поручению, все уезды территории Комуча, пишет по сему вопросу: «Самарский уезд. — Мобилизация проходила не совсем благополучно. Из 47 волостей 5 волостей упорно отказывались высылать призванных. Для психологического воздействия создавалась необходимость посылки отряда. Теперь есть основание полагать, что призыв по Самарскому уезду окончится хорошо (из 11.000 призванных по 20-ое августа явилось 8.911 человек, из них; принято 7.824 человека, оказалось негодными 1.087 человек).»

«Николаевский уезд. — Отношение населения к призыву враждебное». Нужно отметить, что в самом центре Николаевского уезда всё время шли бои, фронт тянулся почти через весь уезд, и г. Николаевск все время находился в руках большевиков.

«Бугурусланский уезд. — Общее политическое положение в уезде продолжает оставаться неопределённым, если нет, с одной стороны, особенно активных выступлений против власти Учредительного Собрания, то одновременно с этим нет и активных защитников этой власти. После объявления мобилизации целый ряд сёл и деревень вынес определённые постановления: в армию солдат не давать, мотивируя это нежеланием принимать участие в братской войне... Из 12.310 человек, подлежащих призыву к Воинскому Начальнику по 6-ое августа явилось только 6.335 человек».

«Ставропольский уезд, — Мобилизация в уезде прошла нормально, за исключением немногих случаев пассивного характера».

«Бугульминский уезд. — Мобилизация родившихся в 1897-м и 1898-м г.г. протекает нормально».

«Бузулукский уезд. — И для создания Народной Армии и обязательный призыв вызвали у населения явно враждебное настроение. До 2-го августа из общего числа призванных в 14.441 человек, явилось 1.564 человека. Волости Вознесенская и Лобазинская не только не давали своих призванных, но и убеждали возвратиться домой приходивших новобранцев других волостей».

«Уфимская губерния. — Подавляющее большинство населения, в лице русских, башкир и татар и др. инородцев, измученное насилиями большевиков, радостно встретило известие о падении большевицкой власти. Войска Народной Армии

встречаются ими радушно и предупредительно».... Но через одну страницу пишет: «Мобилизация прошла различно. Интеллигентный класс откликнулся охотно, крестьяне наоборот»... «Симбирская губерния. — Сызранский уезд. Мобилизация прошла пёстро. В одних местах явилось 100%, в других 10%, в среднем 54,0%. Должно было явиться 4.514 человек, явилось 2.472 человека. Волости, непосредственно прилегающие к Сызрани, не менее 89%, на запад (т. е. ближе к фронту. - П. Клим.) процент стремительно падает». .. Вот свидетельство еще одного лица, также близко стоявшего к крестьянским массам и знавшего его настроение великолепно, — члена совета крестьянских депутатов, с.-р. Полякова.

В своем докладе «Деревня, как она есть», сделанного им после его поездки по Самарскому уезду, он говорит (записано стенографически): «В Старо-Буяновской волости относятся к Комучу с большим доверием, но активной поддержки ожидать пока не приходится. В Елховской волости относится большинство населения к власти безразлично, но сельский сход решил не давать призванных солдат. В остальных волостях население относится к настоящему сочувственно, но в большинстве случаев вы увидите там обывателя в полной неосведомлённости о том, что происходит; там царит невежество, темнота, трусливость, жажда порядка, тишины и спокойствия, и кто бы у власти ни был — для них безразлично»...

Чрезвычайно показательным является и настроение крестьянских депутатов на губернском съезде, созванном в Самаре в начале сентября 1918-го года. Когда речь зашла о мобилизации и гражданской войне, то с мест, да и с трибун, раздались определенные и отчётливые выкрики, вроде: долой мобилизацию, долой гражданскую войну, довольно братской крови... Устроители съезда прибежали ко мне встревоженные, с упавшим настроением, умоляя меня поскорее явиться на съезд и «спасти положение», как они уверяли. Моё выступление встречено было очень сдержанно и даже настороженно. Было ясно, что деревня приехала с какими-то новыми настроениями, с новыми

решениями по волнующим нас вопросам. Моя речь произвела, по-видимому, некоторое впечатление, и в результате нам удалось добиться принятия благоприятной для нас резолюции, выражающей и доверие Комучу, и одобрение призыва, и т.д. и т. д., но было ясно, что эта резолюция принята, скорее, по инерции, чем по воодушевлению, больше по привычке слушаться своих вождей, чем по сознанию необходимости принимаемого.

Итак, я прихожу к следующим выводам относительно устроенного Комитетом призыва новобранцев. 1) Призыв, конечно, не удался и прошёл не с тем успехом, на какой мы рассчитывали, судя по энтузиазму, каким было встречено падение большевиков. Призыв новобранцев в большинстве сёл был встречен отрицательно, а в некоторых местах, как это мы видели из доклада Петровского, даже враждебно. Из семи уездов Самарской губернии пять встретили призыв, как мы видели из того же доклада, сухо, неприязненно. Это уже прямой неуспех. 2) Если всё же и явилось на призывные пункты до 65% всех подлежащих призыву, то, как я уже сказал выше, не из энтузиазма, не из сознания необходимости борьбы с большевиками, а по инерции, подчиняясь распоряжению начальства, т. е. из боязни репрессий. 3) Это настроение деревни — нежелание участвовать в гражданской войне — новобранцы принесли и в полки, на что я обращаю особенно внимание читателя, и с ним жили всё время своего пребывания там. Падение большевицкой власти, как уже было сказано, было встречено крестьянством с большим энтузиазмом и радостью: и первые добровольческие отряды составились из крестьянской молодёжи; все Поволжье было полно восставшими крестьянскими отрядами и т. д., и т. д. Но... протекло три месяца, и мобилизация в армию этим же самым крестьянством, встретившим отряды Народной армии с хлебом-солью, была встречена холодно и даже, в некоторых местах, враждебно. То самое крестьянство, которое первое подняло знамя восстания против большевиков, вдруг первое же заговорило и о прекращении братской войны, о мире... В чём тут дело? Что же за эти два-три месяца случилось? На эти вопросы я отвечу дальше, в особой главе, когда буду

говорить о причинах краха волжского движения, а сейчас, не вдаваясь в анализ причин крестьянского настроения, отмечаю — и первое моё утверждение об энтузиазме крестьян при известии о падении большевицкой власти, и второе — о неудаче мобилизации тоже верно. В причинах этой эволюции разберёмся впоследствии...

Наряду с призывом новобранцев, всё время продолжался приём добровольцев, затем была объявлена мобилизация офицерства и унтер-офицерства. Таким образом, Народная армия состояла из таких составных своих частей: 1) Из добровольческих отрядов, которые в свою очередь, делились на два типа: крестьянско-рабочие и офицерско-студенческие. Первый тип — крестьянско-рабочих — отрядов составлялся, по преимуществу, в деревнях и в мелких городках; второй тип — офицерско-студенческий — в губернских и уездных городах. Всего в этих отрядах насчитывалось одно время, по взятии Казани, до 10.000 человек; 2) из казачьих частей Оренбургской и Уральской областей; 3) из мобилизованных частей из новобранцев 1897 и 1898 годов. Всего в Народной армии, включая и мобилизованные и добровольческие части, включая, кажется, и казачьи части, но этого утверждать не могу, согласно докладов военного штаба, на 1-ое сентября 1918-го года значилось 121.000 человек. (Сюда, конечно, не входили армии Ижевских и Воткинских заводов, находящиеся долгое время вне нашего влияния). — Армия, даже для России, не малая, с коей можно было взять не только Казань, но и Москву.

7. Состояние народной армии

Этот вопрос — один из самых кардинальных и спорных в истории волжского движения и требует особого исследования и особой разработки. К сожалению, я не располагаю ни временем, ни соответствующими материалами, чтобы заняться таковой разработкой. Я беру на себя задачу более скромную, —

восстановить для истории те сообщения и доклады, кои делались Комучу руководителями Военного Ведомства по этому вопросу, и на основании этих докладов осветить хотя бы до некоторой степени состояние Народной армии.

Выше мы уже сказали, что, согласно доклада Военного Ведомства, в Народной армии на 1-ое сентября 1918 года числилось 121.000 человек. Армия не малая, если бы удалось привести её в боевое состояние. Однако, из этого количества вооружённых было до взятия Казани около 8.000 человек, после взятия Казани до 15.000 человек. Обучение новобранцев производилось с палками. Это обстоятельство вызывало среди них явное недовольство. «Зачем же нас созвали, — говорили они, — если нет винтовок. Что мы будем делать, если на нас нападут большевики; не палками же отбиваться от них»?

Помимо этого, в некоторых уездных городах не оказалось ни обмундирования, ни инструкторского состава для обучения новобранцев. Стянув призывных в уездные пункты, Воинские Начальники в некоторых уездах буквально не знали, что с ними делать — не было ни помещения (большевики все уничтожили), ни обмундирования, ни офицерского состава. Продержав новобранцев в городе иногда два-три дня, Военное Ведомство снова отпускало их по домам... Наш военный штаб оказался в этом отношении ниже всякой критики. С первого же дня между офицерством и солдатами началось взаимное непонимание и недовольство; солдаты, боясь всего старого, не доверяли офицерам, а офицеры — солдатам. С первых же дней размещения солдат по казармам, в Комуч стали поступать сведения, что в казармах «не все благополучно», солдаты, недовольные введением в армию старых «царских» порядков, титулования, молитв, начинают проявлять большое беспокойство. Моё предложение — назначить особую комиссию для обследования положения в армии, встретило почему-то такой отпор со стороны Галкина и вообще Военного Штаба, что Комуч счёл за лучшее этого вопроса даже не ставить. Наши благие пожелания, наши задания — создание новой демократической

армии, построенной на взаимном уважении и понимании солдата и офицера, так и остались благими пожеланиями.

В конечном итоге, как следствие всех вышеуказанных причин, в армии началось дезертирство, настолько сильное, что Комуч, по докладу Управляющего Военным Ведомством, вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь. Дезертирство усилилось, когда большевики подступили к Самаре.

Новобранцы, набранные по волостям Самарской губернии, использовали это, и стали массами уходить в свои деревни под прикрытием красной армии. Особенно сильно повлиял на дезертирство отказ двух офицерских батальонов выйти на фронт и самовольный уход их из Самары в Сибирь. Необходимо несколько подробнее остановиться на положении офицерства и его отношении к Комучу.

Положение офицерства, несомненно, было тяжелое. С одной стороны, новое начальство, в лице Комуча, требует от него создания какой-то новой, неизвестной и чуждой ему армии, типа и духа коей оно и не может себе представить, а с другой — его навыки, его прошлое, его окружение повелительно диктуют ему другое. В третьих, и солдат-то появился какой-то новый, беспокойный, самовольный, с новыми запросами и с новыми претензиями, также ему неизвестными. Как тут подступить к делу? Если бы это было в другое время, в более мирное, а не такое горячее, как пережитое время на Волге, то, может быть, офицерство и справилось бы с своей задачей и создало бы то, что требовалось от него велениями Комуча, а то время то было очень уж горячее, некогда было долго размышлять над затеями начальства, а надо делать... И стал офицер делать армию знакомыми и близкими ему методами.

Материальное положение офицерства было чрезвычайно тяжёлое, можно сказать, прямо ужасное. Офицер рядовой получал 5 рублей в сутки, ротный командир 10 рублей, командир полка 15 рублей. И всё. (Понятно, столом

пользовался каждый офицер даром). Естественно, на такие средства, когда прожиточный минимум определялся, примерно, в 500-600 рублей в месяц, нельзя было содержать не только семью, но и самому прожить. Но этого мало. Иногда и такое ничтожное жалование не выдавалось за неимением средств по 2-3 месяца.

К чести офицерства, должен сказать, что на этой почве офицерство никогда никаких неудовольствий не проявляло и несло свое бремя терпеливо и гордо. Ставки вознаграждения офицерству установил не Комуч, а Военный Штаб, т. е. сами офицеры; члены Комуча не раз ставили вопрос о повышении ставок, но всякий раз встречали самый решительный отпор именно со стороны самих военных кругов. Представители Военного Штаба всегда отказывались от повышения ставок, мотивируя тем, что в настоящее время происходит гражданская борьба, что они сражаются за идею, а не за ставки, что высокие ставки породят озлобление к офицерству со стороны солдат, довольствующихся обыкновенным военным пайком. Мы с этим считались и ставки не изменяли.

Особенно сильное, прямо коренное расхождение между Комучем и военными кругами обнаружилось в отношении тех и других к рабочим и к их собраниям. Отношение Комуча к рабочим и к рабочим собраниям я уже определил выше — отношение благожелательное, содействующее их укреплению, а не ослаблению. Распустив совет рабочих депутатов старого, большевицкого состава, мы разрешили рабочим созвать сейчас же рабочую конференцию для избрания совета в новом составе.

Это разрешение вызвало целую бурю недовольства в среде наших военных кругов. Галкин прибегал буквально каждый день в Комуч и требовал разгона конференции. — Что вы допускаете эту пропаганду, — возмущался он: — это большевизм. Это «керенщина». И когда мы, и, в частности, я, в качестве Министра Внутренних Дел, категорически отказали разогнать конференцию, то Галкин, в лице контрразведки, на другой день арестовал всех оппозиционных

ораторов, хотя они и не были большевиками. В ответ на протест конференции, военная контрразведка арестовала ещё двух её членов. Нет надобности подчеркивать, какое возбуждение против военных кругов создалось на конференции после этих арестов. Существовала в Самаре социал-демократическая организация так называемых интернационалистов, безобиднейшая организация. Работники её нам всем наперечёт были известны. Милейшие люди, и занимали они позицию в то время, для нас весьма благоприятную — в активной борьбе не участвовать, но в хозяйственных органах Комуча работать, — вот их позиция. Этого нашим военным кругам было мало. Интернационалисты... Это что-то страшное. Надо разгромить. И разгромили... Лидеров её арестовали, а здание закрыли. Пришлось снова вмешиваться, и снова вести длиннейшие переговоры о ликвидации этого ненужного, безалаберного налета.

Я не обвиняю офицерство и говорю всё это не в упрек им. С своей точки зрения они, может быть, и последовательны были, подталкивая нас на режим террора и диктатуры. Своими замечаниями я хочу лишь указать, что между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению.

Стремление Комуча — опереться на широкие народные массы было чуждо им и непонятно; они все спасение видели в военной силе и, в частности, в командном его составе; для Комуча же как раз эти устремления, находящиеся в полном противоречии с его демократической идеологией и психологией, — были совершенно неприемлемы. Отсюда взаимное недовольство и недоверие. Недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча.

Самыми существенными из таких реальных действий, помимо других, я считаю заговоры о свержении власти Комуча. Из таких попыток свергнуть власть Комуча нам было известно три. Первый заговор был обнаружен в

первые же дни власти Комуча. Группа офицеров, но преимуществу из Штаба Военного Министерства, явилась к генералу Чечеку — начальнику 1-ой Чехословацкой дружины и командующему волжским фронтом и заявила ему, что власть Комуча их абсолютно не удовлетворяет; это — повторение керенщины. Нужна твёрдая и авторитетная власть: таковой может быть лишь военная единоличная диктатура. Поэтому они решили Комуч арестовать и передать всю власть военному командованию. Как отнесутся к этому чехословаки и, в частности, он, генерал Чечек? На это генерал Чечек ответил: — Меня удивляет ваше обращение. Не успели организовать как следует фронт против большевиков, а вы уже помышляете о создании фронта против Учредительного Собрания. Вы думаете, если арестуете членов Учредительного Собрания, за вами крестьяне и рабочие пойдут? Нет, а если нет, с кем же, с какими силами вы хотите вести борьбу с большевиками? Это одно, а другое — мы будем сотрудничать только с властью демократической, с такою властью, которую будет поддерживать русский народ. Власть Комуча именно таковая власть в данное время. И, наконец, третье. Я командующий волжским фронтом и войсками Народной армии. Следовательно, вы обращаетесь ко мне с предложением, чтобы я помог вам арестовать власть, меня назначившую командующим. Идите, и больше ко мне с такими речами не являйтесь... Группа заговорщиков, однако, первой неудачей не была удручена.

Та же группа, в том же составе продолжало вести работу дальше. Избирается тайный военный штаб, посылается делегат к генералу Алексееву с предложением возглавить, после переворота, волжское движение; назначается даже день ареста Комуча, но... как это почти всегда бывает в подобных случаях, бдительное начальство не дремало и, в последний момент, заговорщики накрыты... Чтобы не создавать шуму и не вызывать еще большего недоверия в среде солдат к офицерству, Комуч ограничился только тем, что всех обнаруженных участников заговора отправил на фронт, не предав их даже суду...

Третья попытка. Однажды рано утром, — еще только начало светать, — когда люди крепче всего спят, комендант Комуча, обходя караульные посты у здания Комуча, заметил на углу офицера в дореволюционной форме, с погонями и кокардой, чего в Самаре не допускалось носить, что-то записывающего себе в записную книжечку. Комендант, подойдя к офицеру, спросил его, что он здесь делает. — А вам какое дело? — грубо ответил офицер. — Я комендант этого здания. — Как вам не стыдно?!. — набросился вдруг офицер на коменданта. — Вы, как видно, офицер Его Величества, а охраняете эту красную тряпку, — указал он на красный флаг, развевающийся над зданием Комуча. — Подождите, завтра же этой красной тряпки здесь не будет! Комендант, не говоря ни слова, возвратился в здание Комуча и, взяв нескольких солдат, вышел снова на улицу, чтобы задержать подозрительного офицера. Офицер, однако, уже скрылся. Началось преследование его, давшее вдруг совершенно неожиданные результаты. Оказалось... на запасных путях Самарского вокзала стоял целый день эшелон казаков из Анненковского отряда, и об этом пребывании их никому не было известно. На вопрос, зачем они сюда прибыли, комендант эшелона дерзко ответил: «Разогнать учредилку»... Комуч приказал эшелон разоружить, но... вдруг у штаба не оказалось ни одной роты свободной, чтобы выполнить это приказание... Из дальнейшего расследования этого события было установлено, что отряд прибыл в Самару несомненно при содействии штаба, но кого именно из штаба — невозможно было установить; всё было так запутанно, переплетено, что разобраться в этой путанице было почти невозможно, а главное — некогда. Пришлось и здесь ограничиться лишь тем, что возвратить отряд обратно... Это событие ещё раз с несомненностью подтвердило нам, что в нашем военном штабе есть какая-то группа, которая всё время ведёт работу, направленную против власти Комуча к замене его власти властью военной.

Таким образом, и здесь, в среде офицерства, Комуч не встретил такого понимания, на которое рассчитывал, и такого безоговорочного сотрудничества,

какое необходимо было для успешности борьбы с большевизмом; тот же отпор, то же стремление поскорее отделаться от этой чуждой ему власти, как и в среде промышленно-землевладельческих кругов и в среде кадетов.

8. Военно-политический план движения и взятие Казани

Приступая к организации волжского движения, мы не задавались вопросом о том, в каком направлении вести борьбу с советской властью. Нам казалось, что этот путь укажет нам сама жизнь, само движение; трудно предвидеть за месяц вперед, в каком направлении оно развернется, нужно лишь иметь чуткое ухо и зоркий глаз, чтобы определить правильную линию движения. Эту линию, думалось нам, мы определим в процессе борьбы, когда с ясностью обнаружатся хотя бы основные контуры фронта. Однако, на второй же день после свержения большевиков нам стало ясно, что без строго определенного стратегического плана вести борьбу невозможно; необходимо сейчас же, не взирая на некоторые отдельные заманчивые перспективы, определить основной путь движения наших военных сил, не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, хотя бы отклонение и обещало некоторый временный успех. И еще одно.

До начала военных действий нам казалось, что это военное дело, а нам — штатским людям, — делать здесь нечего; оказалось совсем наоборот — с первых же дней стало ясно, что это дело по преимуществу политика, а не военного специалиста; при первых же мыслях о военно-политическом плане продвижения встало столько чисто политических соображений, политических моментов за тот или другой план, при наличии которых люди военные были беспомощны без нашего участия разобраться. Этим и объясняется, что план волжского движения был разработан, обсужден и утвержден совместно Комучем, военным штабом и командующим волжским фронтом генералом Чечеком.

Не помню точно числа, когда состоялось утверждение этого плана, но помню точно, что это было вскоре же после занятия нами Самары. План дальнейшей борьбы держался в абсолютной тайне, знали о нём лишь члены Комуча, генерал Чечек, Галкин и 3-4 лица из штаба. При построении нашего военного плана мы исходили из того предположения, что чехословаки останутся на Волге еще не менее 2-3 месяцев. Мы отлично были осведомлены об их искреннем и горячем стремлении поскорее выбраться из России на восток, а оттуда на западный фронт, но мы также отлично знали, что выполнить этого раньше, чем через два-три месяца они не смогут.

Чехословацкие войска в тот момент были разорваны на две части, одна в Сибири, другая — в Самаре; обе части двигались в направлении одна к другой, чтобы соединиться; на это требовалось, при самых благоприятных для них обстоятельствах, минимум 5-6 недель и затем 2-3 недели требовалось на ликвидацию ими волжского фронта, если бы все же они решили его оставить.

Мы не сомневались, что чехословаки волжского фронта скоро не оставят, во-первых, потому, что не в интересах самих же легионеров и их движения было покидать так быстро волжский фронт, не организовав на Волге заслона из русских же сил, способного хотя бы на время задержать большевицкое движение. В количественном превосходстве большевицких сил ни они, ни мы не сомневались и знали, что не сегодня, так завтра большевики оправятся от первого удара, нанесённого им чехами, и бросят против них такие силы, кои, если и не раздавят чехов, то, во всяком случае, весьма и весьма сильно опустошат их ряды. Зачем же подвергать себя такой опасности? Не сомневались мы в этом ещё и потому, что чехословаки, любящие Россию какой-то романтической сыновней любовью, видящие в большевиках зло и гибель для России, не могли оставить Волги, не оказав содействия движению, направляемому к спасению, к освобождению так любимой и дорогой для них России. Принимая это, как необходимую предпосылку, мы и должны были, согласно нашему плану, употребить все усилия и все напряжение наших сил,

чтобы в течение ближайших трех месяцев, в течение коих чехи несомненно еще останутся на Волге, создать свою правильную армию, способную продолжать борьбу и без содействия чехословацких войск.

При разработке плана мы исходили ещё и из того положения, что всю магистраль Сибирской железной дороги занимают чехи и ее охраняют; они же занимают и всю магистраль Самаро-Златоустовской железной дороги. Остаются, таким образом, открытыми такие направления: 1) Самара — Симбирск — Казань — Москва, то есть линия, вверх по Волге; 2) Самара — Сызрань Пенза — Москва, по линии железной дороги; 3) Самара — Хвалынский — Саратов — Астрахань, т. е. вниз по Волге, и 4) Самара — Николаевск — Уральск, степной путь.

Из этих четырёх путей мы все одинаково, как члены Комуча, так и военные наши спецы, считали главными, основными — два фронта: Самара — Астрахань и Самара — Казань. По какому из них идти? Куда направить свой удар, чтобы скорее достигнуть своей главной цели?

После продолжительного и всестороннего обсуждения в течение чуть ли не трех заседаний, был единогласно как членами Комуча, так командующим войсками и членами Военного Штаба Народной армии принят следующий план борьбы:

1. Основным направлением, куда должны быть брошены главные наши силы, считать направление Самара — Саратов; сюда должно быть устремлено все наше внимание и в этом направлении мы должны продвигаться вперед, считая все остальные фронты лишь подсобными.

2. В направлении вверх по Волге наши части занимают Ставрополь — Симбирск, и здесь, в окрестностях Симбирска, окопавшись, ведут оборонительную борьбу, стараясь удержаться лишь в Симбирске.

3. В направлении Николаевска ведется только оборонительная борьба, препятствующая отрядам подходить к линии железной дороги.

4. Линию железной дороги Самара — Бузулук — Оренбург очищают чехи и затем передают ее охране оренбургских казаков.

5. Линию железной дороги Самара — Уфа — Челябинск занимают чехословацкие войска, вне зависимости от нашего плана.

Основания, коими мы руководились при принятии приведенного плана, были следующие: Район Самара — Саратов — крестьянский район, на всем этом пути нет ни одного крупного рабочего центра. Следовательно, район, где мы скорее всего и больше всего можем найти поддержку и силы. Особенно привлекала наше внимание Тамбовская губерния, граничившая с Саратовской, где крестьянское движение, так называемое Антоновское, продолжалось все время, обещая нам солидную поддержку. Я уже сказал, что на солидную активную поддержку рабочих мы не рассчитывали и посему всю ставку делали на крестьянские районы.

Помимо того, с захватом Саратова мы протягиваем одновременно руку Астраханскому казачеству, Уральскому и Алексееву. Захвативши Саратов, мы овладеваем линией железной дороги Саратов — Уральск и тем самым освобождаем все силы Уральского войска, в коих мы так всё время нуждались. Одним этим ударом мы освобождали огромную территорию, с населением, несомненно, настроенным антибольшевицки, составляющую географически вполне законченное целое, отделенное от остальной России Волгой и Каспием с одной стороны, и Уралом — с другой.

Это положение значительно облегчало борьбу с Москвой. Помимо этого, соединение наших сил с силами генерала Алексеева, возможное только через этот путь, также заставляло нас предпочесть этот путь всякому другому. Генерал Сахаров в своей книге «Белая Сибирь» упрекает нас в том, что мы, будто бы боясь соединения с генералом Алексеевым, из за боязни этого соединения предпочли идти на Казань, а не на Саратов — Царицын, куда приближались к тому времени войска генерала Алексеева.

Этот упрёк, как это мы видим из вышеизложенного, а также из дневника Вл. Ив. Лебедева, — одного из участников и руководителей казанского похода, напечатанного в журнале «Воля России», — несправедлив.

Не буду говорить здесь о нашем отношении к южному движению, оно было сложное и не всегда одинаковое, скажу об этом в другом месте, если время позволит это сделать, здесь же кратко устанавливаю: Свой план движения мы составляли не применительно к тому, нужно ли объединиться с генералом Алексеевым, или избегать этого объединения; скорейшее соединение наших сил с силами Юга мы считали желательным и, как видим, этот мотив также играл значительную роль при выборе нами пути движения; но не к этому исключительно были направлены наши устремления; Юг для нас и то время был загадкой; больше того, у нас было больше оснований предполагать, что это движение враждебно нашим демократическим заданиям, и все же, несмотря на это, руководствуясь поставленными себе задачами, мы не уклонялись от возможности соединения с Югом, а, наоборот, пошли навстречу этому объединению.

Возвращаемся к нашему плану. Овладение Симбирском для нас было важно по двум соображениям, во-первых потому, что в Симбирске находились большие военные заводы и большие интендантские склады, и с взятием Симбирска мы овладевали огромными запасами обмундирования, пуль, ружей и т. д., т. е. всем тем, в чем мы тогда так нуждались. Кроме того — и это самое главное — Симбирск узловым пунктом, соединяющим железнодорожные пути от Уфы к центру России.

Владея Симбирском, большевики могли свободно бросать свои войска из центра России прямо в Уфу, наперерез чешским войскам и, таким образом, зайти нам в тыл, отрезать нас от Сибири и окружить в кольцо из своих войск. Этой ошибки наши военные люди, конечно, не могли допустить.

Николаевский фронт значительной роли в начале борьбы не играл и ему большого значения не придавали. С захватом Саратова и Уральской магистрали

он ликвидировался сам собою. Таким образом, основное направление наших войск, куда должны быть брошены главные силы Народной армии, являлось, согласно плану, саратовское направление, а не казанское.

Почему же вместо саратовского направления, войска Народной армии пошли казанским и вместо Саратова взяли Казань? Какие причины и какие обстоятельства заставили Комуч изменить своему первоначальному плану? Через несколько дней после взятия Симбирска, кажется, дня через два-три, Галкин является на заседание Комуча и возбужденно, чрезвычайно взволнованным голосом, просит предоставить ему немедленно слово для «чрезвычайно важного сообщения». Вместо сообщения, Галкин вынимает телеграфную ленту своего разговора по прямому проводу с Фортунатовым и Лебедевым, находящимися в то время в Симбирске при Народной армии, и прочитывает её. Оба указанные лица в телеграфном разговоре заявляют, что в армии беспокойно (на этом месте у Лебедева как раз разговор «обрывается»), настроение весьма повышенное, отряды «рвутся в бой» на Казань и, если, де, они попытаются удержать их, то всё равно войска не послушают их и двинутся дальше.

Мы предвидели, что воодушевившись рядом побед, наэлектризованные паническим бегством противника, отряды Народной армии не захотят остановиться на месте, да, пожалуй, и не смогут, если бы некоторые из них этого и захотели. В движении, в особенности в таком стремительном движении, как в первые дни на Волге, было что-то механическое, стихийное, могущее оказаться роковым для нас. Но... ожидая этой стихийности от солдат, мы уж ни в коем случае не ожидали её от руководителей движения, в особенности от Фортунатова, человека холодного, стойкого, обладающего огромным самообладанием. Передав весь разговор, Галкин спрашивал, как ему быть.

Взятие Казани не входило в задания Народной армии. Больше того, продвижение к Казани, далеко отстоящей от центра, т. е. от Самары (1.008 верст), считалось крайне опасным. Помимо того, что это продвижение

увеличивало наш фронт и тем разрежало силы Народной армии, к тому времени еще весьма слабые, оно еще отвлекало Народную армию от главной цели ее движения — от Саратова. Продвигаться же в обоих этих направлениях одновременно не представлялось никакой физической возможности, ибо солдат не хватало на один фронт, не только что на два. Это и Фортунатову и Лебедеву, как членам Военного Штаба, хорошо было известно. Кроме того, Казань — большой рабочий центр.

Мы ещё раньше знали, что казанские рабочие в большинстве своем настроены большевицки. Словом, на Казань мы смотрели, как на гнездо большевиков, удержать какое нам будет чрезвычайно трудно. Подсилить в военном отношении Казань не могла, ибо население её уездов, по преимуществу татарское, относится, по нашим сведениям, совершенно индифферентно к власти и участвовать в гражданской войне не будет. Для чего же брать такой сомнительный и даже опасный пункт?

На основании этих соображений Комуч еще раз, в полном своем составе, совместно с генералом Чечekom и Управляющим Военным Министерством Галкиным, постановил плана не изменять и войскам приказать оставаться в Симбирске, вызвав оттуда и Фортунатова и Лебедева. Начались переговоры. Галкин вел разговор с Лебедевым и Фортунатовым, а генерал Чечек с полковником Степановым, командующим симбирской группой и юридически ответственным за все её действия.

Мне трудно восстановить все эти разговоры, длившиеся целый день и ночь, до 3-х часов утра, но я отлично помню заключительный аккорд этих переговоров, а именно: не добившись благоприятного ответа от Симбирска, Галкин в конце разговора говорит: «Приказываю вам от имени Комитета Членов Учредительного Собрания, Военного Штаба и командующего войсками, немедленно возвратиться в город и движение на Казань отставить». «Слушаюсь» — ответил Симбирск. Успокоенные этим «слушаюсь», мы мирно разошлись по своим домам, в полной уверенности, что движение на Казань

ликвидировано. Прошёл день, прошёл другой, а мы ничего и не знали. И вдруг телеграмма: «Мы под Казанью»... Легко себе представить, каково было наше изумление, возмущение и тревога по получении этой телеграммы.

Что было делать? После продолжительного обсуждения, опять с участием командующего войсками и управляющего военным министерством, было признано, что иного ничего нельзя сделать, как только примириться с совершившимся, исправив то, что еще можно исправить. Отзывать войска, находящиеся у самой цели их продвижения, и, быть может, в бою — невозможно. Это значило бы развалить всю армию и сорвать движение.

Преступление, совершенное двумя самоуверенными смельчаками, пришлось покрыть авторитетом всего Комуча, превратив его в их триумф, умолчавши, конечно, об их своеволии. Так был опрокинут весь план движения, с такой осторожностью, вдумчивостью и серьёзностью разработанный Комучем. С взятием Казани дальнейший план кампании, естественно, предрешался сам собой; все наши силы с этого дня были направлены на то, чтобы удержать Казань, ставшей с этого момента центром всех военных операций; все части, кои предполагалось бросить на саратовский фронт, пришлось задержать и бросить под Казань; удержим Казань — значит, есть еще некоторые надежды на продолжение борьбы; не удержим — все пропало, отступление начнется с такою же быстротой, с какою происходило и наступление.

Но почему же, спросят меня, взявши Казань, вы не оставили её тотчас же, раз считали захват ее ошибкой, ведущей вас к отвлечению от основного военного плана? Почему вы считали необходимым не только удержать её, но и ещё, преступление, совершенное двумя-тремя лицами, покрыть своим авторитетом и оправдать его? Не лучше ли было немедленно же войска отозвать из Казани, а инициаторов, нарушивших волю власти, отдать под суд?

Все эти вопросы и предложения возникали и обсуждались в Комуче не раз. Комуч занимался ими не одно, а несколько заседаний, и в большинстве

своём приходил все же к одному и тому же решению: оставлять Казань после происшедшего ни в коем случае нельзя; оставить ее немедленно же — это значило вызвать страшную панику среди городского населения, с таким восторгом встретившего Народную армию, и подорвать всякое доверие к власти и к движению. Можно было оставить Казань, вывезя оттуда золото, военные материалы, но для этого необходимо было пробыть в Казани 2-3 недели, а пробыв 2-3 недели добровольно оставлять город это значило сознаться в своём бессилии.

Нужно иметь в виду, что очень многие и из Комуча поддались настроению победителей. Блестящий успех под Казанью опьянил головы не только нашим военным руководителям казанской операцией, но и членов Комуча. Казалось, еще один такой смелый налёт, и, кто знает, может быть и Москва будет нашей... Во всяком случае, отступление назад, возврат на прежние позиции при том настроении среди солдат и населения, какое создалось в результате завоевания Казани, считалось всеми нами гибельным и невозможным. Благодаря этому и пришлось примириться с перестройкой плана.

П.Д. Климушкин

Приложение

Таблица 1. Состав Второго Самарского губернского крестьянского съезда. 20 мая - 6 июня 1917 года. г. Самара

ДЕЛЕГАТЫ											
Самарской деревни		Самарских городов: уездных и губернского центра									Всего
Волостных комитетов народной власти и сходов		Уездных городов	Депутатов советов (губернский центр – г. Самара)			Губернских комитетов политических партий (губернский центр -г. Самара)					
Волостных сходов	Волостных комитетов народной власти уездных городов		Рабочих (Самарский городской)	Крестьянский (губернский)	Военных (гарнизонный)	Народной свободы	Народных социалистов	Социалистов-революционеров	Социал-демократов (м)	Социал-демократов (б)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
482	63	22	9	26	8	4	1	8	4	3	630
545 (87%)		85 (13%)									100%

Источник: Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 года и протоколы общегубернского сословного с 28 мая по 6 июня 1917 года. Самара, 1917. С.6-16.

Таблица 2. Состав земельной комиссии Второго Самарского губернского крестьянского съезда, подготовившей 24 – 30 мая 1917 года проект «Временных правил землепользования в Самарской губернии до Учредительного собрания»

члены земельной комиссии, представлявшие										
Крестьян, избранных волостными сходами	Волостные комитеты народной власти	Уездные комитеты народной власти	Уездные города	Министерство земледелия	Партию народной свободы	Партию народных социалистов	Партию социал-революционеров	Социал-демократическую рабочую партию (м)	Социал-демократическую рабочую партию (б)	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
26	2	6	7	1	-	1	4	1	1	48

Источник: Протоколы 2 Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня и протоколы общегубернского сословного съезда с 28 мая 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С. 6 – 16, 52.

Таблица 3. Состав Самарского губернского земского собрания в июне 1917 года

социальное положение гласных Самарского губернского земского собрания										
Крестьян	Дворяне	земские служащие			мещане и торговцы	рабочие	священники	солдаты и прапорщики	мелкие чиновники	Прочие
		учителя	врачи	агрономы						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
69	10	20	6	4	7	5	5	9	3	5
48%	7%	14%	4%	2%	5%	4%	4%	6%	2%	4%
Всего: 143										

Источник: Журналы Самарского губернского земского собрания Чрезвычайной сессии 6-13 июня 1917 г. с приложениями. Самара, 1917. С.40, 53 – 54.

Таблица 4. Социальное положение и партийность членов земской Земельной комиссии, созданной на Чрезвычайной сессии Самарского губернского земского собрания 6 июня 1917 года для разработки программы деятельности земельных комитетов в губернии

Представители							Депутаты советов				Партийность					всего
дворян и помещиков	Крестьян	торговцев	агрономов	учителей и преподавателей с/х училищ	священников	не установлено	крестьян	военных (солдатских.)	рабочих	общественных организаций	конституционных демократов	народных социалистов	социалистов-революционеров	социал-демократов	не установлено	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
-	7	1	1	4	2	5	3	1	-	2	1	1	3	-	21	26

Источник: Журналы самарского губернского земского собрания Чрезвычайной сессии 6-13 июня 1917 г. с приложениями. Самара, 1917. С.53-54.

Таблица 5. Создание уездных земельных комитетов летом 1917 года в Самарской губернии

Уезды	май	июнь	Июль
1. Бугульминский		15-го	
2. Бугурусланский	23-го		
3. Бузулукский		1-го	
4. Николаевский			1-го
5. Новоузенский	23-го		
6. Самарский	15-го		
7. Ставропольский	24-го		
Темпы создания уездных земельных комитетов			
Самарская губерния	4 (57%)	2 (29%)	1 (14%)

Источник: Госархив Самарской области. Ф. 823. Оп. 1. Дд. 1, 2, 8, 11, 13, 15; ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1, 2, 9.

Таблица 6. Создание волостных земельных комитетов летом и осенью 1917 года в уездах Самарской губернии

Уезды	Волосте й в езде	Имеются сведения	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябр ь	Октябрь	Ноябрь	Всего по езду
1. Бугульминский	38	38	38 - функции ВЗК исполняли Ком. народной власти							38
2. Бугурусланский	49	31		3	2	2	7	16	1	31
3. Бузулукский	52	52		52						52
4. Николаевский	66	66		9	57					66
5. Новоузенский	52	40	3	31	3	1			2	40
6. Самарский	37	24		6	5	7	3	2	1	24
7. Ставропольский	36	36				16			20	36
Всего по губернии:										
Абс.	330	287	41	101	67	26	10	18	24	287
%	100	87	12	31	20	8	3	6	7	87

Источник: Госархив Самарской области. Ф. 768. Оп. 1. Д. 1; Ф. 801. Оп. 1. Д. 1; Ф. 801. Оп. 2. Д. 2, 3.; Ф. 823. Оп. 1. Д. 1, 1а, 3, 4.; Ф. 823. Оп. 2. Д. 3, 4, 8, 10, 11, 12, 13, 15; Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 8; Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 3; ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 25; Д. 2. Л. 39-39 об.; Д. 9. Л. 162, 163;

Таблица 7. Состав Организационного собрания Самарского губернского земельного комитета. 26 июня 1917 года

Представлены делегаты																
Уездов			Губернских организаций													Всего
Уездные представители губернского Совета крестьянских депутатов	Уездные комитеты народной власти	Уездная земская управа	Губернский совет крестьянских депутатов	Губернское земское собрание (гласные)	Агрономический отдел губернской земской управы.	Статистический отдел губернской земской управы	Чертежный отдел губернской земской управы	Окружной суд	Мировой съезд судей	Союз лесоводов	Крестьянского поземельного банка	Губернского Продовольственного комитета (сельскохозяйственный отдел)	Землеустроительной комиссии-	Городская дума (г. Самара)	Министерства земледелия	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
7	7	1	3	4	1	1	1	1	1	3	1	1	1	1	1	35
15			20													

Источник: Госархив Самарской области. Ф. 823. Оп. 2. Д. 1. Л. 44 - 44 об.